

Михаил Юрьевич Лермонтов

Полное собрание стихотворений

Стихотворения 1828 года

Осень

Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл, и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

Заблуждение Купидона

Однажды женщины Эроса отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремится.
Ваш подлый род один! – безумный говорит.

*

С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она...
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смирней, на тех падет вина!..

Цевница

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты

Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций,
И куст прелестных роз, взлелеянных весной.
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось всё теперь: так, поутру, туманы
От солнечных лучей редуют средь поляны.
Исчезло всё теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое воспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!

Поэт

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал:
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

Примечания к стихотворениям 1828 года

Осень

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 1).

В автографе позже приписана рукой Лермонтова дата в скобках: «1828».

Заблуждение Купидона

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 3.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 1).

В автографе позже приписана рукой Лермонтова дата в скобках: «1828».

Цевница

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 3 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3. № 16, стлб. 487).

В автографе позже приписана рукой Лермонтова дата в скобках: «1828».

Поэт

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 28 (в письме Лермонтова к М. А. Шан-Гирей от декабря 1828 г.), л. 2; предшествовавший ему автограф второй половины стихотворения (от слов «таков поэт») имеется в ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 3.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, кн. 2, стр. 294–295).

Датируется 1828 годом по нахождению в письме к М. А. Шан-Гирей.

Стихотворения 1829 года

К П.....ну

Забудь, любезный П<етерсо>н,
Мои минувшие сужденья;
Нет! недостойн бедный свет презренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть струны порванной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Зачем же всё в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, —
Везде утехы есть толпе престонародной;

Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..

К Д....ву

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей;
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю, —
И больше им не доверяюсь!..

Посвящение. N. N

Вот, друг, плоды моей небрежной музы!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю всё: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты всё прочтешь в немой душе моей;
Тогда: — беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..

Пир

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снесь, кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

Веселый час

(Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне
Как прежде утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий <и> старинный;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,

Что так мне удастся!

Иль если крыса, в ночь,
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь – и тут!..
Послыша глас тревоги —
Она – давай бог ноги!..

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу – и тем сытей
Всегда почти бываю.

.....
.....

Тогда я припеваю

.....
.....

«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»

К друзьям

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.

*

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.

*

Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

Эпиграмма

Дурак и старая кокетка – всё равно:
Румяны, горсть белил – всё знание его!..

Мадригал

«Душа телесна!» ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовию дыша:
Твое прекраснейшее тело
Не что иное как душа!..

Романс

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел, изгнанник самовольный,
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, сказал он, други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?

*

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Заглядят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

*

«Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Всё будешь ты в моих очах!»

*

В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!

Портреты

1

Он некрасив, он невысок,
Но взор горит, любовь сулит,
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Лиют без слов язык богов.
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной.
Не любит он и славы дым.
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь,
Всё бросил он как лживый сон!
Не знал он друга меж людей,
Везде один, природы сын.
Так жертву средь сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,

Всегда по моде он одет.
А щечки – полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение – злодей!..

4

Всё в мире суета, он мнит, или отрава,
Возвышенной души предмет стремленья – слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоко питает, —
Не знает он тайны природы.
Открыт всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

К гению

Когда во тьме ночей мой не смыкаясь взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня, невольно, к воспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанию!..
О сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней, и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу, забывшись им. Но полный весь тоскою
Неверной девы лик мелькает предо мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный *Гений*:
Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья...
...И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие!.....

.....
.....

Но ты забыла, друг! когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою склонял —
И был ответом вздох, твою я руку жал —
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,
И совесть чистая с беспечностью драгою,

Хранители души, останьтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

Покаяние

Дева

– Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

– Если дух твой изнемог,
И в сердечном покаяньи
Излиешь свои страданья:
Грех простит великий бог!..

Дева

– Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Всё прошло, что было прежде, —
Где ж найти уплывших лет?
Не хочу я пред небесным
О спасеньи слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделенью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но любви тайна сладость
Укрывалася от глаз;

Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала;
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

Поп

Если таешь ты в страдании,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянии:
Не простит великий бог!..

Письмо

Свеча горит! дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилось – и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! – Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладающую руку...
Далеко ты! не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... прочтешь его... тогда
Быть может я, при песнях погребальных,
Сойду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или, в часы беспечного досуга,
Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собранья
И к ложу тайному приедешь одна;
Посмотришь в зеркало и жар дыханья

Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огонь на девственны ланиты,
К груди молодой прильнет безвестный дух,
И над главой мелькнет призрак забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я, из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в санях, в блистательном катаньи,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом страданьи
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И – падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Всё изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..

Война

Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!

Русская мелодия

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, —
И рушилось неверное созданье!..

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный и свободный!..

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы милой сердцу и прекрасной —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоеет!..

Песня

Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять бывшее счастье
И беспечность?..
Где вы, дружески обеты

И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
Водворились!

К * (Не привлекай меня красой!..)**

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь как нищий сир,
Брожу один как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И – пропасть под ногой скользящей!..

Романс

Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать, с какой-то простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодование скрыв,
Тот может, друг, еще сказать, забывшись:
Я был счастлив!..

Но я, в сей жизни скоротечной,
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!

Три ведьмы

(Из «Макбета» Ф. Шиллера)

Первая

Попался мне один рыбак:
Чинил он весел сети!
Как будто в рубище, бедняк,
Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что всё сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
Яд черный в нем скрывался.
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Другие две

Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Первая

И вот где он: там пир горой,
Толпа увеселений:
И прочь, как с крыльями, покой
Быстрее умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы – прах пустой!

Вторая и третья

Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..

Первая

Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду,
Свободною минутой:

Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!..»
И забелели волны.

К Нине

(Из Шиллера)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.

Пусть, навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!

Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..

К N. N

Ты не хотел! но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
Но он тебе как меч, как яд опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь;
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,

Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участие!..

Эпиграммы

1

Есть люди странные, которые с друзьями
Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук: в чести – а там
Забыт и подарен слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

3

Поэтом (хоть и это бремя)...

Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
Ругать и льстить, и лгать в одно и то же время,
Признаться, – очень мудрено!

4

Г-ну П...

Аминт твой на глупца походит,
Когда за счастьем бежит;
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.

5

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной, – всё то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит;
(Но не о том, что жизни друг лишился)
Пять раз забыл он взять *билеты за визит!*..

К Грузинову

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины – итак,
Кто ж видел женщин благодарных?..

Наполеон

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! – Наполеон!..

Вещают так: и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

«Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

«Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов – но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.
.....

«Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас:
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

«Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою

Идет рыбак берегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»
.....

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала.
«Умолкни, о певец! – спеши отсюда прочь, —
С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно ночь.
Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки; —
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

Пан

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшись лесов в таинственную сень
Или под ветвями пустынных рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.
Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
И пляшут вокруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновение:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

Жалобы турка

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?

Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

*

P. S. Ах! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? – Все мы человеки!..

К N. N

Не играй моей тоской,
И холодной, и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..
*

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!
*

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое успокоить мщенье!..

Черкешенка

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый

И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид:
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

Ответ

Кто муки знал когда-нибудь,
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молнией, догорает,
Погас — и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

Два сокола

Степь синяя расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, трянувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
— Ах! я свет возненавидел
И безжалостных людей.

«Что ж ты видел там худого?»
– Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска мил²⁴³го,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

Грузинская песня

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился;
Ах! ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же?
Скрываются красы как тень.
О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл, между ресниц, порой,

Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенести!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал! —
И труп преступницы волнам
Он предал.

Мой демон

Собрание зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижный трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

Жена Севера

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл

Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немим виденьем
Был строен их невнятный глас!..

К другу

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшая дубравы
Не кается еще в своих грехах;
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

Элегия

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,

Тогда б я верно не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живут хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

Забывши волнения жизни мятежной...

Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,
Над тихой призрачной рекой,
Он с удой беспечно
Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастьем летел.

К * (Глядися чаще в зеркала...)**

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в молодой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить:
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

В день рождения N. N

Чего тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры...

К * (Мы снова встретились с тобой...)**

Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах! как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..

Монолог

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

Встреча

(Из Шиллера)

1

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;

Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг как бы летучие перуны
Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесный,
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел дотоле неизвестный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья
И страсти юные и вдохновенья.

Баллада

Над морем красавица-дева сидит;
И к другу ласкаясь, так говорит:

«Достань ожерелье, спустился на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми!» – и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной младой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

Перчатка

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают.
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обзрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком

Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

*

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылав огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул.

Дитя в люльке

(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему: но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

К * (Делись со мною тем, что знаешь...)**

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чорт душа твоя!..

Молитва

Не обвиняй меня, всеильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденьи бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращаюсь.

Примечания к стихотворениям 1829 года

К П.....ну

Печатается по автографу – ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, лл. 7 об. – 8). Копия с него – ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 6–6 об.

В 1847 году не было допущено цензурой к напечатанию в «Отеч. записках». Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 26).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради стихотворений этого года.

Обращено к товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону, Дмитрию Васильевичу Петерсону (род. в 1813 году).

К Д....ву (Я пробегал страны России...)

Печатается по автографу – ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 8–8 об.). Копия с него – ИРЛИ, оп. 2, № 39, лл. 6 об.—7. Описки в стихах 8 (нет слова «покой!») и 12 («И больше им не поверяюсь») исправлены по копии.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради стихотворений этого года.

Адресовано товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону, Дмитрию Дмитриевичу Дурнову (род. в 1813 году), и является подражанием посвящению к поэме Рылеева «Войнаровский», обращенному к А. А. Бестужеву.

Посвящение. N. N.

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 22–23).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «При случае ссоры с Сабуровым».

Обращено к товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону, Михаилу Ивановичу Сабурову (род. в 1813 году).

Два последних стиха – перефразировка двух стихов из стихотворения Пушкина «Коварность».

Пир

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1, стр. 14).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)».

Стих второй («Под сень черемух и акаций») – цитата из «Евгения Онегина», гл. VI, строфа VII.

О М. И. Сабурове см. примечание к стихотворению «Посвящение. N. N.», стр. 385.

Веселый час

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 4–5.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 24–25).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

К друзьям

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 5.

Имеется также автограф – ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 7–7 об.). Копия с последнего автографа – ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 6.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 25–26).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Эпиграмма (Дурак и старая кокетка – всё равно...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 5.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Мадригал

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 5 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Романс (Коварной жизнью недовольный...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 5 об.—6.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 28).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Написано, вероятно, на отъезд в Италию С. П. Шевырева в феврале 1829 года. В 1827–1829 годах Шевырев как сотрудник «Моск. вестника» постоянно подвергался нападениям Ф. Булгарина. Лермонтов мог узнать об отъезде Шевырева от сотрудника «Моск. вестника» С. Е. Раича.

Портреты

Печатаются по автографу – ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, лл. 9—10 об.). Автограф первого портрета – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 6–6 об., заглавие – «Портрет». Этот автограф представляет позднейшую, но незавершенную редакцию. Копии с тетради Солоницкого – ИРЛИ, оп. 2, № 39, лл. 7 об. – 8 об.

Во втором стихе четвертого стихотворения в автографе описка: «Возвышенной душой предмет стремленья – слава».

Впервые опубликованы: первое – в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 15), остальные – в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 5–6).

Все шесть стихотворений датируются 1829 годом, так как находятся в тетрадях со стихотворениями этого года.

В автографе ИРЛИ – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта». Во втором «портрете», возможно, изображен И. Р. Грузинов (см. примечание к стихотворению «К Грузинову», стр. 391). Кого изображают остальные «портреты» – не ясно.

К Гению

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 6 об. – 7 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 15–16).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году – где я второй раз полюбил 12 лет – и поныне люблю».

Второй любовью Лермонтова была двоюродная сестра его матери, Анна Григорьевна Столыпина (1815–1892), впоследствии – жена генерала А. И. Философова (о первой детской любви Лермонтова см. примечание к стихотворению «Кавказ»). Ефремовская деревня – вероятно, Кропотовка, в Ефремовском уезде Тульской губернии, принадлежавшая отцу поэта, Ю. П. Лермонтову.

Покаяние

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 7 об. – 8 об.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 32–33).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Письмо

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 8 об. – 9 об.
Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 290–291).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.
В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «Это вздор».

Война

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 35–36).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.
В автографе – позднейшая помета Лермонтова в скобках: «В пансионе».
Является откликом на события русско-турецкой войны 1828–1829 годов.

Русская мелодия

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10–10 об. Копия (без разночтений) – там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 11.
Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 18).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.
В автографе – позднейшая (зачеркнутая) приписка Лермонтова в скобках: «Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов – друг – которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу – он мой первый и последний».
Раич Семен Егорович (1792–1855) – поэт и переводчик, издатель журнала «Галатеея», учитель Лермонтова по Университетскому пансиону и организатор пансионского Общества любителей отечественной словесности, деятельным членом которого был Лермонтов (см. автобиографию Раича, «Русск. библиофил», 1913, кн. 8, стр. 32–33).
О Дурнове – см. примечание к стихотворению «К Д....ву».

Песня (Светлый призрак дней минувших...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10 об.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 37).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

К..... (Не привлекай меня красой...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 11.
Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 18–19).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.
В автографе – позднейшая приписка Лермонтова: «(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)». Под инициалами А. С. подразумевается Анна Григорьевна Столыпина (см. примечание к стихотворению «К Гению»).

Романс (Невинный нежною душою...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 11–11 об.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 38).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая помета Лермонтова в скобках: «Дурнову». Ср. стихотворения «К Д....ву» и «Русская мелодия», стр. 14 и 34.

Три ведьмы

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 11 об—12.

Впервые опубликовано по этому автографу в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 325–326). См. «Библиогр. записки», 1861, № 18, стлб. 563. Некоторые разночтения этой публикации и автографа объясняются редакторской правкой Н. В. Гербеля.

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Перевод отрывка из шиллеровской переделки «Макбета» Шекспира (4 явление I акта, с опущением трех первых и трех последних реплик).

К Нине

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 12 об.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 316–317).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Перевод стихотворения Шиллера «An Emma» («К Эмме», 1796).

К N. N. (Ты не хотел! но скоро волю рока...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 13.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 12–13), с искажением стихов 5–8.

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «К Сабурову – наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями – что воспоминания об ней совсем не веселы. – Этот человек имеет женский характер. – Я сам не знаю, отчего так дорожил им».

О Сабурове – см. примечание к стихотворению «Посвящение. N. N.».

Эпиграммы

Печатаются по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 13–13 об. Другой автограф последней эпиграммы с разночтениями – ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 10 об.); копия последней эпиграммы с автографа ЛБ – ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 8 об.

Впервые опубликованы: 1 и 6 – в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 6 и 13), 2 и 4 – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 39), 3 – в «Русск. старине» (1872, № 2, стр. 291), 5 – в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 19).

Датируются 1829 годом по нахождению в тетради II.

По предположению В. В. Каллаша (Соч. под ред. Каллаша, т. 1, 1914, стр. 268), третья эпиграмма относится к поэту и журналисту Петру Ивановичу Шаликову (1768–1852), четвертая – к писателю Николаю Филипповичу Павлову (см. примечание к стихотворению «Г<-ну> Павлову»).

Эпиграммы 1, 2 и 5 текстуально близки к «Мыслям, выпискам и замечаниям» из альманаха «Цефей» на 1829 год, вероятно, принадлежащим Лермонтову (см. настоящее издание, т. 6). В этом альманахе принимали участие воспитанники Университетского благородного пансиона («Лит. наследство», т. 45–46, М., 1948, стр. 223–254).

Аминт – пастух в пасторали Тассо «Aminta».

К Грузинову

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 14. Имеется другой автограф – ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 8 об.). Копия с автографа ЛБ – ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 7.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 19).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Грузинов Иосиф Романович (1812–1858) – бездарный поэт, пансионский товарищ Лермонтова.

Наполеон (Где бьет волна о брег высокой...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 14–15 об.

Небольшие отрывки стихотворения были опубликованы в «Русск. мысли» (1881, № 11, стр. 152); полностью – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 362–364).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Данное стихотворение – первое из стихотворений Лермонтова, посвященных Наполеону.

Пан

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 15 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3, № 16, стлб. 488).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая помета Лермонтова в скобках: «В Середникове».

Середниково – подмосковное имение брата бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой – Дмитрия Алексеевича Столыпина, друга декабриста Пестеля. Д. А. Столыпин скоропостижно умер (3 января 1826 г.) в самом начале судебного следствия над декабристами. В его семье Лермонтов проводил лето 1829, 1830 и 1831 годов.

Жалобы турка

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 16.

Впервые опубликовано, без заглавия и с пропуском заключительных четырех стихов, Н. В.

Гербелем в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (изд. Ф. Шнейдера, Берлин, 1862, стр. 6), полностью – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 41).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Выражая в стихотворении резкий протест против самодержавно-крепостнических порядков в России, Лермонтов маскирует свои революционные настроения заглавием «Жалобы турка».

К Н. Н. *** (Не играй моей тоской...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 16–16 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 42).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Черкешенка

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 16 об. – 17.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 42–43).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Ответ

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 17.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 43).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Два сокола

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 17–17 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 20–21).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Грузинская песня

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 18–18 об.

Впервые опубликовано: начало стихотворения (стихи 1–13) – в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 21); окончание (стихи 13–32) – в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (изд. Ф. Шнейдера, Берлин, 1862, стр. 128–129); полностью – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 44–45).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Слышано мною что-то подобное на Кавказе».

Мой демон

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 18 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 21).

Датируется по нахождению в тетради II.

Написано одновременно с началом работы над поэмой «Демон» и является как бы первым ее наброском. Возникло под влиянием стихотворения Пушкина «Демон» (1823), напечатанного в «Мнемозине» в 1824 году под заглавием «Мой демон». В 1831 году Лермонтов переработал свое стихотворение, сохранив, однако, его начальные стихи.

В 20-х и 30-х годах демоническая тема неоднократно разрабатывалась в русской поэзии.

Жена Севера

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 19. Там же – копия без разночтений, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 10 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 46).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

К другу (Взлелеянный на лоне вдохновенья...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 19 об. Там же – копия без разночтений, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 10 об. – 11.

Впервые опубликовано: окончание (стихи 17–24) – в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 26), полностью – в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 13–14).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Первоначальное (зачеркнутое) заглавие – «Эпилог (к Д....ву)», т. е. к Дурнову (о Дурнове – см. примечание к стихотворению «К Д....ву»).

Элегия (О! Если б дни мои текли...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 3.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 9).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Забывши волнения жизни мятежной...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 3 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 9).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.
Это набросок, являющийся началом стихотворения и зачеркнутый Лермонтовым.

К *** (Глядися чаще в зеркала...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 4.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 20).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

В день рождения N. N.

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 4 об.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

К *** (Мы снова встретились с тобой...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 4 об.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 21).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Монолог

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 5.
Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 28).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.
В этом стихотворении, являющемся как бы первым наброском «Думы» (1838), Лермонтов ставит один из центральных вопросов своего творчества – протест против бездействия людей своего поколения в обстановке реакции после разгрома восстания декабристов.

Встреча

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 5 об.—6.
Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 321–322).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.
Вольный перевод двух начальных строф стихотворения Шиллера «Die Begegnung» (1797).

Баллада (Над морем красавица-дева сидит...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 6–7.
Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 327–328).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.
Сюжет заимствован из стихотворения Шиллера «Der Taucher» («Водолаз», 1797).

Перчатка

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 7 об. – 8 об. Там же – копия без разночтений, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 1–2.
Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 319–321).
Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Перевод (неполный, с пропуском 11 стихов оригинала, между стихами 30 и 31 перевода) баллады Шиллера «Der Handschuh» (1797).

Дитя в люльке

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 9.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 321).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Перевод стихотворения Шиллера «Das Kind in der Wiege» (1796).

К * (Делись со мною тем, что знаешь...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 9.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 322).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Вольный перевод стихотворения Шиллера «An*», из цикла «Votivlafeln» – «Вотивные таблицы» («Teile mit mir, was du weisst», 1796).

Молитва (Не обвиняй меня, всемогущий...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 9–9 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 28–29).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Стихотворения 1830 года

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз.
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

К * (Не говори: одним высоким...)**

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь, с чувством я глубоким,
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнании дальнем он погас —
И что ж? — Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..

Опасение

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою,
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

Стансы

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с холодным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моления
Ее слезу очам моим:
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.

Н. Ф. И....вой

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный,
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,

Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытал,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум, печальной цели.

Ты помнишь ли, как мы с тобою...

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали,
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем, как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...

Весна

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля,
И мгла ложится облаками

На полуночные поля,
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

Ночь. I

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир – но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилось, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звуков,
Два отголоска целая природы,
Боролись – и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья,
Иль о добре свершенном возгордиться,
Мешал мне мыслить; и летел, летел я
Далеко без желанья и цели —
И встретился мне светозарный ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
«Сын праха – ты грешил – и наказание
Должно тебя постигнуть как других;
Спустишься на землю – где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель – и молись...
Молись – страдай... и выстрадай прощенье...»
И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг
Лишь заглушенная боязнью, с новой силой,
Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно прежде,
Я чувствовал один холодный трепет

Досады горькой – и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел – воспоминанье
В меня впилося когтями, – я вздохнул,
Так глубоко, как только может мертвый —
И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит наконец
Свое ничтожество, и в чьих глазах
Всё, для чего трудился долго он —
На воздух разлетелось...
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп – и там остался я;
Здесь кость была уже видна – здесь мясо
Кусками синее висело – жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки —
И я помочь ему желал – но тщетно —
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем – и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости – и они исчезли;
В гробу был прах... и больше ничего...
Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бренные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну – одну минуту
Почувствовать в них теплоту. – Напрасно,
Они остались хладны – хладны – как презренье!..
Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей, —
И мне блеснула мысль: – (творенье ада)
Что если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?..
– И я хотел изречь хулы на небо —
Хотел сказать:..
Но голос замер мой – и я проснулся.

Разлука

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощеньи умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты:
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей,
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране,
Не принесло тебе страданье
При сожаленьи обо мне...

Ночь. II

Погаснул день! – и тьма ночная своды
Небесные как саваном покрывала.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объята тихим,
Уснуло всё – и я один лишь не спал.
Один я не спал... страшным полусветом,
Меж радостью и горестью серединой,
Мое теснилось сердце – и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Вот с запада *Скелет* неизмеримый
По мрачным водам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,

И всё трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними оставалось!
И вот приблизился к земному шару
Гигант всеильный – всё на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило – единый,
Единый смертный видел, что не дай бог
Созданию живому видеть...
И вот *он* поднял костяные руки —
И в каждой *он* держал по человеку,
Дрожащему – и мне они знакомы были —
И кинул взор на них я – и заплакал!..
И странный голос вдруг раздался: «Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне зывал – я здесь: я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вот двое. – Ты их знаешь – ты любил их...
Один из них погибнет. – Позволяю
Определить неизбежимый жребий...
И ты умрешь, и в вечности погибнешь —
И их нигде, нигде вторично не увидишь —
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье – только бог лишь вечен...
– Решись, несчастный!..»

Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из груди;
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба! оба!..
Я верю: нет свиданья – нет разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилось их наказание. —
Ах! – и меня возьми, земного червя —
И землю раздробь, гнездо разврата,
Безумства и печали!..
Всё, всё берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего – кроме рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд – и всюду опасенья. —
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
– Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили – их не стало —
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,

И – так пошел на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась молиться!..

В старинны годы жили-были...

В старинны годы жили-были
Два рыцаря друзья;
Не раз они в Сион ходили,
Желанием горя,
С огромной ратью, с королями
Его освободить
И крест священный знаменами
Своими осенить...

Had we never loved so kindly¹

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.

Незабудка

(Сказка)

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Всё дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,

Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою
Беседа мирная текла.

«Друг: не клянися мне напрасно,
Сказала дева: верю я,
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. – Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подалее, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок ...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»

Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув полный весь огня
Своей красавице безгласной,
«Прости, не позабудь меня!»
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадёжной;
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страхась прикосновенья,
Он ищет там уединенья;
И цветом *неба* он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...
Вот повести конец моей;
Судите: была иль небылица.
А виновата ли девица —

Сказала, верно, совесть ей!

Совет

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Всё с годами пронесется —
Улыбнись и разгустись.
Дев измены молодые
И неверный путь честей
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не вображая,
Скоро ты полюбишь их.

Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден! кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытал,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

Одиночество

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы: —
Никто не хочет грусть делить.
Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят будто сны;
И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,

Он ждет; что ж медлить над землей?
Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

В альбом

1

Нет! – я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

2

Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца – памятник могилы!..

Гроза

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей
Толпяся волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея,

Стихий тревожный рой мятется —
И здесь стою недвижим я.

Стою – ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизнь обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! – летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над головой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.

Гроза шумит в морях с конца в конец...

Гроза шумит в морях с конца в конец.
Корабль летит по воле бурных вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен —
Не ведают, ни кто, ни что здесь он!..

Конечно, он жила между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моления, скрип снастей
Не трогают молчания его.

Звезда

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но как к тебе к нему еще лечу;
И хоть нельзя, – смотреть его хочу...

Еврейская мелодия

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блеснит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
От нее рассыпаясь бежит.

Но поймать ты не лстись и ловить не берись
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней —
Отойди ж — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
Ты обманут — он вновь пред тобой.

Вечер после дождя

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит всё о красоте своей.

Наполеон

(Дума)

В неверный час меж днем и темнотою,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.

*

Пред ним лепечут волны и бегут
И вновь приходят и о скалы бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день;
Там Франция – там край ее родной
И славы след, быть может скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! для чего так кончились они!..

*

Прости, о слава! обманувший друг.
Опасный ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,
Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,
Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

*

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящий слабый ум,
Хоть чужд страстей, всё полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал,
И тайные желанья узнавал,
Он тот же всё; и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но – посмотри – уж день блеснул в струях...
Призрака нет, всё пусто на скалах.

*

Нередко внемлет житель сих берегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как не был страх велик —

Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

Эпитафия Наполеона

Да, тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог:
Великое ж ничто не изменяет.

К глупой красавице

Тобой пленяться издали
Мое всё зрение готово,
Но слышать, боже сохрани,
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...

Так смерть красна издалика;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока;
Лишь только б не она за мною...
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье.
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

Очи. N. N

Нет смерти здесь; и сердце вторит нет;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть всё возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!

Кавказу

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

Утро на Кавказе

Светает – вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и там:
Так девушки купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор!..

Прости, мой друг!.. Как призрак я лечу...

Прости, мой друг!.. как призрак я лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред тобой.
Ты можешь жить, не слыша голос мой:
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью зажгло.
Всё кончено! – ни бледное чело,

Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет труда, —
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастье убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней, свинец
Тоски на нем — и что всему конец!..
Однако ж я желал бы увидеть
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк — теперь совсем, совсем оставлен ты!»

Челнок

Воет ветер и свистит пред недалёкой грозой;
По морю, на темный восток,
Озаряемый молнией, кидаем волной,
Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспокойным челом
И что-то у ног их под белым холстом.
*

И вихорь сильней по волнам пробежал,
И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно лежал
И бледный, как жертва гробов;
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.
*

В чалме он богатой, с обритой главой,
И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровяной
Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.
*

Так с смертию вечно: чем ближе она,
Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!..

Отрывок

На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

*

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но ведено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

*

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

*

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Всё, всё подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

*

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь как скорпион.

Ему поверил я – и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

*

И скоро старость приведет
Меня к могиле – я взгляну
На жизнь – на весь ничтожный плод —
И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

*

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может, смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

*

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгинем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам.
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

*

Не будут проклинять они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. – Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

*

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. – А мы
Увидим этот рай земли
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

Оставленная п#253;стынь предо мной...

1

Оставленная п#253;стынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни – и кругом
Высокая полынь, – всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов
.....
Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участия,
Святей любви, спокойней счастья.
Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след.
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать

Напрасно станет, чтоб узнать,

Где образ божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни кlobук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..

К * (Простите мне, что я решился к вам...)**

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке – могила
Передо мной. – Но что ж? всё пусто там.
Всё прах, что некогда она манила
К себе. – Вокруг меня толпа родных,
Слезам жалости покрыты лица.
И я пишу – пишу – но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви – но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть – пишу – пока возможно —
Сей труд души моей любимый труд!
Прими письмо мое. – Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью – так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит...
Я в жизни – много – много испытал,
Ошибся в дружбе – о! храни моих мучений
Слова – прости – и больше нет волнений,
Прости, мой друг» – и подписал:
«Евгений».

Ночь. III

Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной
Жужжа в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна так она!
Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят, но не к луне;
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в крови!
Кто ж *он* ? кто ж он, сей нарушитель сна?
Чем эта грудь мятежная полна?
О если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать!
О если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

Farewell²

(Из Байрона)

Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать.
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —

Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, —
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь, —
Лишь чувствую – прости! – прости!

Элегия

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай берега в туманной мгле.
Я здесь, стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питаю.
Один; покинув свет и чуждый для людей
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь гостеприимный;
Семья беспечная сидит вокруг огонька;
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж? – слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
И этот взор, задумчивый и ясный —
Твержу, твержу душе: забудь.
Он всё передо мной: я всё твержу напрасно!..
О если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность:
Как много бы я был судьбою одолжен —
Теперь у ней нет прав на благодарность!
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела,
И отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, – чтоб чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал – и с страшной пустотой,
Как я, оставил берег земли своей родной
Для добровольного изгнанья!

Эпитафия

Простосердечный сын свободы,

Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаниям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

Sentenz³

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами
Не что иное – как тетрадь
С давно известными стихами.

Гроб Оссиана

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

Посвящение

Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал – не придут
Вновь эти слезы – вечно им
Не освежать моих очей.

Когда катилися они,
Я думал, думал всё об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен
Он только жертвует любви:
Принести тебе лишь может он
Любимые труды свои.

Кладбище

Вчера до самой ночи просидел
Я на кладбище, всё смотрел, смотрел
Вокруг себя; — полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; — вновь очей
Я не был в силах оторвать с камней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Всё стерлося; там крест к кресту челом
Нагнулся, будто любит, будто сон
Земных страстей узнал в сем месте он...
Вкруг тихо, сладко все, как мысль о ней;
Краснеючи волнуется пырей
На солнце вечера. Над головой
Жужжа со днем прощаются игрой
Толпящиеся мошки, как народ
Существ с душой, уставших от работ!..
Стократ велик, кто создал мир! велик!..
Сих мелких тварей надмогильный крик
Творца не больше ль славит иногда,
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?..

Посвящение

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был – ты это знал —
И бедняка не кинул ты.

Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властью страстей:
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.

И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы. —
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..

Моя мольба

Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и —
От романтических старушек.

К Су<шковой>

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.

И что ж? – разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю – зачем скрывать!

Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

Гость

Как прошлец иноплеменный
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?»
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздний
Возле тусклого окна...

Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.

И ему ночлег дается —
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит — и вот забылся
И к ногам ее упал.

Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею всё.
Но промчалось исступление;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыдания и мученье
Схоронить от глаз людей.

Но рыдания звучали
Вплоть до белая зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый
Как замученный лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..

1830. Маия. 16 число

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу – и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж *вами*
По разрушении! – Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет:
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

К * (Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...)**

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны; – нет;
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды,
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслью одной.

Гляжу назад – прошедшее ужасно;
Гляжу вперед – там нет души родной!

Эпитафия

(Утонувшему игроку)

Кто яму для других копать трудился,
Тот сам в нее упал – гласит писанье так.
Ты это оправдал, бостонный мой чудак,
Топил людей – и утопился.

Дереву

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад, два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! – о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок —
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвести;
Я жизнь его купил бы кровью, —
Но как переменить, что *есть*?

Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратно с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, – мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит;
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

Предсказание

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Всё тихо – полная луна...

Всё тихо – полная луна
Блестит меж ветел над прудом.
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.

Никто, никто, никто не усладил...

Никто, никто, никто не усладил
В изгнании сем тоски мятежной!
Любить? – три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.

1830 год. Июля 15-го

(Москва)

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Всё сердце грело там,
Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них змея.

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевный талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! – боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон;
И не привет, упрек услышит он.

Ах! я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить
Но эту грудь страданием напоив,
Скажите мне, возможно ли любить?
Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить,
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.

Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть;
И что молва кричит о мне... боюсь!
Когда б я знал, не мог бы перенести.
Противу них во мне горит, клянусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... для чего старались они
Так отравить ребяческие дни?..

Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит – но вновь не будет прям, как был.
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. – Ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,
Когда в окно скользит он вдоль стены.

Булевар

С минуту лишь с бульвара прибежав,

Я взял перо – и право очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскарад;
Сатиров я для помощи призвав, —
Подговорю, – и всё пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то — ...ко всем чертям твое перо!..

Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный остряк,
И поугае сядь вблизи меня.
Дурак скажу – и ты кричи дурак.
Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак.
Невинная красotka в 40 лет —
Пятнадцати тебе всё нет как нет!

И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: как он мил!
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** извинить!..

Подалее на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив – буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? – он прав, он прав, друзья мои,
Глупец, кто жил, чтоб на диэте быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! – опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд – как описать всё вам?
В наряде их нет милой простоты,
Всё так высоко, так взгромождено,

Как бурею на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: *нет* .
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита, и в чепчике простом —
Но как божественна была она.
Уста и взор — стыжусь! в уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет,
И сам Башуцкий объяснит тотчас
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя — что? в нем, никто не разберет:
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше всё не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.

Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;

Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.

Песнь барда

I

Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.
Пришел – с гусями за спиной —
Былую песню заиграл...
Напрасно! – князь земли родной
Приказу ханскому внимал...

II

В пустыни, где являлся враг,
Понес я старую главу,
И попираю мой каждый шаг
Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
Число убитых, чем живых.

III

Кто мог бы песню спеть одну?
Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
Случалось, исторгал я звук;
Но умирал так скоро он?
И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
Не тронул бы его ушей.

IV

Вдруг кто-то у меня спросил:
«Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?»
Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой;
На землю гусли бросил я
И, молча, раздавил ногой.

10 июля. (1830)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилось, победы мрачной знак,
Оно любимо было прежде славой;
Суворов был его сильнейший враг.

Благодарю!

Благодарю!.. вчера мое признание
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

*

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

*

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов

Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

*

О, пусть холодность мне твой взор покажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И всё, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

Нищий

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

К *** (Не говори: я трус, глупец!..)

Не говори: я трус, глупец!..
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец?..

Чума в Саратове

I

Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел

Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.

II

Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;
Уста, волшебницы очей,
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сладкость их испив,
Я деву некогда забыл.

Плачь! Плачь! Израиля народ...

Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю;
По крайней мере есть *один* ,
Который всё с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..

30 июля. – (Париж.) 1830 года

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. – Ты полагал
Народ унижить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой,

И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба,
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы,
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!

Стансы

I

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.

II

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —

С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.

III

Я жертвовал другим страстям,
Но, если первые мечты
Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты?..
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть и в небесах?..

Чума

(Отрывок)

79

Два человека в этот страшный год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род,
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы – и страна
Веселья – стала гроб – и в эти дни
Без страха обнимались они!..

80

Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый взор,
Играла кровь в щеках его порой,

В движениях и в мыслях он был скор,
И мужествен с лица. Но он с тоской
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он, и день и ночь
Отталкивал и сон и пищу прочь!

81

Другой узнал, казалось, жизни зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,
Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
И он как бы невольно жить хотел.

82

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась кровь;
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
Ломал в безумьи руки – но молчал.
Он подавлял в груди своей любовь
И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежный час!

83

И час пробил! его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. – Хоть говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял он,
Закрыл – хотя б один последний стон!

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
Стоял его товарищ. – Он хотел
Смеяться... и с открытым ртом
Остался – взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив крючком
Холодный труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...

Нередко люди и бранили...

Нередко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.

И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело —
От сердца чувство отлетело:
И я не мог ему простить.

Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!

Романс

В те дни, когда уж нет надежд,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших везд,
И легче на груди страданье.

Отрывок

Приметив юной девы грудь,

Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,
Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднею порой,
Хоть недалеко и блещат
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движение дальних облаков
Следит его прилежный глаз.
И так проходит скучный час!
Он знает: эти челноки,
Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..

Баллада

(Из Байрона)

Берегись! берегись! над бургосским путем
Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда *Мавр* пришел в наш родимый дол,
Оскверняячи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слышал не один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
Он ни как не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
Бродил и взад и вперед.

Ночь

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит;
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех пор
Я всё любил — я всё страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призрак;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты.
О боже! вот что, наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

Когда к тебе молвы рассказ...

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей станет кровь,
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только наконец
Моя лишь грудь поражена,
То верно прежде знал творец,
Что ты страдать не рождена.

Передо мной лежит листок...

Передо мной лежит листок
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок,
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать – как уж страдал!

Свершилось! Полно ожидать...

Свершилось! полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут – зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!

Итак, прощай! Впервые этот звук...

Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! – шесть букв приносят столько мук!
Уносят всё, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз,
И может быть, как знать... в последний раз!

Новгород

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Всё то, к чему теперь ваш дух летит.

Глупой красавице

1

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испытать его вина —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

2

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя – пуста.

Могила бойца

(Дума)

I

Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.

II

Седые кудри старика
Смешались с землей:
Они взвевались по плечам,
За чашей пировой,

III

Они белы как пена волн,
Биющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.

IV

И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один средь их рядов.

V

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

VI

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

VII

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь – всё песнь; а жизнь – всё жизнь!
Он спит последним сном.

Смерть

Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным, холодным мертвецом;
Одна лишь дума в сердце опустелом,
То мысль об *ней* . – О, далеко она;
И над моим недвижным, бледным телом
Не упадет слеза ее одна.
Ни друг, ни брат прощальными устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной!..
Но ты! – О, пожалей о мне, краса моя!
Никто не мог тебя любить, как я,

Так пламенно и так чистосердечно.

Русская песня

1

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь мятелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес всё цепь грызет
И лает...

2

Но не собаки лай печальный,
Не вой мятели погребальный,
Рождают страх
В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила» – ей в лицо,
И ей заветное кольцо
Покажет!..

Примечания к стихотворениям 1830 года

Кавказ

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 5 (тетрадь V), л. 13 об. Копия тоже в ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 11).

Датируется весной 1830 года по положению в тетради V – после поэмы «Джюлио», датированной поэтом: «(1830 года) (Великим постом и после)».

«Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас» – Лермонтов был на Кавказе летом 1825 года.
«Там видел я пару божественных глаз» – на Кавказе Лермонтов встретился с девятилетней девочкой, о своем увлечении которой он рассказывает в заметке 1830 года: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет отроду?..»

К *** (Не говори: одним высоким...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 1.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1887, стр. 83).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI, на первом листе которой рукой Лермонтова написано: «Разные стихотворения (1830 год)».

Опасение

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 1 об.—2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 76–77).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Стансы (Люблю, когда, борясь с душою...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 77).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Н. Ф. И...вой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 2 об.—3.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 250), под неверным названием «М. Ф. М...вой».

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Обращено к Наталье Федоровне Ивановой (1813–1875), дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова, в начале 30-х годов вышедшей замуж за Н. М. Обрескова. В 1830–1831 годах Лермонтов был сильно увлечен Н. Ф. Ивановой; ей посвящен ряд стихотворений этого периода; отношения с ней нашли также отражение в трагедии «Станный человек» (Ираклий Андроников. Лермонтов. Новые разыскания. «Советский писатель», 1948, стр. 5–32).

Ты помнишь ли, как мы с тобою...

Печатается по «Отеч. запискам» (1842, т. 21, № 3, отд. I, стр. 203), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен. Имеется копия – ГИМ, ф. 111, № 7, л. 26 об.

Датируется предположительно 1830 годом. Современник Лермонтова В. С. Межевич писал: «Я помню, что в 1830 году в Университетском пансионе существовали четыре издания: „Арион“, „Улей“, „Пчелка“ и „Маяк“... Из этих-то детских журналов... узнал я в первый раз имя Лермонтова... Не могу вспомнить теперь первых опытов Лермонтова, но кажется, что ему принадлежат читанные мною отрывки из поэмы Томаса Мура „Лалла-Рук“ и переводы некоторых мелодий того же поэта (из них я очень помню одну, под названием „Выстрел“)» («Сев. пчела», 1849, № 284, стр. 1134–1135). По-видимому, Межевич пишет именно о данном стихотворении, которое является вольным переводом «Вечернего выстрела» Томаса Мура. Возможно, что данный текст является позднейшей переработкой раннего перевода.

Весна

Печатается по «Атенею», 1830, ч. 4, стр. 113, где появилось впервые (за подписью «L»).

Имеются две копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 3 об., и оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), л. 6 об.

За подписью М. Лермонтова, без названия, опубликовано в «Отеч. записках» (1843, ч. 31, № 12, отд. I, стр. 318), по другому тексту – в «Библиотеке для чтения» (1844, т. 64, отд. I, стр. 130) с указанием: «Из альбома Екатерины Александровны Сушковой».

Датируется началом 1830 года, так как цензурное разрешение на печатание «Атенея» было получено 10 мая 1830 года. Положение копии стихотворения в тетради XX подтверждает эту датировку.

Это первое стихотворение Лермонтова, появившееся в печати.

По воспоминаниям Сушковой, это стихотворение обращено к ней и было написано в Середниково («Воспоминания Е. А. Хвостовой», «Вестник Европы» 1869, кн. 8, стр. 735).

Ночь. I (Я зрел во сне...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 3 об.—5.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 361–362) как первоначальная редакция стихотворения «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами»), 1830–1831.

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Разлука

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 5 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 82–83).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Автограф зачеркнут, хотя вначале Лермонтов предполагал переписать его под № 16 в тетрадь XX, о чем свидетельствует написанная сбоку и потом зачеркнутая цифра «16».

Ночь. II (Погаснул день...)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 7 об—8 об. Черновой автограф, с которого сделана копия, находится там же, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 6–7.

Пунктуация исправлена по автографу.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 251–252).

Датируется 1830 годом по нахождению чернового автографа в тетради VI.

В старинны годы жили-были...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 7 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 85).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Стихотворение не закончено.

Had we never loved so kindly...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об. Автограф первой редакции стихотворения – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 7 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 62).

Первая редакция стихотворения относится к 1830 году. Лермонтов, видимо, был недоволен ею и зачеркнул этот набросок. В 1832 году поэт вновь вернулся к этому четверостишию и переработал его.

В черновом автографе между заглавием и текстом стоит цифра «1».

Стихотворение является вольным переводом эпиграфа к поэме Байрона «Абидосская невеста», взятого последним из стихотворения Роберта Бернса «Прощальная песнь к Кларинде» («Parting song to Clarinda»). В первом стихе Лермонтов перевел слово «Kindly», производя его от немецкого «Kind» – дитя, по-английски kindly – нежно.

Незабудка

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), 7 об.—9. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), лл. 1–2.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 11, отд. I, стр. 194–195).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Совет

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), 9 об. – 10.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 87–88).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Одиночество

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 10–10 об.

Впервые опубликовано с иным чтением стиха 12 в «Ниве» (1884, № 12, стр. 270).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В альбом (Нет! – я не требую вниманья...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 11 об. Первая редакция стихотворения находится в той же тетради на л. 10 об. Оба автографа зачеркнуты.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 6–7), с подзаголовком «Подражание Байрону», вместе с другими стихотворениями цикла «Из альбома Е. А. Сушковой».

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В своих «Записках» Е. А. Сушкова ошибочно относит стихотворение к 1831 году и пишет: «В это время Сашенька <А. М. Верещагина> прислала мне в подарок альбом, в который все мои московские подруги написали уверения в дружбе и любви. Конечно, дело не обошлось без Лермонтова... На самом последнем листке альбома было написано подражание Байрону <следует текст>», («Записки» Сушковой, 1928, стр. 135).

Вторая строфа стихотворения навеяна произведением Байрона «Lines written in an Album, at Malta».

В 1836 году Лермонтов вновь вернулся к теме своего раннего стихотворения (см. стихотворение «В альбом» – «Как одинокая гробница»,).

Гроза

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 12. Копия – там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 8 об.—9.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 129–130).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Гроза шумит в морях с конца в конец...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 12 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 90) как окончание стихотворения «Гроза».

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Звезда (Светись, светись, далекая звезда...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 13.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 91).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Еврейская мелодия (Я видал иногда, как ночная звезда...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 39 (из собрания Н. И. Шенига, отдельный листок).

Черновой автограф под заглавием «Звезда», без деления на строфы – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 13 об.; копия с этого автографа – там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 9.

Впервые опубликовано (с отличиями от автографов) в «Библиотеке для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 8) вместе с другими стихотворениями цикла «Из альбома Е. А. Сушковой».

Датируется 1830 годом по нахождению чернового автографа в тетради VI.

Вечер после дождя

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 13 об. – 14. Копия – там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 9–9 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1891, № 8, стр. 5–6).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Наполеон (В неверный час, меж днем и темнотой...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 9 об. – 10. Черновой автограф – там же, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 14 об. – 16.

Копия в тетради XX сделана с более позднего автографа, в котором уже было изменено чтение стиха 47. В стихе 23 в копии вычеркнуто слово «забыл» и неизвестной рукой вписано «разбил»; оставляем первоначальное чтение, совпадающее с черновым автографом.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 11, стр. 152–134) с некоторыми искажениями текста.

Датируется 1830 годом по нахождению чернового автографа в тетради VI.

Стихи 9–10 и 49–50 являются перефразировкой стихов 13–14 строфы XIX главы VII «Евгения Онегина».

Эпитафия Наполеона

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 16.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 11, стр. 154).

В рукописи стихотворение зачеркнуто.

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

К глупой красавице

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17. Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 95).

В автографе рядом с заглавием позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...»

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Очи. N. N.

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 95).
Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Кавказу

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17 об.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 96).
Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI.

Утро на Кавказе

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 18.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 96).
Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI.

Прости, мой друг!.. как призрак я лечу...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 19–19 об.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 98).
Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Челнок (Воет ветер и свистит пред недалёкой грозой...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 19 об. – 20. Копия – там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 5 об.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 98–99).
Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Отрывок (На жизнь надеяться страшась...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 20 об. – 22. Заглавие в автографе заключено в скобки.
Впервые только три последние строфы были опубликованы в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 252–253), всё стихотворение – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 99–101).
Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Оставленная пещерность предо мной...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 23–23 об.
Первая часть впервые опубликована в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 253), вторая часть без последней строфы – в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 179–180).
Датируется 1830 годом на основании пометы Лермонтова в автографе, в скобках: «В Воскресенске». «Написано на стенах <пещерности> жилища Никона». «1830 года». Перед второй частью стихотворения – помета тоже в скобках: «Там же в монастыре».
Автограф находится в тетради VI (где собраны стихотворения 1830 г.), что подкрепляет датировку.
Воскресенский монастырь (в 53 верстах от Москвы) иначе назывался «Новый Иерусалим».

К *** (Простите мне, что я решился к вам...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 24.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 103–104).
Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Ночь. III (Темно. Всё спит...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 24 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 104).

Датируется летом 1830 года, когда Лермонтов гостил в Середникове (см. примечание к стихотворению «Пан»).

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Сидя в Середникове у окна».

Farewell

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12 об. Черновой автограф (не тот, с которого сделана копия) под заголовком «(Прости) из Байрона» – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 25. Пунктуация исправлена по автографу.

Впервые опубликовано по черновому автографу в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 253–254).

Датируется летом 1830 года, так как черновой автограф расположен непосредственно после стихотворения «Ночь. III» (см. примечание к данному стихотворению).

Произведение является близким к оригиналу переводом стихотворения Байрона «Farewell! if ever fondest prayer».

Элегия (Дробись, дробись, волна ночная...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 25 об. – 26. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 6.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 10).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Стих 32 является цитатой из поэмы Пушкина «Цыганы». Стихи 7–14 были, по-видимому, также навеяны пушкинской поэмой, но в общем контексте стихотворения приобрели новый смысл.

Эпитафия (Простосердечный сын свободы...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 26 об.

Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 6–6 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 254).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе после заглавия стоит цифра «1». См. примечание к следующему стихотворению.

Есть предположение, что стихотворение посвящено памяти поэта Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805–1827) (см.: М. Ю. Лермонтов, Полн. собр. соч., т. I, Гослитиздат, М.—Л., 1948, стр. 366–367).

Sentenz

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 26 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 254).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе перед текстом стоит цифра «2»; название «Sentenz» приписано сбоку. Но вряд ли можно считать это стихотворение второй эпитафией (см. примечание к предыдущему стихотворению); вероятно, цифра «2» осталась случайно незачеркнутой.

Гроб Оссиана

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 27. В автографе заглавие в скобках.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 4, стр. 562).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI.

В автографе позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «узнав от путешественника описание сей могилы».

Оссиан – легендарный шотландский певец, живший по преданиям в III веке.

«В горах Шотландии моей» – по семейным преданиям, Лермонтовы считали себя потомками Лермонта, выходца из Шотландии.

Посвящение (Прими, прими мой грустный труд...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 27 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 254–255).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Возможно, является посвящением к драме «Испанцы».

Кладбище

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 28. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 6 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, М., 1889, стр. 107–108).

Датируется 1830 годом на основании приписки Лермонтова в автографе в скобках: «На кладбище написано» и дата: «1830».

Посвящение (Тебе я некогда вверял...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 28 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 255).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Моя мольба

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 29.

Впервые опубликовано в иной редакции в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 279).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном».

К Сушковой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 29.

Впервые опубликовано с некоторыми отличиями от автографа и под заглавием «Черноокой» в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 5).

В автографе рядом с заглавием позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «При выезде из Середникова к Miss black-eyes. Шутка – преположенная от M. Kord».

Е. А. Сушкова в своих «Записках» (стр. 113) поставила дату стихотворения: «Середниково. 12 августа, 1830». По словам Сушковой, стихотворение было написано накануне отъезда Лермонтова из Середникова в Москву после окончания летних каникул («Записки» Сушковой, 1928, стр. 112).

«Miss black-eyes» («черноокая») – так называли Е. А. Сушкову.

Мистер Корд – гувернер Аркадия Столыпина, двоюродного брата матери Лермонтова.

Гость (Как прошлец иноплеменный...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 29 об. – 30 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 109–110).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI (написано перед заметкой, датированной 8 июля 1830 года).

1830. Маия. 16 число

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 31 об. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 6 об. – 7, под заголовком: «1830 года маия 16 дня».

Впервые были опубликованы только начальные 6 стихов в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1887, стр. 89) под заглавием «Предчувствие (Отрывок)». Полностью – в «Сев. вестнике» (1889, № 8, стр. 4–3) и в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 112).

К *** (Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 7 об. Имеется черновой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 32. Пунктуация исправлена по автографу.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 235).

В автографе – приписка Лермонтова в скобках: «Прочитав жизнь Байрона (<написанную> Муром)». Под текстом дата в скобках: «1830».

Письма и дневники Байрона с подробными биографическими примечаниями, изданные поэтом Томасом Муром, вышли в Лондоне в 1830 году; в том же году в Париже вышел французский перевод этой книги. Очевидно, одно из этих изданий (трудно сказать, какое именно) и имеет в виду Лермонтов.

Эпитафия (Кто яму для других копать трудился...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 32 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 113).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Дереву

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 34–34 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 170).

В автографе рядом с заглавием дата в скобках: «1830»; на л. 35 – заметка, имеющая отношение к этому стихотворению, озаглавленная: «<Моя эпитафия> Мое завещание (Про дерево, где я сидел с А. С.)».

В этой заметке, как и в стихотворении, речь идет о двоюродной сестре матери Лермонтова – Анне Григорьевне Столыпиной (см. примечание к стихотворению «К...» – «Не привлекай меня красой»).

Предсказание

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 35 об. В автографе заглавие в скобках.

Впервые опубликовано без последних двух стихов и с некоторыми искажениями в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 19).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе рядом с заглавием – приписка Лермонтова в скобках: «Это мечта». В стихотворении «Предсказание» явственнее всего выражены мысли Лермонтова о грядущих революционных потрясениях.

Стихотворение написано под впечатлением многочисленных крестьянских восстаний 1830 года, которые особенно участились в связи с распространением в ряде губерний эпидемии холеры.

Всё тихо – полная луна...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 1.
Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 172).
Датируется летом 1830 года по положению в тетради VII.

Никто, никто, никто не усладил...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 1.
Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 172).
Датируется летом 1830 года по положению в тетради VII, рядом со стихотворением «1830 год. Июля 15-го».

1830 год. Июля 15-го

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), лл. 1 об.—2.
Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 246–247).

Булевар

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), лл. 2 об. – 4 об.
Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 119–121).
На л. 2 внизу – заметка, относящаяся, очевидно, к этому стихотворению: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что <они> я напрасно писал и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно – лучше». После текста приписка в скобках: «Продолжение впредь».
Датируется летом (июль-август) 1830 года по положению в тетради VII, рядом со стихотворением «1830 год. Июля 15-го».
Кого Лермонтов имел в виду под именем «Ч***», не установлено. В строфе 4, возможно, речь идет о П. И. Шаликове (см. примечания к «Эпиграммам» 1829 года).
Какого именно Башуцкого имеет в виду Лермонтов, не установлено.
Мосолов Ф. И. (род. около 1771 г., ум. в 1844 г.), генерал, старый холостяк, живший на Тверском бульваре в Москве.

Песнь барда

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 19–19 об. Имеется черновой автограф (не тот, с которого сделана копия) – ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 5–5 об. Пунктуация исправлена по автографу. Копия сделана, видимо, с более позднего автографа, в котором был уже изменен стих 17 и занумерованы строфы. В копии переписчик ошибочно в стихе 8 написал «панскому» вместо «ханскому».
Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 86–87).
Датируется летом 1830 года по положению в тетради VII.

10 июля. (1830)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 5 об.
Впервые опубликовано в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 118).
В автографе под текстом стоят три звездочки – видимо, на следующем, ныне утраченном листе было написано продолжение стихотворения. В стихе 6 некоторые читали слово «мрачной» как «прочной» (см. «Лит. наследство», т. 58, М., 1952, стр. 378), но внимательное изучение рукописи не подтверждает правильности такого чтения.

То, что до нас дошел неполный текст стихотворения, делает затруднительным определение, о каком именно восстании идет речь. Высказывались предположения, что стихотворение является откликом либо на события Июльской революции 1830 года во Франции (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 458); либо на восстание горцев на Кавказе (Н. Л. Бродский. Лермонтов, т. 1, М., 1945, стр. 228); либо на восстание 1830 года в Польше (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 474–475); либо на восстание 1830 года в Албании («Лит. наследство», т. 58, стр. 378–386). Однако даты каждого из этих событий не совпадают с датой стихотворения. Самый текст произведения не дает возможности с уверенностью отнести его к какому-либо из названных выше восстаний.

Благодарю!

Печатается по «Запискам» Сушковой (СПб., 1870, стр. 83–84; ср. издание «Записок», Л., 1928, стр. 114).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 6) с небольшим искажением в стихе 17 и с датой «1830».

В «Записках» Сушкова датировала это стихотворение, как и предыдущее, 12 августа 1830 года, но из ее же рассказа следует, что «Благодарю» было написано днем позже («Записки» Сушковой, 1928, стр. 113)

Нищий

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, стр. 132) с некоторыми отличиями от копии и под заглавием «К Е...А...й», в цикле стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой». В «Записках» Сушковой 1870 года изменено чтение стиха 12.

Датируется серединой августа 1830 года на основании воспоминаний Е. А. Сушковой.

По словам мемуаристки стихотворение было написано в Троице-Сергиевой Лавре, куда молодежь ходила пешком из Середникова на богомолье. На паперти стоял слепой нищий, которому все присутствующие подали милостыню. «Услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: „Пошли вам бог счастье, добрые господа; а вот намереди приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!“». Вернувшись из церкви, Лермонтов сразу же написал стихотворение («Записки» Сушковой, 1928, стр. 114–115).

К * (Не говори: я трус, глупец...)**

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 9 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 132).

Датируется 1830 годом по положению в тетради VIII.

Чума в Саратове

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 10. В автографе рядом с заглавием помета рукой Лермонтова в скобках «Cholera-morbus» и дата: «1830 года августа 15 дня».

В автографе в стихе 15 написано: «сластость», по-видимому, ошибочно вместо «сладкость».

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 76–77) с некоторыми искажениями.

Датируется 15 августа 1830 года на основании пометы в рукописи.

Стихотворение было написано в связи с распространением эпидемии холеры в юго-восточной России.

Плачь! плачь! Израиля народ...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 10 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1880, стр. 176) как первоначальный набросок «Еврейской мелодии» для драмы «Испанцы».

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

30 июля. – (Париж) 1830 года

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), лл. 10 об. – 11. Имеется копия, озаглавленная ошибочно «30 июня 1830-го года» – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 3 об.—4. Впервые опубликовано с некоторыми искажениями и пропуском стиха 7 в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 54).

Датируется августом 1830 года. Стихотворение было написано под впечатлением событий Июльской революции во Франции: поэт приветствует народное восстание. В результате восстания 28–30 июля французский король Карл X отрекся от престола и затем бежал в Англию. Известия о революции во Франции дошли в Москву в первых числах августа; в Середникове, где Лермонтов был до 12 августа, сведения могли быть получены несколько позже.

Стансы (Взгляни, как мой спокоен взор...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 12. В автографе под заглавием пометы рукой Лермонтова в скобках: «1830 года», «26 августа».

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 7–8) с некоторыми разночтениями и под заглавием «Станс». В издании «Записок» Сушковой 1870 года в текст внесен ряд изменений.

Датируется 26 августа 1830 года на основании пометы в рукописи.

В автографе рядом с текстом нарисован пером портрет девушки в профиль, по всей вероятности Е. Сушковой, к которой и может относиться стихотворение.

Чума

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), лл. 12 об. – 13 об. Копия (с ошибками) – там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 4–4 об.

Впервые опубликовано с рядом неточностей в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 77–78).

В автографе, после первого стиха – дата в скобках, приписанная Лермонтовым позже: «1830. Августа».

Стихотворение не закончено. Оно было написано во время эпидемии холеры, слухи о которой стали в августе доходить до Москвы. Не исключена возможность, что стихотворение написано в первых числах сентября, когда холера появилась в самой Москве. Позже, датируя стихотворение по памяти, Лермонтов легко мог допустить ошибку; отсутствие числа в дате доказывает, что поэт не помнил точно момент создания произведения.

Нередко люди и бранили...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 13 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 134).

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Романс (В те дни, когда уж нет надежд...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 14.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 134).

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Отрывок (Приметив юной девы грудь...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 14.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Введенского (т. 1, 1891, стр. 187).

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Баллада (Берегись! Берегись! над бургосским путем...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 22–23).

После текста приписка в скобках: «Продолжение впрод».

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Стихотворение является вольным переводом 1, 3 и части 4 строфы баллады в XVI песне «Дон-Жуана» Байрона. Сохраняя строфическое строение и ритм, Лермонтов существенно изменил смысл оригинала.

Ночь (Один я в тишине ночной...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 1. Имеется копия с ошибками, исправленными неизвестной рукой, – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 5–5 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 83–84) и в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 129–130).

В автографе рядом с заглавием дата в скобках: «1830 года ночью. Августа 28».

Когда к тебе молвы рассказ...

Печатается по «Запискам» Сушковой (1870). Имеется копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (альбом А. М. Верещагиной), л. 5.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в отрывке из «Записок» Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 405).

Датируется предположительно началом сентября 1830 года на основании указаний Сушковой («Записки», 1928). Мемуаристка сообщает, что это стихотворение было написано через неделю после создания «Стансов» («Взгляни, как мой спокоен взор»), которые в автографе датированы 26 августа.

Передо мной лежит листок...

Печатается по «Запискам» Сушковой (1870).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в отрывке из «Записок» Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 406).

Датируется предположительно началом сентября 1830 года на основании указаний Сушковой («Записки», 1928).

Свершилось! полно ожидать...

Печатается по «Запискам» Сушковой (1870).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в отрывке из «Записок» Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 407).

В «Записках» Сушковой стихотворение датировано 1 октября 1830 года: там же указано, что оно написано в связи с отъездом мемуаристки из Москвы в Петербург («Записки» Сушковой, 1928).

Итак, прощай! Впервые этот звук...

Печатается по «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 129), где напечатано впервые (под названием: «К Е.... А.....е»).

Автограф не известен.

По словам Сушковой, стихотворение было написано в день ее отъезда в Петербург (т. е. 1 октября, см. примечание к предыдущему стихотворению).

Новгород

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 2 об.

Впервые опубликовано с некоторыми неточностями в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 55–56).

В автографе стихотворение зачеркнуто, заглавие и дата («3 октября 1830») приписаны позднее (возможно, в дате следует читать «13 октября»). Стихотворение не завершено. Существует предположение, что оно обращено к сосланным декабристам и под именем «тирана» Лермонтов имел в виду Николая I. В отдельных стихах речь идет, очевидно, о Новгороде, общественное устройство которого было для декабристов идеалом свободного национально-русского политического строя (см. Соч. изд. Academia, т. I, стр. 469).

Глупой красавице

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 2 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 130).

В автографе под текстом позже приписана дата: «1830 года – 4 октября». Заглавие заключено в скобки.

Могила бойца

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 18 об. – 19. Имеется черновой автограф (не тот, с которого сделана копия) – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 2 об.

Впервые опубликовано с некоторыми разночтениями в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 20–21).

В автографе под текстом дата: «1830 год – 5-го октября. Во время холеры – morbus».

Высказывалось предположение, что в стихотворении идет речь о киевском князе Олеге (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 476).

Смерть (Закат горит огнистой полосой...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания Л. А. Краевского), лл. 3 об. — 4.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 279).

Под текстом дата: «1830, октября 9».

Тема стихотворения, очевидно, возникла в связи с распространением в Москве холерной эпидемии.

Русская песня

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 33 об. Имеются еще копии – ИРЛИ, оп. 1, № 40, отдельный листок, и повторяющая ее копия из собрания А. А. Краевского, оп. 2, № 41, л. 6.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 91).

В тетради из собрания Краевского датировано 1830 годом.

Один среди людского шума...

Впервые опубликовано в статье И. Л. Андроникова «Сокровища замка Хохберг» в 1962 г. в «Известиях» (15 декабря).

В автографе – помета Лермонтова: «1830 года в начале».

Стихотворения 1830–1831 годов

Звезда

Вверху одна
Горит звезда;
Мой взор она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет!
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал
И без надежд
К нему взирал!

Раскаянье

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом незараженной,
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел всё; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной,
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымолви ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврата,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

Венеция

1

Поверхностью морей отражена
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.

2

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! и вновь гитары звон!
О бойтесь, мужья, сей песни вольной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших жен;
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! да будет мир меж вами!

3

И мир с тобой, прекрасный чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситесь по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

4

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчею,
Чтоб юношу сильнее прижать к устам;
Меж тем вдали то грустный, то веселый
Раздался звук обычной баркаролы:

Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сравнивается вода,
Страсть не воскреснет никогда.

Я видел раз ее в веселом вихре бала...

Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота —
Всё, всё наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

Подражание Байрону

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.
Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.

Я вижу длинный ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет.
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для нее, а всё любил.

И вынести мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отвечать.
Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унести любовь!..

К Дурнову

Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
Зачем я не то, что я был?

В вечернее время, в час первого сна,
Как блещет туман средь долин,
На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один.

Тогда ты глаза и лицо примечай,
Движенья спеши понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
Я больше не мог бы сказать.

Арфа

I

Когда зеленый дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытиём,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоём;
Когда друзья молодые на пирах
Меня не станут поминать вином,
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

II

Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней,
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.

На темной скале над шумящим Днепром...

На темной скале над шумящим Днепром
Растет деревцо молодое;

Деревцо мое ветер ни ночью, ни днем
Не может оставить в покое;
И, лист обрывая, ломает и гнет,
Но с берега в волны никак не сорвет.

Таков несчастливец, гонимый судьбой;
Хоть взяты желанья могилой,
Он должен влачить одинок под луной
Обломки сей жизни остылой;
Он должен надежды свои пережить
И с любовью в сердце бояться любить!

Песня

I

Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я,
И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным
И всем, что не сбудется вновь,
И счастьем мне неизвестным,
О, прости мне мою любовь.

II

Ты не веришь словам без искусства,
Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может статься,
С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
Ни в печали чужой, ни в слезах.

III

И мир не увидит холодный

Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
И любить бы иначе не мог.

Пир Асмодея

(Сатира)

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий <Павел>,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настезь дверь и звук шагов;
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.

1-ый демон *(говорит)*

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.

«C'est trop commun!»⁴ воскликнул бес державный
С презрительной улыбкою своей.
«Подарок твой подарок был бы славный,

Но новизна царица наших дней;
И мало ли случалось недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слыхали даже стены
Про эти бесконечные измены».

2-ой демон

На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушение усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольно взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,
Бояся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в подобный миг:
Но главный бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-ий демон

В Москву болезнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, во-время вспомнил нас
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

Сон

Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Всё было тихо, как луна и ночь,
И ветер не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце меж двух колонн
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна;
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких слез,
Всё, что оставил, всё, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною гибели своей...

На картину Рембрандта

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё темно вокруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны

Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

К * (О, полно извинять разврат!..)**

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.

Изгнанием из страны родной
Хвалились повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

Прощанье

Прости, прости!
О сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди

Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,
Как властелин.
Разлуку я
Переживу ль,
И ждать тебя
Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
На зло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пушай тогда
Застанет нас!

К приятелю

Мои друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любви легковёрной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаём мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалось бедой.

Смерть

Оборвана цепь жизни молодой,

Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей.
Где вспоминанье спит глубоким сном,
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему страдать
И столько же любить? Всесильный бог
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

Волны и люди

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной толпою
Также один за другим.
Волнам их воля и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что же? —
Души в них волн холодней!

Звуки

Что за звуки! неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной

Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Всё, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

11 июля

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепью холмов,
Краснея ярко, заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель всё было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Всё, в чем хоть искра есть страданья!

Первая любовь

В ребячестве моем тоску любви знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампы образной,
Воображением, предчувствием томимый,

Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был, как лед,
И очи – этот взор в груди моей живет;
Как совесть душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.

Поле Бородина

1

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слышал.

2

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар неожиданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я вспомня леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслась,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнялись;
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил:
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!

На труп застывший, как на ложе
Я голову склонил.

6

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
Гремит *Бородино* .
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

Мой дом

Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.
До самых звезд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем
И в нем лишь буду я спокоен.

Смерть

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение *творит*
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю.
Казалось мне, что смерть дыханьем холодным
Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билось, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! я не мог
Понять, как можно чувствовать блаженство
Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первый раз я понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознания,
Где столько я любил и потерял,
Любил согласно с этим бренным телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забылся,
И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предметов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:
Всё было мне так ясно и понятно
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где всё известно мне,
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полете мне напоминала
Мое земное краткое изгнание.

Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:

Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воздушных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидеть ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей
И тайных мук ничтожные причины
И к счастью людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.
Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелось мне в гроб проникнуть,
И я сошел в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? каждое его движение
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.

Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бренные остатки,
Стараясь их дыханием согреть,
Иль оживить моей бессмертной жизнью;
О сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,

Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны как презренье.
Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я *проснулся* .

Стансы

Мне любить до могилы творцом суждено,
Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно,
Иль как я же страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.

На пустынной скале незабудка весной
Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь проливной,
И как прежде недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не блестит,
Он ветром надломлен и градом убит.

Так точно и я под ударом судьбы,
Как утес неподвижен стою,
Но не мысли никто перенести сей борьбы,
Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду – несчастлив один.

Солнце осени

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солнце,
Есть что-то схожее в прощальном взгляде
Великого светила с тайной грустью
Обманутой любви; не холодной

Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им; так точно
И сердце: в нем всё жив огонь, но люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен вновь
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвергать
Себя насмешкам и словам сомненья?

Поток

Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками.

Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.

К *** (Не ты, но судьба виновата была...)

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.

Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой укор
И в душу он будет вливаться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
Гораздо мучительней будет.

Ночь

В чугуна печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночною мглой.
Колеблет ветер влажный, душный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скушно,
Мне тяжело бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты
Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Всё, – только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,

Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.

К себе

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебрежение
Ее могущества опять
Мне доказало, что влечение
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.

Душа моя должна прожить в земной неволе...

Душа моя должна прожить в земной неволе
Не долго. Может быть, я не увижу боле
Твой взор, твой милый взор, столь нежный для других,
Звезду приветную соперников моих;
Желаю счастья им. Тебя винить безбожно
За то, что мне нельзя всё, всё, что им возможно;
Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,
Казаться хладною и в тишине любить,
Но если ты при мне смеялась надо мною,
Тогда как внутренне полна была тоскою,
То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд,
Кто более страдал, кто боле виноват!

Песня

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,

Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;
У сердца
И девы
Одно лишь страданье, один лишь предмет:
Ему счастья надо, ей надобен свет.

Пускай поэта обвиняет...

Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил доньше,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне.
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.

Слава

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя

Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она бессильная страдает
И в настоящем всё не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Всё кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пусть поэт грустный прах
Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой.

Вечер

Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает, и тень
Скрывает всё вдали,
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.

Хоть давно изменила мне радость...

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость.
Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется.
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется.
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила.
Чтобы мог его мир полюбить.

Звуки и взор

О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.

Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое воспоминанье
Я в настоящем утопил
И всё свое существованье
В единый миг переселил.

Земля и небо

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;

Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность надежды земной,
А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.

Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.

К * (Дай руку мне, склонись к груди поэта...)**

Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое всё сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный цвет чела.

На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где всё мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.

Из Андрея Шенье

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,

Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я всё тебя любил и всё любил так нежно.

К *** (Не медли в дальней стороне...)

Не медли в дальней стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне,
А там простимся навсегда.

И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.

И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Воображу перед собой
И стану речь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.

Сосед

Погаснул день на вышинах небесных,
Звезда вечерняя лиет свой тихий свет;
Чем занят бедный мой сосед?

Чрез садик небольшой, между ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампы,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая, увядаем,
Что мы знакомы с давних лет.

Стансы

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любви,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Пусть паду, как ратник, в бранном поле
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святыя обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;

Если там в пределах отдаленных,
Где душа должна блажество пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,

Невозможно будет излечить;

О взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

Мой демон

1

Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи
Безвестные слезам и сну.

2

К ничтожным хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глотает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

3

Родится ли страдалец новый,

Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больно́й.

4

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

Романс

Хоть бегут по струнам моим звуки веселья,
Они не от сердца бегут;
Но в сердце разбитом есть тайная келья,
Где черные мысли живут.

Слеза по щеке огневая катится,
Она не из сердца идет.
Что в сердце, обманутом жизнью, хранится,
То в нем и умрет.

Не смейте искать в сей груди сожаленья.
Питомцы надежд золотых;
Когда я свои презираю мученья, —
Что мне до страданий чужих?

Умершей девицы очей охладевших
Не должен мой взор увидеть;
Я б много припомнил минут пролетевших.
А я не люблю вспоминать!

Нам память являет ужасные тени,
Кровавый былого призрак,

Он вновь призывает к оставленной сени,
Как в бурю над морем маяк,

Когда ураган по волнам веселится,
Смеется над бедным челном,
И с криком пловец без надежд воротиться
Жалеет о крае родном.

Примечания к стихотворениям 1830–1831 годов

Звезда (Вверху одна...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (копии из альбома А. М. Верещагиной), л. 3. Копия (без заглавия) представляет наиболее позднюю редакцию текста. Имеется также авторизованная копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 1.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 130).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Раскаянье

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 2–2 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 5–6).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Венеция

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 2 об.—3.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 81–82).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Я видел раз ее в веселом вихре бала...

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 3.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, № 256).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Подражание Байрону

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 7–7 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 121).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

С каким-либо конкретным произведением Байрона не связано. По содержанию примыкает к циклу автобиографической лирики.

К Дурнову

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 11 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 84).

Датируется 1830 или 1831 годом по содержанию и по положению в тетради XX.

О Д. Д. Дурнове см. примечание к стихотворению: «К Д....ву» (1829).

Арфа

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 11 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 122).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

На темной скале над шумящим Днепром...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12–12 об.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 84)

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Песня

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 13–13 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 85).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Пир Асмодея

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 13–14 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1891, № 8, отд. I, стр. 6–8).

Датируется концом 1830 или началом 1831 года по содержанию.

В стихотворении имеются в виду революции 1830 года во Франции, Бельгии и Польше, а также холерная эпидемия 1830 года в России.

В рукописи имя императора Павла I, изображенного в гротескных тонах, заменено четырьмя звездочками.

Сон (Я видел сон: прохладный гаснул день...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 14 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 122–123).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

На картину Рембрандта

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 15.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 6–7).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Лермонтов имел в виду рембрандтовский «Портрет молодого человека в одежде францисканца» («Лит. наследство», т. 45–46, «М. Ю. Лермонтов», 2, стр. 281).

К *** (О, полно извинять разврат...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 15–15 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 10). Слово «порфира» во втором стихе заменено точками из цензурных соображений.

Возможно, что в копии в стихе 10 ошибочно «рано» вместо «равно» («М. Ю. Лермонтов». Временник Государственного Музея «Домик Лермонтова», Пятигорск, 1947, стр. 76–78).

Датируется 1830 или 1831 годом по нахождению в тетради XX.

Чье имя зашифровано тремя звездочками в заголовке, до сих пор окончательно не установлено. Политически острое содержание стихотворения, утверждавшего идеал поэта-гражданина, независимого певца свободы и обличителя самодержавного «разврата», делает особенно важным вопрос о его адресате.

Большинство исследователей склоняется к точке зрения, высказанной еще в 1909 году А. М. Горьким, о том, что Лермонтов обратился со словами суровой укоризны к Пушкину, написавшему стихотворения «Стансы», «Друзьям», «К вельможе», которые были восприняты некоторыми современниками как компромисс поэта с самодержавием.

Существовало и другое, опровергнутое ныне, предположение о том, что стихотворение Лермонтова является откликом на поэмы Полежаева «Эрпели» и «Чир-Юрт» («Лит. наследство», т. 58, М., 1952, стр. 393–400).

Прощанье (Прости, прости!..)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 15 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 85–86).

Датируется приблизительно 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К приятелю

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 16.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 7–8).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Смерть (Оборвана цепь жизни молодой...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 16–16 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 123–124).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Волны и люди

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 16 об. В тексте копии в стихе 5 ошибочно «не воля» вместо «воля» («М. Ю. Лермонтов». Временник Государственного Музея «Домик Лермонтова», Пятигорск, 1947, стр. 70–76).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 8).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Звуки

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 16 об. – 17.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, № 256).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

11 июля

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 17.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 8–9).

Датируется 11 июля 1830 или 1831 года по положению в тетради XX.

Первая любовь

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 17 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, № 256).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX

Поле Бородина

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 17 об. – 18 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано с незначительными разночтениями в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 102–105) под заглавием «Бородино».

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Представляет раннюю редакцию стихотворения «Бородино» (1837, настоящее издание).

Лермонтов стремился всесторонне изучить историческую обстановку Бородинского сражения.

В материалах В. Х. Хохрякова (ИРЛИ, оп. 4, № 85, л. 21) после текста стихотворения «Поле Бородина» следует запись: «К обработке этого сюжета относится и сохранившаяся записка о Бородинском сражении: „Le champ de Borodino“...». Затем на французском языке приводится сама записка, содержащая прозаический рассказ о Бородинской битве. Та же записка помещена в другой хохряковской тетради (ИРЛИ, оп. 4, № 26, л. 2) с подписью Лермонтова на французском языке: «M. Lermantoff».

Мой дом

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 19 об. – 20.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 88).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Смерть (Ласкаемый цветущими мечтами...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 20–21.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 124–127).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Вторая половина стихотворения является новой редакцией конца стихотворения 1830 года «Ночь. I» («Я зрел во сне, что будто умер я»). В тексте стихотворения исправлены очевидные опiski «пред мной» вм. «предо мной», захотелось» вм. «захотелось», «поедали», вм. «глодали» и «хладны» вм. «хладные».

Стансы (Мне любить до могилы творцом суждено...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 21 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 127).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Солнце осени

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 25 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 88–89).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Поток

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 25 об. – 26.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 9).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К * (Не ты, но судьба виновата была...)**

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 26–26 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 18–19).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И....вой»).

Ночь (В чугун печальный сторож бьет...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 26 об. – 27.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 10–11).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К себе

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 31–31 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 19).

Датируется 1830 или 1831 годом.

Душа моя должна прожить в земной неволе...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 31 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 19).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Песня (Колокол стонет...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 31 об. – 32.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 89).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Пускай поэта обвиняет...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 32.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, № 43, от 26 февраля).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Слава

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 32–32 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. 1, стр. 90–91).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Вечер

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 32 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 15–16).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Хоть давно изменила мне радость...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 33–33 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 16).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Звуки и взор

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 33 об. – 34.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 20).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Земля и небо

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 34.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 92).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К * (Дай руку мне, склонись к груди поэта...)**

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 34–34 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 20).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Из Андрея Шенье

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 34 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 12–13).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

У Шенье такого стихотворения нет. Именем этого поэта Лермонтов вслед за Пушкиным (в памяти современников еще свеж был политический процесс 1826–1828 годов о распространении отрывка из элегии Пушкина «Андрей Шенье» с надписью «На 14-ое декабря») маскировал свои гражданские взгляды, например размышления о роли поэта в революции, мысль о политическом изгнании.

Автобиографические мотивы в стихотворении «Из Андрея Шенье» сходны с мотивами других стихотворений того же периода. Так, некоторые стихи совпадают по мысли со стихотворениями «Слава» (1830–1831) и «Унылый колокола звон» (1831), написанными от лица Лермонтова.

К *** (Не медли в дальней стороне...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 35.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1899, № 2, отд. I, стр. 130).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Сосед (Погаснул день на вышинах небесных...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 35–36 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 13)

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Стансы (Не могу на родине томиться...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 35 об. – 36.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 16–17).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Посвящено Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И....вой»).

Мой демон

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 36–36 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 13–14).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

В 1829 году Лермонтовым было написано одноименное стихотворение (см. примечание). Тема этих стихотворений Лермонтова связана с началом его работы над поэмой «Демон».

Романс (Хоть бегут по струнам моим звуки веселые...)

Печатается по тексту «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 131), где было впервые опубликовано.

Автограф не известен.

Без существенных разночтений помещено в «Записках» Е. А. Сушковой, где датировано 1831 годом. Однако в тексте самих «Записок» есть противоречивое указание на то, что «пьеса» эта хранилась у А. М. Верещагиной с 1830 года.

Стихотворения 1831 года

1831-го января

Редеют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют – и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, —

Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.

Послушай! Вспомни обо мне...

Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презренный.

И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет – и вдруг заплачут очи;

И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решение!

1831-го июня 11 дня

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнь иную,
И о земле забывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! всё было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? – а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё принести,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! – неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и живой

Я смерти отдал всё, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему конец;
Не много долголетней человек
Цветка; в сравненьи с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода
Синея гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забыть что незабвенно! женский взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давних пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, – и небеса молю
О новых муках: но в груди моей
Всё жив печальный призрак прежних дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе,
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажусь; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там – ей всё равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он вырываясь обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, порок,

И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! – любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят

И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! – жажда бытия
Во мне сильнее страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время – леденеет быстрый ум:
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпление дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его

Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.

27

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать,
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: создание есть одно
Способное любить – хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня
Не увлечется мнением, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

32

И мой курган! – любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, – есть красоты
В таких картинах; только перенести
Их на бумагу трудно: мысль сильна
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,

Как арфы звук в молчании ночей!

Романс к И***

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокою кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

*

О, будь!.. о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнания:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страдания,
Где мир их очернить не мог.

Завещание

1

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2

Могиле той не откажи
Ни в чем, следуя закону;

Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

Сижу я в комнате старинной...

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листьям
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. – А как узнать? быть может,
Приход неожиданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! – шорох,
В развалинах... и крик! – но нет!
То мышь летучая промчалась!
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто... волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен *твоей* рукою!

К *** (Всевышний произнес свой приговор...)

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно всё оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,

Как безответно всё, что мог отдать.
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И мне польстив любовью сперва,
Ты изменила – бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, —
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь – и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд и мук и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастьем моим
И услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым.
Прости! – вот всё, что я желаю...
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

Желание

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел.
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

К деве небесной

Когда бы встретил я в раю
На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.

Спокоен твой лазурный взор,
Как воспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет, и твой укор,
Всё полно, дышит божеством.

Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!

Св. Елена

Почтим приветом остров одинокой,
Где часто, в думу погружон,
На берегу о Франции далекой
Вспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщение за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в ней.

*

Изгнанник мрачный, жертва вероломства
И рока прихоти слепой,
Погиб как жил – без предков и потомства —
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случайной,
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Всё в нем было тайной,
День возвышенья – и паденья час!

К другу В. Ш

«До лучших дней!» перед прощаньем,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданьем!..

Мой милый! не придут они,
В грядущем счастья так мало!..
Я помню радостные дни,
Но всё, что помню, то пропало.

Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночью
Над бурной бездною морскою
Манящий к верным берегам,

Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец
И видит – берег недалекий
И ближе видит свой конец.

Нет! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!

Блистая пробегают облака...

Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быстротой.
И на холме пришелец молодой,

Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старою березой. Он молчит,
Но грудь его подымается порой;
Но бледный лик меняет часто цвет;
Чего он ищет здесь? – спокойствия? – о нет!

Он смотрит в даль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву, или по кустам
Рассеянные сосны. Мир как сад
Цветет – надев могильный свой наряд:
Поблекнувшие листья: жалок мир!
В нем каждый средь толпы забыт и сир;
И люди все к ничтожеству спешат, —
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пусть не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела. – «О! когда б одно люблю
Из уст прекрасной мог подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Всё б в новый блеск оделось!» так мечтал
Беспечный... но просить он неба не желал!

Атаман

1

Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удалцов
Сбирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут;
И веслами дружными плещут,
И песни поют.

2

Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна, — он молчит;
И краса молодая,
Как саван, бледна
Перед ним стоит на коленях.
И молвит она:

3

«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой.
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаман».

4

— Горе девице лукавой, —
Атаман ей нахмурясь в ответ;
— У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
Проступок укрыть
Всё знаю!.. и вновь не могу я,
Девница, любить!..

5

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! — лекарство то: месть!
На что же я здесь атаман?
И заплачу ль, как плачет
Любовник другой?..
И смягчишь ли меня ты, девица,

Своею слезой?

6

Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
Остался ль ты хладен
И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
Красотку твою?

7

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезам вдовиц беззащитных
И кровью детей!

Исповедь

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не название
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный

Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших – но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.

Надежда

Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес – ее спина,
Головка пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна, —
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слышал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!

Видение

Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади – и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко

Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдалении – темно, смутно
Являлось минувшее ему —
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным предсказаньем.
Но верил он – одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер; вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляясь в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро Клязьма.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о! нет! —
Он вздрогнул, натянул бразды, толкнул
Коня – и шумные плеснули воды
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь – и ближе – ближе...
И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. – И на крыльцо
Соскакивает юноша – и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... ее сестра
Идет к нему навстречу. – О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. – Долго он стоял,
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гнался вслед за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений – наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна – так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, – но очей не освежит!
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть

К существенности хладной? нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображение,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть, и что имеет
Влияние на сердце и судьбу.

*

Мой сон переменялся невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчаньи мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливались под ними...
И сердце сильно билось – без причины, —
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил серебристых облаков отрывки,
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья; так боялся
Он услышать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому лестью
Все, все желанья девы легковерной!

Чаша жизни

1

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,

Златые омочив края
Своими же слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадет,
И всё, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;

3

Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был – мечта,
И что она – не наша!

К Л.—

(Подражание Байрону)

1

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

2

Принадлежишь другому ты,

Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В неизвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

3

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

К Н. И***

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может

Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое название!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

А. Д. З...

О ты, которого клевет твой верный Павел
В искусстве ёрников в младенчестве наставил;
О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян;
Которому служил лакеем из лакеев
Шут, алырь, женолаз, великий Теличеев,
Приветствую тебя и твой триумвират:
И кто сказать бы смел, что чорт тебе не брат?

Воля

Моя мать – злая кручина,
Отцом же была мне – судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться.

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать – степь широкая,
А мой отец – небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —

Березы да сосны.

Несусь ли я на коне, —
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой, —
Небо светит мне луной;
Мои братья в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир – необъятное!

Сентября 28

Опять, опять я видел взор твой милый,
Я говорил с тобой,
И мне бывшее, взятое могилой,
Напомнил голос твой;
К чему? – другой лобзает эти очи
И руку жмет твою;
Другому голос твой во мраке ночи
Твердит: люблю! люблю!

Откройся мне: ужели непритворны
Лобзания твои?
Они правам супружества покорны,
Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты родилась
Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
У совести своей.

Он чувствовал ли трепет потаенный
В присутствии твоём;
Умел ли презирать он мир презренный,
Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
Мгновениям с тобой?

Нет! я уверен, твоего блаженства
Не может сделать тот,
Кто красоты наружной совершенства
Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь... тайной властью
Прикована ты вновь

К душе печальной, незнакомой счастью,
Но нежной, как любовь.

Зови надежду – сновиденьем...

Зови надежду – сновиденьем,
Неправду – истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!

Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

Прекрасны вы, поля земли родной...

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий серебристый
И для страны порочной – слишком чистый
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.

Метель шумит и снег валит...

Метель шумит и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний звон
Порой прорвавшись гудит;
То отголосок похорон.

То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.

Пугает сердце этот звук
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...

Небо и звезды

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Чем ты несчастлив,
Скажут мне люди?
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! – а я человек!..

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным.
Только их место занять бы хотел.

Счастливый миг

Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди – дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну – согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну, – скидай свои одежды,

Не упрямся, мы вдвоем;
На пирáх за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу.

О! как полны, как прекрасны,
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;

Перед тем чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что, мнится,
Я, любя тебя, – злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

Когда б в покорности незнания...

1

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства

Не должно вечно было знать.

2

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

К кн. Л. Г – ой

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой,
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Всё привлекательно, прекрасно,
Всё – даже люди, жизнь и свет,
Тогда измучен воспоминаньем
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена;
Так! мысль великая хранилась
В тебе доныне, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!

Кто видел Кремль в час утра золотой...

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?

Я видел тень блаженства; но вполне...

Я видел тень блаженства; но вполне,
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только издали
Оно надежду; получив, — как знать? —
Быть может, я б его стал презирать;
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное как звук.

Кто скажет мне, что звук ее речей
Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в том
Что есть пятно тоски в уме моем;

И с каждым годом шире то пятно;
И скоро всё поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств убьет.
Зато без бурь напрасных приведет
К уничтоженью; — но до этих дней
Я волен — даже — если раб страстей!

Печалью вдохновленный, я пою
О ней одной — и всё, что чуждо ей,
То чуждо мне; я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать;
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшись с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

О мой отец! где ты? где мне найти

Твой гордый дух, бродящий в небесах;
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.
Есть рай небесный! звезды говорят;
Но где же? вот вопрос – и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

К * (О, не скрывай! Ты плакала об нем...)**

О, не скрывай! ты плакала об нем —
И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.

И я бы мог быть счастлив; но зачем
Искать условий счастья в былом!
Нет! я доволен должен быть и тем,
Что зрел, как ты жалела о другом!

К * (Ты слишком для невинности мила...)**

Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастье б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. – Видала ль быстрый ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, холодно, и темно!

Кто в утро зимнее, когда валит...

Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег, и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря;
В борьбе с порывным ветром, этот звон
Далеко им по небу унесен, —
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.

И этот звон люблю я! – он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастья людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру всё, но сам —
Сам чужд всему, земле и небесам.

Ангел

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Стансы. К Д

1

Я не могу ни произнести,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжело это слово
Мне услышать в устах другого.

2

Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? – едва ли!

3

Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена:
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!

4

Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унижить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви;
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!

5

Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет – но я не знал,
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.

6

Я видел их! и был вполне
Счастлив – пока слеза катилась;
В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне;
Так! всё прекрасное, святое,
В тебе – мне больше чем родное.

7

Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастьем не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

8

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не взял вечность.

9

Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, злато
И все богатства чуждых стран,
Закону строгому послушный,
Он их отвергнет равнодушно!

Ужасная судьба отца и сына...

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет;
Ты светом осужден. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня; перед тобой
Как море жизни – вечность роковая
Неизмеримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне.
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

Пусть я кого-нибудь люблю...

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она, как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:

Живу – как неба властелин —
В прекрасном мире – но один.

К другу

Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать
Судьба невежды;
Она дитя —
Не верь на слово;
Она шутя
Полюбит снова;
Всё, что блестит,
Ее пленяет;
Всё, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

Пора уснуть последним сном...

Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем
И ненавидя и любя.

Из Паткуля

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;

Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну... близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает всё выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей!

Портрет

Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, – и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных – пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

Настанет день – и миром осужденный...

Настанет день – и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни – гордый, хоть презренный —
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
Я твердо жду тот час;
Что смерть? – лишь ты не изменишь душою —
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастья из шутки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей,

И как победе станут веселиться
Толпы других людей;
Тогда... молю! – единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тоскою
Искал в твоих очах
Блаженства юных лет и сожаленья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь несправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень, – не жди пощады;
Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
А всё не будешь жить.

К Д

Будь со мною, как прежде бывала;
О, скажи мне хоть слово одно,
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;

Если искра надежды хранится
В моем сердце – она оживет;
Если может слеза появиться
В очах – то она упадет.

Есть слова – объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;

О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!

Песня

Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей:
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко;
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая;

Зачем грустить мнѣ; лодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?

К Нэере

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной как ты?
Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть; что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобзаньем,
Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
Кто раньше ее умирал?»

Отрывок

Три ночи я провел без сна – в тоске,
В молитве, на коленях – степь и небо
Мне были храмом, алтарем курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! как? – одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила всё,
Что в нем похоже было на любовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик – и этого довольно;
Мой час настал – час славы, иль стыда;
Бессмертен, иль забыт я навсегда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятья приняла,
В лесу холодном в грозный час метели
Я сладость пил с ее волшебных уст,
Но для моих желаний мир был пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть напрасной
И бесполезной для страны родной;
Но, как надежда, чистой и прекрасной,
Как вольность, сильной и святой.

Баллада

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосой
На небе зарево горит...
И люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

«Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

«Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум, – и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! – восклицает он, —
Свершилось! торжествуй, проклятый!..
Наш милый край поработен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал – и умирает
Кровавой смертью бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

Силуэт

Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей
И мрачен он, как сердце в ней.

В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю
Как тень блаженства тень твою.

Стансы

Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, —
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.

Как настоящее, оно
Страстями бурными облито,
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула,
И бывши всё мне на земле,
Как всё земное, обманула.

Как дух отчаянья и зла...

Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечный храм;
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.

Я не люблю тебя; страстей...

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилён он;
Другим предавшись мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!

Унылый колокола звон...

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он.
И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробежит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нём живет, то в нём глубоко.
Я чувствую – судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть камень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного блаженства,
Он станет толковать, что должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.

<Новогодние мадригалы и эпиграммы>

Н. Ф. И

Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали
От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!

Бухариной

Не чудно ль, что зовут вас Вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..

Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь —
И старовером прослывешь!

Трубецкому

Нет! мир совсем пошел не так;
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак, —
За комплимент уж принимают!
Всё то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!..

Г<ну> Павлову

Как вас зовут? ужель поэтом?
Я вас прошу в последний раз,
Не называйтесь так пред светом.
Фигляр он назовет вас!

Пусть никто про вас не скажет:
Вот стихотворец, вот поэт:
Вас этот титул только свяжет
С ним привилегий вовсе нет.

Алябьевой

Вам красота чтобы блеснуть
Дана,
В глазах душа чтоб обмануть
Видна!..
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?

Нарышкиной

Всем жалко вас: вы так устали!
Вы не хотели танцевать —
И целый вечер танцовали!
Как наконец не перестать?..
Но если б все ценить умели
Ваш ум, любезность ваших слов, —
Клянусь бессмертием богов —
Тогда б мазурки опустели.

Толстой

Не даром она, не даром
С отставным гусаром.

Бартеневой

Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки,
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?

Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? – нигде я не слышал
Того, что слышал от тебя я!

Мартыновой

Когда поспорить вам придется,
Не спорьте никогда о том,
Что невозможно быть с умом
Тому, кто в этом признается;
Кто с вами раз поговорил,
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет
И что другое всё забыл!

Додо

Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унижить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Как в Талисмানে стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный!

Башилову

Вы старшина собрания верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить?
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,
Когда один в собрании целом
Ему навстречу не солжет;
Итак я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам – знает бог
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!

Кропоткиной

Я оклеветан перед вами;
Как оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но как же! – я сегодня лгу!..

Щербатовой

Поверю ль я, чтоб вы хотели
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы? —
Что даст вам скучный брег Невы:
Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет! как мудрец скажу я вам
Гораздо лучше оставаться.

Булгакову

На вздор и шалости ты хват
И мастер на безделки
И, шутовской надев наряд,
Ты был в своей тарелке;
За службу долгую и труд

Авось на место класса
Тебе, мой друг, по смерть дадут
Чин и мундир паяса.

Сабуровой

Как? вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света.
Но не для вас был создан он!..

Уваровой

Вы мне однажды говорили,
Что не привыкли в свете жить:
Не спорю в этом; – но не вы ли
Себя заставили любить?
Всё, что привычкою другие
Приобретают – вы душой;
И что у них слова пустые,
То не обман у вас одной!

Вы не знавали князь Петра...

Вы не знавали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами – но не головою.

Примечания к стихотворениям 1831 года

1831-го января

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 27. Имеется также копия – ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 124 (альбом Ю. Н. Бартенева), л. 180. Копия эта сделана А. Закревским 15-го августа 1831 года.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 15).

Датируется по заголовку стихотворения.

Послушай! вспомни обо мне...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 41 (альбом Н. И. Поливанова), л. 23.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1875, № 4, стр. 872).

В автографе приписка, позволяющая судить о дате и обстоятельствах написания стихотворения: «23-го марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью; когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания. Н. Поливанов».

Рукой Лермонтова в текст внесены поправки: вставлены слова «эти строки» и по стертому написано: «он ожидал строгого наказания». Подпись – «М. Л.».

Николай Иванович Поливанов (1814–1874) – друг Лермонтова в годы его учения в Московском университете. Позднее вместе с поэтом Поливанов учился в Школе гвардейских подпрапорщиков, по окончании которой служил в лейб-гвардии уланском полку. Полковником вышел в отставку, умер в Казани.

«Университетская шалость», о которой упоминает Н. И. Поливанов в своей записи, – это так называемая «маловская история», в которой участвовал и Лермонтов: 16 марта 1831 года студенты изгнали из университетской аудитории профессора уголовного права М. Я. Малова. По характеристике А. И. Герцена, «Малов был глупый, грубый и необразованный профессор в политическом отделении. Студенты презирали его, смеялись над ним» (А. И. Герцен. Былое и думы. Газетно-журнальное и книжное издательство, Л., 1949, стр. 82–83).

1831-го июня 11 дня

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 21 об. – 25.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано с пропусками и искажениями в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 105–115).

Дата указана в названии стихотворения.

Некоторые стихи варьируются в поэмах «Литвинка» и «Джюлио». Строфы 1, 2, 5 вошли в драму «Станный человек» с небольшими разночтениями.

Стихотворение имеет автобиографический характер. По идейному содержанию оно наиболее значительное из всей юношеской лирики: в нем с особой силой проявился действенный, жизнеутверждающий характер лермонтовской поэзии. «В стихах Лермонтова начинают громко звучать ноты, почти незаметные у Пушкина – это жадное желание дела, активного вмешательства в жизнь. Жажда дела, тоска сильного человека, который не находит почвы для приложения своих сил, – была вообще свойственна людям тех годов», – отмечал А. М. Горький в своих лекциях о русской литературе, читанных в 1909 году на о. Капри (М. Горький. История русской литературы. ГИХЛ, М., 1939, стр. 160).

Стихотворение Лермонтова «1831-го июня 11 дня» перекликается с известными высказываниями Белинского и Герцена об активном отношении к жизни. «Жизнь есть

действие, а действие есть борьба...», – писал В. Г. Белинский в 1834 году в «Литературных мечтаниях» (Белинский, т. 1, стр. 360). То же у Герцена: «... хочется действия, ибо одно действие может вполне удовлетворить человека. Действие – сама личность» (А. И. Герцен, Полн. собр. соч. под ред. Лемке, т. 3, Пгр., 1919, стр. 216). Призыв к борьбе и действию был одним из существенных моментов, в которых проявилась идейная солидарность Лермонтова с Белинским и его друзьями. Н. Г. Чернышевский писал об этой солидарности: «Лермонтов... самостоятельными симпатиями своими принадлежал новому направлению, и только потому, что последнее время своей жизни провел на Кавказе, не мог разделять дружеских бесед Белинского и его друзей» (Чернышевский, т. 3, стр. 223). Женщина, к которой обращены многие строки стихотворения, – Н. Ф. Иванова, с чьим именем связан ряд стихотворений Лермонтова 1830–1831 годов (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И...вой», 1830.).

Романс к И... (Когда я унесу в чужбину...)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 46, л. 16 об. (стихотворение помещено на последнем, отдельном листке тетради с повестью «Последний сын вольности»). Имеется ранний автограф под названием «Романс к ****» – ИРЛИ, оп. 1, № 40, на отдельном листке с копией «Русской песни» («Клоками белый снег валится»).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 280). Датируется предположительно 1831 годом по содержанию и по положению копии в тетради.

Стихотворение адресовано Н. Ф. Ивановой. С разночтениями вошло в драму «Странный человек».

Завещание (Есть место: близ тропы глухой...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 37. Есть копия без разночтений – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 36 об.

Опубликовано впервые в «Сарат. листке» (1876, № 43, от 26 февраля). В автографе – приписка в скобках: «Середниково: ночью; у окна».

Датируется летом 1831 года по приписке и по нахождению в тетради X.

В копии подзаголовок в скобках «Из Гете». Однако у Гете нет стихотворения, которое могло бы служить оригиналом данного произведения.

Сижу я в комнате старинной...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 37 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 167). В первопечатном тексте есть небольшое разночтение с автографом.

В автографе приписка рукой Лермонтова: «(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили по па пугать)». Внизу страницы тщательно зачеркнутая сноска к последней строке.

Датируется летом 1831 года по приписке и по нахождению в тетради X.

Товарищ, о котором идет речь в стихотворении, – это, по рассказам А. Д. Столыпина, Лаптев, сын помещика, жившего в имении неподалеку от Средникова (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 90–91).

К *** (Всевышний произнес свой приговор...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 1.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 259).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Стихотворение обращено, по всей вероятности, к Н. Ф. Ивановой. Упоминание о прощальном поцелуе и мотив измены повторяются в ряде других стихотворений, адресованных Ивановой (см., например, «К Н. И.....», 1831).

Желание (Зачем я не птица, не ворон степной...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 1 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 36 об. – 37.

Опубликовано впервые в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 259–260).

В автографе справа от заголовка приписки рукой Лермонтова в скобках: «Средниково. Вечер на бельведере». «29 июля».

Датируется летом 1831 года по приписке и по нахождению в тетради XI. Число указано в приписке.

В стихотворении отражаются семейные предания о шотландском происхождении рода Лермонтовых.

К деве небесной

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 2. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 37–37 об.

Опубликовано впервые в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 179).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Св. Елена

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 2–2 об.; оп. 1, № 10 (тетрадь X) на л. 37 об. – черновой набросок строфы 2. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 37 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 260).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

К другу В. Ш.

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 2 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 261).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Владимир Александрович Шеншин (1814–1873) – друг Лермонтова в период его учения в Московском университете. О том, какая горячая привязанность существовала между друзьями, можно судить по письму В. А. Шеншина к Н. И. Поливанову – от 7 июня 1831 года: «...мне здесь душно, и только один Лермонтов, с которым я уже пять дней не видался... меня утешает своею беседою».

Блистая пробегают облака...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 3.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 261–262) под заглавием «7-го августа. В деревне».

В автографе на месте заглавия – надпись в скобках: «7-го августа. В деревне на холме; у забора».

Датируется 7 августа 1831 года по приписке и по положению стихотворения в тетради XI.

Атаман

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 3 об.—4. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 37–38.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 262–264).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Стихотворение написано по мотивам народных песен о Степане Разине.

Исповедь (Я верю, обещаю верить...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 4 об.—5.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 264).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Надежда

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 5. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 38 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, стр. 127–128).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Видение

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 5 об.—7. В автографе заглавие заключено в скобки.

Впервые как отдельное стихотворение опубликовано в Соч. изд. «Academia» (т. 1, стр. 200–205).

Ранее печаталось с разночтениями в тексте драмы «Станный человек».

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Стихотворение принадлежит к лирическому циклу, посвященному Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И....вой»).

Чаша жизни

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 7 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 39.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 264–265).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

К Л. – (Подражание Байрону)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 9 об. Заглавие и подзаголовок заключены Лермонтовым в скобки. Существует копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (альбом А. М. Верещагиной), л. 6.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 265). В другой редакции опубликовано Е. А. Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 405).

В стихе автографа – очевидная описка: «нежной» вместо «нежно». Строка «Кто нежной так любим» не имеет смысла по контексту. Поэтому во всех изданиях печатается «Кто нежно так любим».

Сушкова ошибочно датирует стихотворение 1830 годом. Оно написано в августе или в начале сентября 1831 года, что устанавливается по положению стихотворения в тетради XI.

Лермонтов упоминает в стихотворении обстоятельства автобиографического характера.

Женщина, о которой идет речь, – по всей вероятности, Варвара Александровна Лопухина (1814–1851), впоследствии замужем за Н. Ф. Бахметевым. Родственник и друг поэта А. П. Шан-Гирей вспоминает: «Будучи студентом, он был страстно влюблен в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая,

восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, август, стр. 729).

Форма стихотворения отчасти сходна со «Стансами, написанными при отплытии из Англии» Байрона (например, рефрен – «Люблю, люблю одну»).

К Н. И.....

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 9 об. – 10.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 187–188).

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XI.

Стихотворение адресовано Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И....вой»).

А. Д. З.....

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 10.

Впервые опубликовано в «Русск. библиофиле» (1913, № 8, стр. 79).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

А. Д. З. – Андрей Дмитриевич Закревский (род. в 1813 году), друг Лермонтова по кружку в Московском университете. А. Д. Закревский известен был в Москве как автор анонимной книжки о Царе-Горохе («Подарок ученым на MDCCCXXXIV год. Ergo мотай себе на ус. О царе Горохе, когда царствовал государь царь Горох, где он царствовал и как царь Горох перешел, в преданиях народов, до отдельного потомства». М., Ун. типография, 1834). Здесь А. Закревский, обнаружив дар превосходного памфлетиста, высмеял внешность и манеру читать профессоров Павлова, Каченовского, Погодина, Давыдова, стиль полемики Н. А. Полевого, тематику повестей некоторых тогдашних писателей. Особенно остро звучало в сатирическом памфлете Закревского высмеивание Булгарина и Греча – главных представителей реакционной прессы. Упоминаемые также в стихотворении кн. Валериан Павлович Гагарин (род. в 1812 году) и Дмитрий Павлович Тиличев (в автографе – Теличев, род. в 1812 году – ум. после 1860 года) – студенты словесного отделения Университета.

Воля

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 19 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 39 об. – 40. В автографе заглавие заключено в скобки.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 265–266).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

С некоторыми изменениями это стихотворение входит в текст повести «Вадим», где приобретает острую политическую окраску, как песня, которая бытует среди крестьян – участников пугачевского восстания.

Сентября 28

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 20–20 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 39 об. – 40.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3, № 16, стр. 495–496).

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XI. Месяц и число указаны в заголовке стихотворения.

Возможно, что в стихотворении имеются в виду отношения поэта с Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И....вой»).

Зови надежду сновиденьем...

Печатается по «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 129), где опубликовано впервые вслед за стихотворением «Итак прощай! Впервые этот звук» (см. примечание) под названием «К ней же» и с датой «1830».

Имеется автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 21, дающий раннюю редакцию текста. В той же тетради на л. 30 есть черновой набросок к этому стихотворению.

Имеется также копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (копия из альбома А. М. Верещагиной), л. 7.

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XI.

По свидетельству Е. А. Сушковой, стихотворение обращено к ней («Записки» Сушковой, 1928). Сообщенная Сушковой дата написания стихотворения (1830 год) не точна.

Прекрасны вы, поля земли родной...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 23.

Впервые опубликовано с разночтениями в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 191).

Стихотворение в автографе зачеркнуто.

Датируется осенью 1831 года по содержанию и по положению в тетради XI.

По содержанию характерно для патриотической лирики Лермонтова: глубокая любовь к родной земле, мечты о ее свободе сочетаются в его творчестве с обличением общественного зла в «стране порочной».

«Позабывтый прах» – предполагается, что Лермонтов говорит здесь о Ю. П. Лермонтове (см. примечание к стихотворению «Ужасная судьба отца и сына»).

Метель шумит и снег валит...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 23.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 266).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Небо и звезды

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 23 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 40–40 об.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 9).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Счастливый миг

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 24.

Впервые опубликовано в «Русск. библиофиле» (1913, № 8, стр. 79–80).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Когда б в покорности незнания...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 24 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 40 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 267).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

К кн. Л. Г—ой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 25 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 12, отд. I, стр. 383).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Существует предположение, что стихотворение обращено к Елизавете Павловне Горчаковой (1812–1889), двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой (Соч. изд. «Academia», т. 1, стр. 484).

Кто видел Кремль в час утра золотой...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 26 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 194).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Я видел тень блаженства; но вполне...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 26 об. – 27.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 267–268).

Датируется поздней осенью 1831 года по положению в тетради XI и по содержанию.

Стихотворение носит автобиографический характер. В нем говорится о любви поэта к Н. Ф. Ивановой. В последних строках – упоминание о смерти отца (Ю. П. Лермонтов умер 1 октября 1831 года). Позднее этой теме Лермонтов посвятил стихотворения «Ужасная судьба отца и сына» (1831) и «Эпитафия» (1832).

К * (О, не скрывай! ты плакала об нем...)**

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 40 об. – 41.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 128).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI. Относится к лирическому циклу, посвященному Н. Ф. Ивановой.

К * (Ты слишком для невинности мила...)**

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 30).

Перед стихотворением – немецкий оригинал первых четырех стихов:

Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,

Um treu zu lieben ist zu lieblich sie;

Wohl tausend Herzen könnte sie erfreun,

Doch selbst, – selbst glücklich wird sie nie.

Автор немецкого текста не установлен. На полях приписка рукой Лермонтова: «L'âme de mon âme» («Душа моей души». – *Франц.*).

Датируется 1831 годом как стихотворение, находящееся в тетради XI.

Кто в утро зимнее, когда валит...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27 об.

Впервые опубликовано в газете «Русь» (1881, № 10, 17 января).

Датируется зимой 1831 года по положению в тетради XI.

Ангел

Печатается по «Одесскому альманаху» на 1840 год (Одесса, 1839, стр. 702–703), где было напечатано впервые. Есть авторизованная копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 3.

Существует также автограф первоначальной редакции (под заглавием «Песнь ангела») – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 28. Копия с него – в тетради XX (ИРЛИ, оп. 1, № 21, л. 41). Это же стихотворение было помещено Лермонтовым в альбом А. М. Верещагиной (ИРЛИ, оп. 2, № 40, л. 4) и, кроме того, написано на отдельном листке, который хранится в ЛБ (М., 8490, 1);

автограф на половине листа; последняя строка разорвана пополам, – вторая часть строки на листе, хранящемся в ГИМ (ф. 445, № 227а, л. 56).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Несмотря на то, что стихотворение было напечатано в альманахе при жизни Лермонтова, поэт не поместил его в свой сборник 1840 года, очевидно, в связи с резкой оценкой, данной Белинским стихотворениям «Ангел» и «Узник» в рецензии на «Одесский альманах». Белинский писал: «Нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они („Ангел“ и „Узник“) не войдут в собрание его сочинений» (Белинский, т. 5, стр. 225–226).

Стансы. К Д***

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 28 об. – 29. Есть копия (без разночтений, с заголовком «Стансы») – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 41 об. – 42.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 268–270).

Датируется по нахождению в тетради XI.

Кому адресовано стихотворение, окончательно не установлено.

Ужасная судьба отца и сына...

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 42–42 об. Эта копия представляет наиболее позднюю редакцию текста. Имеется также автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 29 об.

Впервые опубликовано в «Русск. архиве» (1872, № 9, стлб. 1850).

Датируется осенью 1831 года по содержанию.

В этом стихотворении Лермонтов говорит о смерти отца. Юрий Петрович Лермонтов умер 1 октября 1831 года в своей деревне Кропотово Тульской губернии.

Стихотворение содержит намеки на семейные раздоры, которые привели к разлуке Лермонтова с отцом.

«Свершил свой подвиг» – идиоматическое выражение, обозначающее завершение жизненного пути, смерть (см. «Лит. газету», 1941, от 5 января).

Пусть я кого-нибудь люблю...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 30 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 42 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1880, стр. 253).

Датируется концом 1831 года по нахождению в тетради XI и по содержанию.

В автографе стихотворение состояло первоначально из трех строф и было озаглавлено «Стансы». Затем заголовок, строфы 1 и 3 зачеркнуты.

К другу (Забудь опять...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 31.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1884, № 4, стр. 59–60).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в XI тетради.

Адресат стихотворения не установлен.

Пора уснуть последним сном...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 31 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 180).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Из Паткуля

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 19 (тетрадь XVIII), л. 32 об.

Впервые опубликовано полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 203).

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XVIII.

Иоганн-Рейнгольд Паткуль (1660–1707) – лифляндский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике и казненный Карлом XII. В своих письмах, написанных перед казнью (изданы Московским университетом в 1806 году), Паткуль изображает себя борцом за счастье отчизны. Романтическим ореолом окружено имя Паткуля и в романе Лажечникова «Последний Новик», 1 том которого вышел из печати в августе 1831 года. Все эти литературные факты привлекли внимание Лермонтова. Мысли о Паткуле связываются в представлении поэта с его собственными мечтами о подвиге во имя родины (см. ниже примечание к стихотворению «Настанет день – и миром осужденный»).

Портрет

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 11 об. В автографе заглавие заключено в скобки.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 48).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Настанет день – и миром осужденный...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 11 об. – 12.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 49).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Мотив, легший в основу этого стихотворения, – предчувствие трагической гибели в борьбе «за дело общее» – повторяется во многих стихотворениях 1830–1831 годов (см. «Когда твой друг с пророческой тоскою», «Когда к тебе молвы рассказ», «Послушай, вспомни обо мне», «1831-го июня 11 дня», «Из Андрея Шенье», «Из Паткуля» и др.).

К Д.

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 12.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 49–50).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Адресат стихотворения «К Д.» не установлен. Высказывавшееся в «Лит. наследстве» (т. 43–44, «М. Ю. Лермонтов», 1, стр. 642) предположение о том, что стихотворение относится к В. Лопухиной маловероятно (заголовок «К Д.» Расшифровывается – «К другу»).

Песня (Желтый лист о стебель бьется...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 12 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 42 об. – 43.

Опубликовано впервые в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 50).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

К Нэере

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 12 об.

Впервые опубликовано в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 17).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Имя Нэеры по традиции, установившейся в античной литературе, символизировало в поэтическом обращении возлюбленную поэта. Эта традиция в первой трети XIX века поддерживалась переводами из древних, помещавшимися в популярных журналах. Так, в «Вестнике Европы» было напечатано стихотворение Мерзлякова «К Нэере» (1811, № 10); в «Моск. телеграфе» опубликован перевод А. Киреева из Тибулла также с заголовком «К Нэере» (1829, № 12); в 1830 году были изданы «Опыты перевода Горациевых од» В. Орлова, где XV эпода посвящена Нэере. Из этих литературных источников Лермонтов, возможно, заимствовал имя Нэеры. В его творчестве античные образы и сюжеты чрезвычайно редки.

Отрывок (Три ночи я провел без сна – в тоске...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 13. Существует и копия стихотворения – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 43–43 об.

Первоначальное заглавие в автографу – «Монолог».

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 50–51). В первопечатном издании строка 35 – «Завидую судьбе его творца» – выпущена, очевидно, из цензурных соображений.

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV. В это время Лермонтовым была задумана историческая поэма о Мстиславе Черном (см. запись сюжета в настоящем издании), «Отрывок» является наброском к поэме.

Баллада (В избушке позднею порою...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), лл. 4–5.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 20).

Датируется 1831 годом, так как связано с относящимся к этому времени замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном и его борьбе с татарами.

Силуэт

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 43 об. Имеется черновой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 13 об.

Опубликовано впервые по автографу в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 53).

Впервые по сокращенной копии – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 52).

Датируется 1831 годом по положению в тетради IV.

Стансы (Мгновенно пробежав умом...)

Печатается по копии – ЦГЛА, ф. 1336, оп. 1, № 21 (альбом М. Д. Жедринской), л. 39. Копия представляет последнюю редакцию текста. Автограф – в ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 18–18 об.

Впервые опубликовано в «Лит. газете» (1939, 15 октября, № 57). Относится к 1831 году по дате в альбоме Жедринской.

Автограф, представляющий раннюю редакцию текста, датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Как дух отчаянья и зла...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 53).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Я не люблю тебя; страстей...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об. Существует также копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (копии из альбома А. М. Верещагиной), л. 8, текст которой совпадает с публикацией «Библ. для чтения».

Впервые с небольшими разночтениями опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 132). Последняя строка, очевидно, из цензурных соображений заменена в этом издании точками. С теми же разночтениями, но полностью – в издании «Записок» Сушковой 1870 г.

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Унылый колокола звон...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 32 об. – 33.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 11–12).

Датировалось до сих пор 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX. Однако по содержанию это стихотворение несомненно развивает мысль двух других стихотворений Лермонтова, написанных им в 1831 году – «Метель шумит и снег валит» и «Кто в утро зимнее, когда валит». Обращает внимание и сходство образной системы всех трех стихотворений. На этом основании стихотворение «Унылый колокола звон» относим к 1831 году.

<Новогодние мадригалы и эпиграммы>

Следующие семнадцать стихотворений, автографы которых находятся в тетради IV, написаны Лермонтовым к новогоднему маскараду в Благородном собрании, где поэт и огласил их. А. П. Шан-Гирей рассказывает об этом следующее: «Мне известно, что они были написаны по случаю одного маскарада в Благородном собрании, куда Лермонтов явился в костюме астролога, с огромной книгой судеб подмышкой, в этой книге должность кабалистических знаков исправляли китайские буквы, вырезанные мною из черной бумаги, срисованные в колоссальном виде с чайного ящика и вклеенные на каждой странице; под буквами вписаны были приведенные г. Дудышкиным стихи, назначенные разным знакомым, которых было вероятие встретить в маскараде» (А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов». В книге: «Записки» Сушковой, 1928).

Н. Ф. И.

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И....вой»).

Бухариной

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Вера Ивановна Бухарина (1812–1902) – дочь рязанского губернатора, впоследствии сенатора, И. Я. Бухарина. С осени 1830 года жила в Москве. В доме Бухариных собиралась московская знать, писатели и музыканты.

Трубецкому

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Обращено, по всей вероятности, к кн. Николаю Николаевичу Трубецкому, женившемуся в 1833 году на Е. А. Лопухиной. Лермонтов был близок к семейству Лопухиных, в доме которых в Москве мог часто встречаться с Трубецким (ум. в 1879 году).

Г<ну> Павлову

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 58).

Стихи 6—10 в автографе зачеркнуты.

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Эпиграмма обращена к писателю Николаю Филипповичу Павлову (1805–1864). В конце 20—начале 30-х годов он выступал со своими стихами и переводами в «Моск. телеграфе», «Моск. вестнике», «Телескопе», в альманахах, которые были известны Лермонтову. Например, в «Мнемозине» и «Драматическом альбоме» печатались отрывки из павловского перевода в стихах французской переделки трагедии Шиллера «Мария Стюарт». В той же переделке трагедия шла и на московской сцене. Известно, с каким пренебрежением отзывался Лермонтов об этом роде литературы. Так, например, в письме к М. А. Шан-Гирей (1831) поэт, сожалея об «исковерканном» Шекспире, резко порицает шедшие в московском театре переделки Дюсиса, отвечавшие «приторному вкусу французов, не умеющих обнять высокое». В этом свете выглядят вполне последовательными саркастические интонации Лермонтова в эпиграмме на Павлова, написанной в том же году, что и письмо к М. А. Шан-Гирей.

Алябьевой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1880, стр. 70).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Стихотворение посвящено Александре Васильевне Алябьевой (1812–1891), красота которой была неоднократно воспета современниками.

...Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой, —

писал Пушкин, обращаясь к кн. Н. Б. Юсупову в стихотворении «К вельможе». Восхищался «классической красотой» Алябьевой и П. А. Вяземский («Пушкин и его современники», т. 7, вып. 25–27, 1917, стр. 23–24). В 1832 году Алябьева вышла замуж за А. Н. Киреева.

Нарышкиной

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 4, № 26, отд. I (тетрадь В. Х. Хохрякова), л. 3, с заголовком «А М-lle <L.> E. Narichkine». Инициал «Е» в автографе зачеркнут.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54–55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Выдвигалось предположение, что стихотворение обращено к Елизавете Ивановне Нарышкиной (урожд. Метем), жене статского советника И. В. Нарышкина (Соч. изд. «Academia», т. I, стр. 498). Однако стихотворение не может относиться к Е. И. Нарышкиной, родившейся в 1787 году и в 1831 году имевшей взрослую дочь Екатерину (род. в 1816 году). Возможно, что именно к

Екатерине Ивановне Нарышкиной и обращен мадригал. Этому предположению соответствуют и поправки в заголовке стихотворения, сделанные Хохряковым, очевидно, знавшим адресат стихотворения. Хохряков уточнил, что имеется в виду «М-lle Нарышкина», и снова восстановил инициал «Е».

Толстой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Толстая имеется в виду, не установлено.

Бартеневой

Печатается по беловому автографу ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1589 (альбом П. А. Бартеневой), л. 61; автограф – на отдельном листке, вклеенном в альбом между лл. 56 и 57. На оборотной стороне листа надпись неизвестной рукой: «А M-lle Bartenieff». Имеется также черновой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15 об. В заголовке автографа – «Бартеньевой».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 55–56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811–1872) – известная певица, «московский соловей», как ее называли современники. В начале 30-х годов Бартенева уже часто выступала на великосветских концертах и балах. Позднее Бартенева получила звание камер-фрейлины и пела в Петербурге. Пресса 30-х годов богата восторженными отзывами о таланте Бартеневой. Многие поэты воспевают силу и красоту ее голоса.

Она поет... и сердцу больно,
И душу что-то шевелит,
И скорбь невнятная томит,
И плакать хочется невольно, —

писала в 1831 году поэтесса Е. Д. Сушкова (Ростопчина). Лермонтов, бывая на балах московской знати, где пела Бартенева, одним из первых среди поэтов-современников посвятил ей стихотворение.

Мартыновой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Мадригал адресован одной из сестер Н. С. Мартынова – убийцы Лермонтова. Вернее всего, он обращен к Елизавете Соломоновне (род. в 1813 году) или Екатерине Соломоновне (род. в 1813 году).

Додо

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Додо – Евдокия Петровна Сушкова, впоследствии Ростопчина (1811–1858), поэтесса, друг Лермонтова.

«Талисман», упоминаемый в мадригале, – название стихотворения Ростопчиной, напечатанного П. А. Вяземским в альманахе «Северные цветы» на 1831 год.

Башилову

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15. Копия – ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь I В. Х. Хохрякова), л. 3, под заголовком: «A Son Ex<cellence> M-g Bachiloff» («Его превосходительству г-ну Башилову». – *Франц.*).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55–56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Александр Александрович Башилов (1777–1847) – тайный советник, сенатор, в 1831 году – директор комиссии строений в Москве.

Кропоткиной

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об. Автограф зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Кропоткина имеется в виду, не установлено. Возможно, это племянница князя А. П. Кропоткина, Елизавета Ивановна, тогда невеста, а впоследствии жена Тиличеева, товарища Лермонтова по Московскому университету.

Щербатовой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об. Копия – ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь В. Х. Хохрякова), № 3, под заголовком «A la Princesse A. Tcherbatoff». («Княжне А. Щербатовой». – *Франц.*)

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 174).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Княжна Анна Александровна Щербатова (1808–1870), в 30-х годах – фрейлина, в воспоминаниях и письмах современников упоминается как одна из красивейших женщин современной Лермонтову Москвы.

Булгакову

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Константин Александрович Булгаков (1812–1862) – сын московского почт-директора А. Я. Булгакова, впоследствии гвардейский офицер, гуляка и повеса, пользовавшийся особой благосклонностью вел. кн. Михаила Павловича. Лермонтов учился с Булгаковым в Московском благородном пансионе, где возникло впервые то неприязненное отношение к Булгакову, которое с такой резкостью звучит в эпиграмме. Незадолго до написания эпиграммы, 11 ноября 1831 года, К. Булгаков, как лучший танцор, был выбран с пятью товарищами на бал к князю С. М. Голицыну. В одном из своих писем А. Я. Булгаков извещал брата об успехах сына: «Когда Костя танцевал французскую кадрили, то государь глядел на него и сказал, кажется, Олсуфьеву: C'est le seul de tous ces messieurs, qui dance bien et qui soit bien tourné» («Из всех этих господ нет ни одного, кто бы так легко танцевал и был бы так строен». – *Франц.*) («Русск. архив», 1902, кн. 1, стр. 138). Возможно, что именно этот эпизод имел в виду Лермонтов, когда писал:

Недавно в платье Арлекина

Ты молодецки танцевал...

Образ К. А. Булгакова послужил прототипом для фигуры Углакова в романе А. Ф. Писемского «Масоны» (1880).

Сабуровой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 173).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Сабурова имеется в виду, не установлено.

Уваровой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 173).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Уварова имеется в виду, не установлено.

Вы не знавали князь Петра...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Эпиграмма относится к князю Петру Ивановичу Шаликову (см. примечание к «Эпиграммам» 1829 г.).

В одном из номеров издававшегося Шаликовым «Дамского журнала» (1832, ч. 37, № 3, стр. 46–48) помещен отчет о том самом маскараде, на котором Лермонтов читал свои мадригалы.

Стихотворения 1832 года

Люблю я цепи синих гор...

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить всё медлит он
Луне – угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружают
Его сейчас... вот весь наряд,

Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне,
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня
И гриву и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытии
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вокруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспаривать у ней!

Солнце

Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..

Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блеснит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?

Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови...

Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. ни любви,

Ни мук умерший уж не знает;
Шести досток жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный,
Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой!..

Прощанье

Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман сырой;
А здесь тебе и кровля и покой,
И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана
Подобная твоей.

В ненастный день заехал ты сюда;
Под мокрой буркой, с горестным лицом;
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачным сделать днем;

Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами – их убор:
Мы вольны и добры; – зачем твой взор
Летит к стране другой?

Поверь, отчизна там, где любят нас;
Тебя не встретит средь родных долин,
Ты сам сказал, улыбка милых глаз:
Побудь еще со мной хоть день, хоть час,
Послушай! час один!

– Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовью твоей,
Но всё-таки слезам твоих очей
Не удержать меня.

Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.

Прости: вот мой ответ.

Она была прекрасна, как мечта...

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная иль стройный, гибкий стан
Или большие очи? – но порой
Всё это не зовем мы красотой:
Уста без слов – любить никто не мог;
Взор без огня – без запаха цветов!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство – яд!

Время сердцу быть в покое...

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет —
То безумной страсти след:
Так всё бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..

Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.

Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;

Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса береговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.

Склонись ко мне, красавец молодой!

1

Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! – ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь – а страха всё не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...
Что злато? – я тебя люблю, люблю!..

2

Ты так хорош! – бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, —
Ты помнишь? – Серебристая луна,
Как ангел средь отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.

3

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?

Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье – но позор?
Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих – эта всех!

4

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухой чужой,
Не знала я веселья дней молодых, —
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы,
Я продана мужчине – ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну – день от дня.

5

Мне мил мой стыд! он право мне дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот!
О наслаждайся! – ты мой господин!
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя.
Мой друг! – чего не вынесешь любя!

Девятый час; уж темно; близ заставы...

Девятый час; уж темно; близ заставы
Чернеют рядом старых пять домов,
Забор кругом. Высокий, худощавый
Привратник на завалине готов
Уснуть; – дождя не будет, небо ясно, —
Весь город спит. Он долго ждал напрасно;
Темны все окна – блещут только два —
И там – чем не богата ты, Москва!

Но, чу! – к воротам кто-то подъезжает.
Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. – Слезает,
Одет плащом, проказник молодой;
Скрыпит за ним калитка; под ногами
Стучат колеблясь доски. (Между нами
Скажу я, он ничей не прервал сон.)
Дверь отворилась, – свечка. – Кто тут? – Он.

Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату ведет;
В шандале медном тускло догорая,
Свеча на них свой луч последний льет,
И на кровать с высокою периной
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны
Два юные лиц#225; отражены.

Она была прекрасна, как мечтанье
Ребенка под светилом южных стран.
Что красота? – ужель одно название?
Иль грудь высокая и гибкий стан,
Или большие очи? – но порою
Всё это не зовем мы красотою:
Уста без слов – любить никто не мог,
Взор без огня – без запаха цветок!

Она была свежа, как розы Леля,
Она была похожа на портрет
Мадоны – и мадоны Рафаэля;
И вряд ли было ей осмнадцать лет;
Лишь святости черты не выражали.
Глаза огнем неистовым пылали,
И грудь волнуясь поцелуй звала;
Он был не папа – а она была...

Ну что же? – просто дева молодая —
Которой всё богатство – красота!..
И впрочем, замуж выйти не желая,
Чт#972; было ей таить свои лета?
Она притворства хитрости не знала
И в этом лишь другим не подражала!..
Не всё ль равно? – любить не ставит в грех
Та одного – та многих – эта всех!

Я с женщиною делаю условие
Пред тем, чтобы насытить страсть мою:
Всего нужней, во-первых, мне здоровье,
А во-вторых, я мешкать не люблю;
Так поступил Парни питомец нежный:
Он снял сертук, сел на постель небрежно,

Поцеловал, лукаво посмотрел —
И тотчас раздеваться ей велел!

Как в ночь звезды падучей пламень...

Как в ночь звезды падучей пламень
Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело как камень,
Но всё под ним змея.

Меня спасало вдохновенье
От мелочных сует;
Но от своей души спасенья
И в самом счастье нет.

Молю о счастии, бывало,
Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало
Как для царя венец.

И все мечты отвергнув снова,
Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин.

К *** (Я не унижусь пред тобою...)

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной

И силой духа убежден
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд!.. прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

<В альбом н. Ф. Ивановой>

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.

И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставляю я.

<В альбом д. Ф. Ивановой>

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть,
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

Как луч зари, как розы Леля...

Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадоны Рафаэля
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилось, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

Синие горы Кавказа, приветствую вас!

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

* * *

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их походил на цвет стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину купаясь, в таком уж смущении, что белой одежды накинута на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник,

шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит
безымянная речка, и выстрел неожиданный, и страх после выстрела: враг ли коварный иль просто
охотник... всё, всё в этом крае прекрасно.

* * *

Воздух там чист, как молитва ребенка. И люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их
стихия; и в смуглых чертах их душа говорит, в дымной сакле, землей иль сухим тростником
покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружие, и шьют серебром – в тишине увядая
душою – желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.

Романс

Стояла серая скала на берегу морском;
Однажды на чело ее слетел небесный гром.
И раздвоил ее удар, – и новою тропой
Между разрозненных камней течет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, – но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злословием людским,
Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим.
И мы не встретимся опять, и если пред тобой
Меня случайно назовут, ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих – минуты прежних дней!..

Прелестнице

Пускай ханжа глядит с презреньем
На незаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в весельи шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,

И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат:
Мы будем счастливы, как можем,
Они пусть будут как хотят!

Ты молод. Цвет твоих кудрей...

Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день твои блистают очи
При встрече радостных очей;
Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку гонишь прочь печаль,
Что бред ребяческий другому,
То всё тебе покинуть жаль:
Волною жизни унесенный
Далеко от надежд былых,
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных;
Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,
И не рожденный для забвенья
Я вновь черты их узнаю.
И время их не изменило,
Они всё те же! – я не тот:
Зачем же гибнет всё, что мило,
А что жалеет, то живет?

Эпитафия

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведal...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.

И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

Измученный тоскою и недугом...

Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;
Но ты не веришь мне, ты притворилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты решилась,
Чтоб с сожаленьем не явить любви;
Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез;
Ты для меня была как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.

Нет, я не Байрон, я другой...

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит,
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто

Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!

Романс

1

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет,
И душа твоя увянет,
В дальней стороне
Вспомни обо мне.

2

Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабывшей и презренной,
О тогда, мой друг бесценный,
Ты в чужой стране
Вспомни обо мне.

3

Время прежнее, быть может,
Посетит тебя, встревожит
В мрачном, тяжком сне;
Ты услышишь плач разлуки,
Песнь любви и вопли муки
Иль подобные им звуки...
О, хотя во сне
Вспомни обо мне!

Сонет

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,
И образ твой меж них, как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.

Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями,
Что ж пользы для меня, – я не любим тобой,

Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморный кумир на берегу морском

Стоит, – у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет.

Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья...

Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья,
Я увядаю в полном цвете!
Пуškai! – я не был раб земного наслажденья,
Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей владело,
Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захотело,
Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает
Краснея гордое светило;
Мне хочется за ним: оно, быть может, знает,
Как воскрешать всё то, что мило.
Быть может, ослеплен огнем его сиянья
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
За мной бегущие повсюду.

К *** (Мы случайно сведены судьбою...)

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

Поцелуями прежде считал...

Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал,
А теперь никого не люблю!

И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!

Послушай, быть может, когда мы покинем...

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану!
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга всё счастье рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне – вселенной!

К * (Оставь напрасные заботы...)**

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней:
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильнее!
Ты любишь – верю – и довольно;
Кого, – ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостойн я участия,
Что сам ничем не дорожу;
Что всё, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси бывшего,
Я мук своих не продаю.

Баллада

(С немецкого)

Из ворот выезжают три витязя в ряд,
увы!
Из окна три красотки во след им глядят:
прости!

Напрасно в боях они льют свою кровь —
увы!
Разлука пришла – и девичья любовь

прости!

Уж три витязя новых в ворота спешат,
увы!
И красотки печали своей говорят:
прости!

Бой

Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один – серебряной обвешан бахромою,
Другой – в одежде чернеца.
И видя злость противника второго,
Я пожалел о войне младом;
Вдруг поднял он концы сребристого покрова,
И я под ним заметил – гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь;
Но вихорь отступил перед громами,
И пал на землю черный конь.

Я жить хочу! Хочу печали...

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Смело верь тому, что вечно...

Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,

Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.

Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.

Всё на свете редко стало:
Есть надежды – счастья мало;
Не забвение разлука:
То – блаженство, это – мука.

Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?

Приветствую тебя, воинственных славян...

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженье
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..
– Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?
.....

Желанье

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок досчатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущусь в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

К * (Мой друг, напрасное старанье!..)**

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, название,
Вот всё, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои – они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

К * (Печаль в моих песнях, но что за нужда?..)**

Печаль в моих песнях, но что за нужда?
Тебе не внимать им, мой друг, никогда.
Они не прогонят улыбку святую
С тех уст, для которых живу и тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни звук,
Отзыв беспокойный неведомых мук.
Певца твоя ласка утешить не может,
Зачем же он сердце твое потревожит?

О нет! одна мысль, что слеза омрачит
Тот взор несравненный, где счастье горит,
Безумные б звуки в груди подавила,
Хоть прежде за них лишь певца ты любила.

Два великана

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел – потрянул главою...
Ахнул дерзкий – и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

К * (Прости! – мы не встретимся боле...)**

1

Прости! – мы не встретимся боле,
Друг другу руки не пожмем;
Прости! – твое сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страдания
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь название
Того, кто погиб так давно!

2

Есть звуки – значение ничтожно,
И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто бывшее
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!

3

Мгновение вместе мы были,
Но вечность – ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истожили,
Сожгли поцелуем одним;
Прости! – не жалею безрассудно,
О краткой любви не жалею:
Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!

Слова разлуки повторяя...

Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смело веришь ей... но я?..

Оставь страдальца! – будь покойна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!
А мне довольно и одной.

Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!

Я схоронил навек бывшее,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..

Безумец я! Вы правы, правы!

Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать,
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на поэта!
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Всё то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

Она не гордой красотою...

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее – не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

Примите дивное посланье...

Примите дивное посланье
Из края дальнего сего;
Оно не Павлово писанье —
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен – всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно, и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

И наконец я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен;
Болезнью жизни, скукой болен,
(Назло былым и новым дням)
Я не завидовал, как прежде,

Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.

Челнок

По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти,
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок.
Пусть прилив его ласкает,
В обман не вдастся инвалид:
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится – и на воле!
Погиб – и дан ему покой!..

Что толку жить!.. Без приключений...

Что толку жить!.. Без приключений
И с приключеньями – тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть толпою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду
Под гордой важностью лица,
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине Иуду.
А потрудитесь рассмотреть —
Всё веселее умереть.

Конец! Как звучно это слово,
Как много – мало мыслей в нем;
Последний стон – и всё готово,
Без дальних справок – а потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас.
Простит вам каждую обиду

По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церковей)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услышать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Название ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девушка нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна;
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой!

Для чего я не родился...

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О! как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальнем северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Он был рожден для счастья, для надежд...

Он был рожден для счастья, для надежд,
И вдохновений мирных! – но безумный
Из детских ран вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил – и бог не спас!
Так сочный плод до времени созрелый
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты – его паденья час!

И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем, как нежные подруги
Колеблются на ветках – ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги!
Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

Тростник

Сидел рыбак веселый
На берегу реки;

И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул;
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И будто оживленный,
Тростник заговорил;
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня;
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!

«И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

«И был сынок любимец
У мачехи моей;
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

«Моей любви просил он...
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он
Ударил в грудь ножом;
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

«И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой;
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник;
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

Русалка

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка – и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада,
Там хрустальные есть города.

4

«И там на подушке из ярких песков,
Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

5

«Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы, в полуденный час,
Целовали красавца не раз.

6

«Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит, – и склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!...»

7

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

Баллада

Куда так проворно, жидовка молодая!
Час утра, ты знаешь, далек...
Потише, распалась цепочка золотая,
И скоро спадет башмачок.

Вот мост! вот чугунные влево перилы
Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, устала, нет силы!..
Вот дом – и звонок у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
Как мраморный идол бледна;
Потом, за шнурок потянув, постучала...
И кто-то взглянул из окна!..

И страхом и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая

Столетий печали была;

Она говорила: «Мой ангел прекрасный!
Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки напрасной,
Избавь от ножа и огня...

«Отец мой сказал, что закон Моисея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не бледнея,
Затем, что внимала любя...

«И мне обещал он страдания, мученья,
И нож наточил роковой;
И вышел... Мой друг, берегись его мщенья,
Он будет как тень за тобой...

«Отцовского мщенья ужасны удары,
Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
Под холодной рукой палачей.

Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
Блеснул неожиданный свет...
И что-то сверкнуло в руке обнаженной
И мрачен глухой был ответ;

И тяжкое что-то на камни упало,
И стон раздался под стеной;
В нем всё улетающей жизнью дышало
И больше, чем жизнью одной!

Поутру, толпяся, народ изумленный
Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русский, кинжалом пронзенный,
И женщины труп под окном.

Гусар

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан.
Но знай: покой души не вечен,
И счастье на земле – туман!

Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров,
Но берегись думы черной —
Она черней твоих усов.

Пусть судьба тебя голубит
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.

Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».

Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой,
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.

Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?

Молчишь – и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал!
Увы – зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

Примечания к стихотворениям 1832 года

Люблю я цепи синих гор...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17–17 об. Другой автограф – ЛБ, М., 8490, 2 (это отдельный листок, на одной стороне которого написаны 11 стихов, от стиха 12 осталось только окончание слова: <небо>склон. На обороте – стихи 28–37, от стиха 38 осталось только: <скло>нив она. Возможно, что этот автограф является более поздним, но он неполный). Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 57–58). Датируется 1832 годом, так как помещено в тетради IV сразу же после новогодних мадригалов, которые написаны в конце 1831 года.

Солнце

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17 об. Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 60). Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17 об.

Автограф зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Прощанье (Не уезжай, лезгинец молодой...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV). лл. 17 об. – 18.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т.1, 1889. стр. 62–63).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Она была прекрасна, как мечта...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 18.

Впервые опубликовано (с искажениями и с присоединением строфы V стихотворения «Девятый час; уж темно») в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 26).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено, видимо, к Н. Ф. Ивановой (см. о ней в примечании к стихотворению Н. Ф. И....вой», 1830.).

Отдельные стихи в несколько измененном виде перенесены в строфу IV стихотворения «Девятый час; уж темно», 1832.

Время сердцу быть в покое...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 18 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 58).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено, видимо, к Н. Ф. Ивановой (см. о ней в примечании к стихотворению, «Н. Ф. И....вой», 1830.).

Первые стихи являются вольным подражанием началу стихотворения Байрона 1824 года «On this day I complete my thirtysixth year». («В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет»).

Некоторые стихи повторены Лермонтовым в стихотворении «К *» («Я не унижусь пред тобою»), 1832.

Склонись ко мне, красавец молодой...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 19.

Имеется авторизованная копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 43 об. – 44. Здесь стих «Я продана мужчине – ни мольбы» отсутствовал и был вписан рукой Лермонтова позже, очевидно, по памяти.

Впервые опубликовано частично в «Отеч. записках» (1859, т. 125. № 7, отд. I, стр. 58–59), полностью в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 24–25).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Девятый час; уж темно; близ заставы...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV). лл. 19 об. – 20.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 63–64).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Ср. строфы IV и VI со стихотворением «Она была прекрасна, как мечта», 1832 и стихотворением «Склонись ко мне, красавец молодой», 1832, строфа 3.

Как в ночь звезды падучей пламень...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 20.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1. стр. 59).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

К * (Я не унижусь пред тобою...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 20 об. – 21. Копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 44 об.

Впервые опубликовано с пропуском некоторых стихов в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 59–60), полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 68–70).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV. Это прощальное обращение к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830.).

Отдельные стихи повторяют стихи стихотворения «Время сердцу быть в покое», 1832.

<В альбом Н. Ф. Ивановой> (Что может краткое свиданье...)

Печатается по копии – ЦГЛА, ф. 1336, оп. 1, № 21 (альбом М. Д. Жедринской), лл. 38 об. – 39.

Под текстом стихотворения той же рукой поставлена дата («1832 г.») и сделана подпись («М. Ю. Лермонтов»).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Лит. газете» (1939, 15 октября, № 57).

Датируется 1832 годом на основании пометы в альбоме.

В этом стихотворении говорится о кратком свидании, которое произошло, очевидно, после того, как стихотворение «Я не унижусь пред тобою» (о нем Лермонтов упоминает здесь в строке «И стих безумный, стих прощальный») в альбом Ивановой было уже вписано (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 480).

<В альбом Д. Ф. Ивановой> (Когда судьба тебя захочет обмануть...)

Печатается по копии – ЦГЛА, ф. 1336, оп. 1, № 21 (альбом М. Д. Жедринской), л. 38. Под текстом стихотворения той же рукой поставлены дата («1832 г.») и подпись («М. Ю. Лермонтов»).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Лит. газете» (1939, 15 октября, № 57).

Датируется 1832 годом на основании пометы в альбоме. Стихотворение обращено к Дарье Федоровне Ивановой, дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова, сестре Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830.).

Как луч зари, как розы Леля...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 21.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830.).

Синие горы Кавказа, приветствую вас...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 21–21 об. Третий абзац («Как я любил твои бури ~ всё в этом крае прекрасно») в автографе зачеркнут.

Впервые опубликовано (с пропусками) в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 60–61). Здесь (и в позднейших изданиях) последний абзац ошибочно разбит на стихотворные строки. Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Отрывок представляет собой опыт ритмической прозы. В нем отразились воспоминания Лермонтова о его пребывании на Кавказе в годы детства.

Фраза «Воздух там чист, как молитва ребенка» в несколько измененном виде («Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка») включена в роман «Герой нашего времени» («Княжна Мери», запись 11 мая). Первый отрывок близок по теме и образам к началу поэмы «Измаил-бей».

Романс (Стояла серая скала на берегу морском...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 21 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 61).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830). Тема этого стихотворения представляет собой разработку образа, заключающегося в последней строфе стихотворения «Время сердцу быть в покое», 1832.

Прелестнице

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 45. Черновой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22.

Впервые опубликовано (без первых двух стихов и с частичными заимствованиями из чернового автографа) в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 61–62).

Датируется 1832 годом по положению чернового автографа в тетради IV.

Стихотворение «Договор», 1841, представляет собой в первых трех строфах переработку данного стихотворения.

Ты молод. Цвет твоих кудрей...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об. Копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 45–45 об.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 11–12).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Эпитафия (Прости! увидимся ль мы снова...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 62).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV. Написано по поводу смерти отца – Ю. П. Лермонтова (см. примечание к стихотворению «Ужасная судьба отца и сына», 1831).

Измученный тоскою и недугом...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 23.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1884, № 4, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830.).

Нет, я не Байрон, я другой...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 45 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 12).

Датируется 1832 годом, так как расположено в тетради XX вслед за копиями стихотворений «Ты молод» и «К *» («Я не унижусь пред тобою»), написанными в этом году (автографы их находятся в тетради IV).

В стихотворении Лермонтов подчеркивает национальное своеобразие своего творчества (ср. со стихотворением «К ***» – «Не думай, чтоб я был достоин сожаленья», 1830.).

Романс (Ты идешь на поле битвы...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 45 об. – 46.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 26 февраля, № 43)

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Сонет

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 46.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 21).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830.).

Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 46 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 17–18).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830.).

К * (Мы случайно сведены судьбою...)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 46 об. – 47.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 21–22).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Стихотворение, возможно, обращено к В. А. Лопухиной (ср. стих «Будь товарищ грозных бурь моих» со стихом «Товарищ бурь моих суровых» из чернового автографа посвящения к поэме «Измаил-бей», 1832).

Поцелуями прежде считал...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 93).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Послушай, быть может, когда мы покинем...

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 22).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

К * (Оставь напрасные заботы...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 26 февраля, № 43).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

В этом стихотворении, обращенном к В. А. Лопухиной, Лермонтов говорит о своем прежнем чувстве к Н. Ф. Ивановой (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 480).

Баллада (Из ворот выезжают три витязя в ряд...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47 об.

В автографе текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1891, № 8, отд. I, стр. 10).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Первые два стиха являются переводом начальных стихов старинной немецкой народной песни «Die drei Reiter»: «Es ritten drei Reiter zum Thore hinaus, ade!» («Musikalischer Hausschatz der Deutschen von G. W. Fink», Leipzig, 1856, стр. 3).

Дальнейший текст стихотворения является оригинальным творчеством Лермонтова.

Бой

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 94–95) и в Соч. под ред.

Висковатова (т. 1, 1889, стр. 226).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Я жить хочу! хочу печали...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48.

Впервые опубликовано с письмом к С. А. Бахметевой (без некоторых стихов) в «Современнике» (1854, т. 43, № 1, отд. I, стр. 6).

Датируется июлем 1832 года, так как первые стихи этого стихотворения процитированы в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от августа этого года после фразы: «Странная вещь, только месяц тому назад я писал».

Смело верь тому, что вечно...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом, так как расположено в тетради XX рядом со стихотворением «Я жить хочу! хочу печали», частично приведенным в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от августа этого года.

Приветствую тебя, воинственных славян...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48 об.

Впервые опубликовано (без двух последних стихов) в «Современнике» (1857, т. 65, № 10, отд. I, стр. 190).

Написано в августе 1832 года в Новгороде, проездом из Москвы в Петербург.

Тема древней новгородской вольности была популярна у писателей-декабристов, видевших в вечевом строе национальную форму русского народного правления.

У Лермонтова эта же тема развивается в стихотворении «Новгород», (1830) и в поэме «Последний сын вольности» (1831).

Желанье (Отворите мне темницу...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10. Имеется автограф, состоящий только из первых стихов, – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48 об. Копия, сделанная рукой С. А. Раевского, – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 42 об. Другая копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40, л. 9 (сделана по альбому А. М. Верещагиной).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1841, т. 19, № 11, отд. III, стр. 1–2).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

В 1837 году Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Узник»).

К * (Мой друг, напрасное старанье...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 128–129).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

К * (Печаль в моих песнях, но что за нужда...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Два великана

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 6 об. Первоначальный автограф с поправками – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49. Авторизованная копия, сделанная рукой С. А. Раевского, – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь автографов Чертковской библиотеки), л. 42.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 22, № 5, отд. I, стр. 1–2).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Написано, видимо, в связи с 20-летием Отечественной войны 1812 года: Лермонтов изобразил поражение Наполеона и его ссылку на остров св. Елены.

Мысль, выраженная в строфах III и IV стихотворения «Два великана», повторена Лермонтовым позже в строфе VII главы I поэмы «Сашка».

К * (Прости! – мы не встретимся боле...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49 об.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И.... вой», 1830.).

Ср. некоторые стихи со стихами стихотворения «Есть речи – значенье», 1840.

Слова разлуки повторяя...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49 об.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Безумец я! вы правы, правы!..

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 50.

Первоначальное заглавие в автографе: «Толпе».

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, 16 ноября, № 246).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Она не гордой красотою...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 50.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Обращено к В. А. Лопухиной. В стихотворении, повидимому, дана сравнительная характеристика Н. Ф. Ивановой и В. А. Лопухиной.

Примите дивное посланье...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 24 (письмо к С. А. Бахметевой от августа 1832 года).

Впервые опубликовано полностью в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 3, стр. 402–403).

Датируется августом 1832 года, так как этим стихотворением начинается упомянутое выше письмо Лермонтова к С. А. Бахметевой.

Павел, который должен был передать послание, – родственник Лермонтова по его бабушке Е. А. Арсеньевой (сын ее сестры), Павел Александрович Евреинов.

В стихотворении есть элементы политической сатиры («Куда ни взглянешь, красный ворот...»); намек на полицейский режим в николаевской России имеет общие черты со стихотворением «Прощай, немытая Россия», 1841.

Челнок (По произволу дивной власти...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 10 об. Первоначальный

автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 24 (письмо к С. А. Бахметевой от августа 1832 года), впервые опубликован в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 3, стр. 403). Копия, отличающаяся от

автографов, – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (по альбому А. М. Верещагиной), л. 10.

Датируется августом 1832 года в связи с нахождением первоначального автографа в упомянутом выше письме к С. А. Бахметевой.

В обоих автографах слово «расшибенный» записано: «расчибенный».

Что толку жить!.. Без приключений...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 11–11 об. Другой автограф

– ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 17 (письмо к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 года), строфа 1 стихотворения здесь отсутствует, строфы 2 и 3 в несколько иной редакции.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 289).

Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

Для чего я не родился...

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 17 (письмо к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 года).

Впервые опубликовано вместе с письмом к М. А. Лопухиной в «Русск. архиве» (1863, № 3, стлб. 265–266).

Датируется 27 августа 1832 года, так как в упомянутом выше письме Лермонтов пишет, что написал это стихотворение накануне, наблюдая небольшое наводнение (см. настоящее издание).

Парус

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), 11 об. Другой автограф – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 18 (письмо к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 года).

Копия, совпадающая с автографом казанской тетради, – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1841, т. 18, № 10, отд. III, стр. 161).

Датируется 1832 годом, не раньше первой половины августа и не позднее 2 сентября, так как включено в упомянутое выше письмо к М. А. Лопухиной.

Стих – «Белеет парус одинокий» – совпадает со стихом 19 строфы XV главы I поэмы А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский». Первая глава этой поэмы вышла отдельным изданием (анонимно) в Москве в 1828 году, а в 1832 году стало известно имя автора.

В «Парусе» Лермонтова отразились настроения передовой русской интеллигенции 30-х годов XIX века: художественные образы стихотворения символизировали протест против политического гнета в России.

Он был рожден для счастья, для надежд...

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 19 (письмо к М. А. Лопухиной от октября 1832 года). Первоначальный автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 12.

Впервые опубликовано вместе с письмом к М. А. Лопухиной в «Русск. архиве» (1863, № 4, стлб. 293).

Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

Первые пять стихов почти без изменений позже были перенесены в стихотворение «Памяти А. И. О<доевско>го», 1839. Следующие четыре стиха с некоторыми изменениями вошли в стихотворение «Дума», 1838.

Тростник

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 10. Копия Хохрякова, содержащая ошибки, – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 64, лл. 26–27.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, 16 ноября, № 246).

Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

В автографе стихотворение разделено на строфы. Бытует в народе в качестве песни. С этого стихотворения начинается балладный цикл 1832 года, к которому относятся также «Русалка» и «Баллада».

Русалка

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 49–51). Автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 10 об. Копия, совпадающая с автографом, – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 1.

Впервые появилось в «Отеч. записках» (1839, т. 3, № 4, отд. III, стр. 131–132) без даты.

Датируется 1832 годом по нахождению автографа в казанской тетради. В «Стихотворениях М. Лермонтова» 1840 года датировано 1836 годом.

Белинский в своей статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1841) относил «Русалку» к числу «чисто художественных стихотворений Лермонтова, в которых личность поэта исчезает за роскошными видениями явлений жизни». По мнению критика, «эта пьеса покрыта фантастическим колоритом, и по роскоши картин, богатству поэтических образов, художественности отделки составляет собою один из драгоценнейших перлов русской поэзии» (Белинский, 1903, т. 6, стр. 51).

Баллада (Куда так проворно...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), лл. 11 об. – 12. Копия, сделанная Хохряковым и совпадающая с автографом, – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 64, лл. 23–24.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1). Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

Гусар

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 12 об. Копия Хохрякова, совпадающая с автографом (но один стих неполный), – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 64, лл. 27 об. – 28. Копия по тетради И. А. Панафутина – ИРЛИ, оп. 2, № 42, л. 6 об.—8.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

Стихотворения 1833 года

Юнкерская молитва

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моление
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешение
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

Примечания к стихотворениям 1833 года

Юнкерская молитва

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 68, л. 2.

Внизу листка дата – «1833». На обороте листка запись, сделанная рукой П. А. Висковатова, который свидетельствует, что текст стихотворения сохранился у А. П. Шан-Гирея.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано (без отдельных стихов и с вариантами) в воспоминаниях А. Меринского в «Атенее» (1858, ч. 6, № 48, стр. 289).

Датируется 1833 годом на основании пометы на копии и содержания стихотворения.

«Алехин глас» – поэт имеет в виду Алексея Степановича Стунеева, преподавателя Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

В «Записках неизвестного гусара» (А. Ф. Тирана) упоминается о том, что в рукописном журнале «Школьная заря» в числе других произведений Лермонтова была помещена и «Юнкерская молитва». Тиран приводит текст ее, отличающийся от текста копии ИРЛИ и текста, опубликованного в «Атенее» («Звезда», 1936, № 5, стр. 184).

Стихотворения 1833–1834 годов

На серебряные шпоры...

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезжанных коней.

Но с успехом просвещения
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;

В наше время кормят, холят,
Берегут спинную честь...
Прежде били – нынче колют!..
Что же выгодней? – бог весть!..

В рядах стояли безмолвной толпой...

В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга,
Лишь поп полковой бормотал, и порой
Ревела осенняя вьюга.

Кругом кивера над могилой святой
Недвижны в тумане сверкали;
Уланская шапка да меч боевой
На гробе досчатом лежали.
И билось сердце в груди не одно
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы всё, что уж ей отдано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли,
Тоска наши души сжимала;
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, не долго ты жил,
Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе заслужил,
Да вечную память меж нами!

Примечания к стихотворениям 1833–1834 годов

На серебряные шпоры...

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 22 (тетрадь XXI), л. 10 об.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется на основании содержания 1833–1834 годами – временем пребывания Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

В рядах стояли безмолвной толпой...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 4, № 85 («Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Хохрякова), л. 16–16 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 243).

Датируется на основании содержания 1833–1834 годами – временем пребывания Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. По мнению М. Ф. Николевой вызвано смертью юнкера Егора Сиверса, который умер 5 декабря 1835 г. (См. Соч. изд. «Библиотека поэта», Малая серия, т. 1, стр. 393–394). Написано по образцу стихотворения И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура».

Стихотворения 1836 года

Умиравший гладиатор

I see before me the gladiator lie...

Byron.⁵

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь – безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освищенный актер.

И кровь его течет – последние мгновенья
Мелькают, – близок час... вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей играющих – возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой,
Напрасно – жалкий раб, – он пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим, – прости, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд – игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

Еврейская мелодия

(Из Байрона)

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!

Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданиями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти яда полный.

В альбом

(Из Байрона)

Как одинокая гробница
Внимание путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

Великий муж! Здесь нет награды...

Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое название,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «он любил отчизну!»

Примечания к стихотворениям 1836 года

Умиравший гладиатор

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 9–9 об.

Впервые опубликовано, без последних двух строф и с разночтением в одном стихе, в «Отеч. записках» (1842, т. 21, № 4, отд. I, стр. 378). Полностью – в газете «Русь» (1884, № 5, стр. 35–36). В рукописи последние две строфы зачеркнуты неизвестной рукой. Под стихотворением находится дата: «2 февраля 1836 г.». Год и эпиграф к стихотворению вписаны рукой Лермонтова.

Стихотворение, очевидно, было написано в Тарханах, где поэт находился с начала января до середины марта 1836 года.

Эпиграф к стихотворению взят из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд», песнь IV, строфа CX, стих 1. Начало стихотворения является свободным переложением строф CXXXIX–CXLI песни IV байроновской поэмы; при этом Лермонтов значительно усилил и углубил гражданские вольнолюбивые мотивы; конец совершенно самостоятелен по теме и никак не связан с поэмой Байрона.

Еврейская мелодия (Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 61–62).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 4, № 6, отд. III, стр. 80).

В «Стихотворениях М. Лермонтова» 1840 года датировано 1836 годом.

Стихотворение является вольным переводом «My soul is dark» – «Hebrew melodies» («Моя душа темна» «Еврейские мелодии». – *Англ.*) Байрона.

В альбом (Как одинокая гробница...)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 63–64).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1839, т. 4, № 6, отд. III, стр. 81).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1836 годом.

Стихотворение является не вполне точным переводом «Lines written in an album at Malta» («Стихи, писанные в альбом, на Мальте». – *Англ.*) Байрона. К этому произведению Байрона Лермонтов уже обращался в 1830 году (см. стихотворение «В альбом»).

Великий муж! Здесь нет награды...

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 65.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1875, т. 14, № 9, стр. 58).

Большая часть стихотворений, находящихся в тетради Чертковской библиотеки, относится к 1835–1837 годам. Данное стихотворение датируется предположительно 1836 годом.

Текст до нас дошел не полностью; верхняя часть листа, на которой было написано начало стихотворения и где, быть может, было названо имя «великого мужа», оторвана. Высказывались два предположения, взаимно исключающие друг друга, что «великий муж» это или П. Я. Чаадаев (1793–1856; Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 167–169), или М. Б. Барклай де-Толли (1761–1818; И. Андроников. «Лермонтов», М., 1951, стр. 80). Однако и то и другое мнения не находят достаточно четкого подтверждения в тексте стихотворения. В последнее время выдвинуто предположение, что это произведение адресовано П. И. Пестелю или К. Ф. Рылееву («Лит. газета», 1951, № 145, 8 декабря, стр. 3).

Стихотворения 1837 года

Бородино

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут,

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,

И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

Смерть поэта

Погиб поэт! – невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... – он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,

Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?... издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок – они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
И умер он – с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать. —

*

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Ветка Палестины

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,

Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

Узник

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

*

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

*

Одинок я – нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями,
Звучномерными шагами,
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Сосед

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь – а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне умирая посылает,
И опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое жите
Мечтая, стоя засыпает,

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю – и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они – не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь
В груди моей всё оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит – и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

Когда волнуется желтеющая нива...

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студень ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

Молитва

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Расстались мы; но твой портрет...

Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И новым преданный страстям
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!

Я не хочу, чтоб свет узнал...

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..

Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;

И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пусть шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый
И кроме бури да громов
Он никому не вверит думы...

Не смейся над моей пророческой тоскою...

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; – настанет час кровавый,
И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений;
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пусть толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..
Пусть! я им не дорожил.

<Эпиграмма на Н. Кукольника>

В Большом театре я сидел,
Давали Скопина: – я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
Что, братец! жаль! – вот умер и Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился.

<Эпиграмма на Ф. Булгарина, I>

Россию продает Фадей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, детей
И мир земной и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль, заложена в казну.

<Эпиграмма на Ф.Булгарина, II>

Россию продает Фадей
И уж не в первый раз злодей.

Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул как сети...

Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул как сети,
Злой сердцелов! ожидает добычи, рекая в пустыне,
Сухосплетенные мышцы расправил, и корпий
Вынув клоком из чутких ушей, уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим оком,
Зубом верхним о нижний, как уголь черный, щелкая.

Остаться без носу – наш Маккавей боялся...

Остаться без носу – наш Маккавей боялся,
Приехал на воды – и с носом он остался.

<А. Петрову>

Ну что скажу тебе я спросту?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.

Спеша на север из далека...

Спеша на север из далека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье
К престолу вечному аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущельи мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем,

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! – душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

Примечания к стихотворениям 1837 года

Бородино

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840 стр. 33–38).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Современнике» (1837, т. 6, стр. 207–211).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом.

Цензурное разрешение на выпуск 6 тома «Современника» было получено 2 мая 1837 года, стихотворение же было написано Лермонтовым видимо, в январе. Правда, С. А. Раевский в своем показании от 21 февраля 1837 года по поводу стихотворения «Смерть поэта» утверждал, что одновременно со стихами на смерть Пушкина было написано и «Бородино». Но, вероятнее всего, «Бородино» было написано еще до дуэли Пушкина, так как трудно предположить, что два столь различных по тону и настроению произведения могли быть созданы одновременно. В 1837 году исполнялось 25 лет со времени Отечественной войны 1812 года. В связи с этим Лермонтов обращается к одному из наиболее драматических и важных моментов этой войны – к Бородинскому сражению, которому еще в 1831 году посвятил стихотворение «Поле Бородина». На основе этого юношеского произведения Лермонтов создает теперь глубоко народное по форме и содержанию «Бородино». В этом стихотворении отразились размышления поэта о роли народа в великом событии национальной истории, о прошлом и настоящем России. Белинский писал, что основная идея «Бородино» – «жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел... Это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 23).

Смерть Поэта

Стихи печатаются по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 8 (из архива В. Ф. Одоевского). В автографе ГПБ помета рукой Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано». Имеется черновой автограф этих стихов – ЦГЛА, ф.427, оп.1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), лл.67–68. Некоторые стихи печатаются по копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским» – ИРЛИ, оп. 3, № 9, лл. 17–18. Автограф ст. 21–33 в письме А. И. Тургеневу (ЦГЛА).

Автограф последних 16 стихов не известен.

Отдельные стихи исправляются по показаниям А. Меринского в письме к П. А. Ефремову от 3 февраля 1862 года (ИРЛИ, оп. 4, № 25, лл. 134–135); Меринский сообщает, что он посетил Лермонтова в тот день, когда были написаны дополнительно 16 стихов, и тогда же списал их с автографа. (Так же, как у Меринского, эти строки читаются и во многих дошедших до нас списках стихотворения).

Впервые опубликовано под заглавием «На смерть Пушкина» в «Полярной звезде» на 1856 год (Лондон, 1858, кн. 2, стр. 33–35). В России без последних 16 стихов было помещено в «Библиогр. записках» (1858, т. 1, № 20, стлб. 635–636), полностью – в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, 1860, стр. 61–63).

Стих «Есть грозный суд: он ждет» в некоторых изданиях печатался неверно: «Есть грозный судия: он ждет». Это чтение было введено впервые в 1873 году П. А. Ефремовым со ссылкой на Меринского. Однако, в вышеуказанном письме Меринского, сообщившего поправки по автографу к тексту предыдущего издания, этот стих оставлен без изменения.

Для того, чтобы установить наиболее достоверный текст дополнительных 16 стихов, при подготовке настоящего издания были обследованы все доступные списки стихотворения «Смерть поэта». ⁶ Из 23 имеющихся копий семь относятся к 1837 году, причем две из них датированы февралем и мартом 1837 года. Во всех этих копиях, при наличии отдельных разночтений, стих неизменно читается: «Есть грозный суд: он ждет»; ни одной копии, в которой этот стих читался бы так, как у Ефремова, обнаружить не удалось. «Есть грозный суд» печаталось и во всех изданиях стихотворений Лермонтова (кроме изданий П. Ефремова и И. Болдакова) до 1924 года. В настоящем издании восстанавливается это традиционное и наиболее достоверное чтение.

В некоторых списках стихотворения (в том числе и в копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах...») имеется следующий эпиграф:

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Повидимому, эпиграф позднейшего происхождения и присоединен к стихотворению с целью ослабить впечатление политической резкости заключительных стихов.

Эпиграф взят из трагедии французского писателя Ротру «Венцеслав» в переделке А. Жандра (во французском тексте есть аналогичный монолог в V сцене IV акта).

В копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах...», имеется дата «28 января 1837 г.», что не отвечает действительности, так как стихотворение могло быть написано только после смерти Пушкина (Пушкин умер 29 января 1837 года).

Убийство Пушкина вызвало глубокое возмущение среди передовой части русского общества, и стихи Лермонтова, в которых он клеймил убийцу великого поэта и способствовавших подготовке дуэли представителей высшего света, еще в первоначальной редакции (без последних 16 стихов) быстро разошлись по городу в многочисленных списках. И. И. Панаев писал, что «стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1950, стр. 96).

Правительственные круги и реакционная часть светского общества защищали Дантеса и распускали клеветнические слухи о Пушкине. С. А. Раевский писал в своих показаниях, что к больному Лермонтову приехал его двоюродный брат, камер-юнкер Н. А. Столыпин, и, передавая мнения этих кругов, «отзывался о Пушкине невыгодно, говорил, что он себя неприлично вел среди людей большого света, что Дантес обязан был поступить так, как поступил... настаивал, что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что дипломаты свободны от влияния законов, что Дантес и Геккерт, будучи знатные иностранцы, не подлежат ни законам, ни суду русскому...».

В ответ на эти толки Лермонтов и написал дополнительные 16 стихов, которые также быстро разошлись и имели еще больший успех. Политическая острота стихотворения, гневное обличение придворной аристократии вызвало недовольство правительства. И когда Николай I получил копию стихотворения с надписью «Воззвание к революции», против Лермонтова и Раевского, участвовавшего в распространении стихов, было начато дело. 21 февраля 1837 года

они были арестованы. 25 февраля Николай I отдал приказ: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк, и губернского секретаря Раевского выдержать под арестом на гауптвахте один месяц и потом отправить в Олонецкую губернию на службу, по усмотрению тамошнего гражданского губернатора». Таким образом, Лермонтов был сослан на Кавказ в действующую армию.

Ветка Палестины

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 53–55), имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), лл. 5 об. — 6.

Автограф не известен.

Впервые напечатано в Отеч. записках» (1839, т. 3, № 5, отд. III стр. 275–276).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1836 годом. Но по воспоминаниям А. Н. Муравьева это произведение было написано 20 февраля 1837 года на квартире мемуариста. Лермонтов приезжал к Муравьеву в связи с начавшимся следствием по делу о стихотворении «Смерть поэта». «Долго ожидая меня, – пишет Муравьев, – написал он на... листке чудные свои стихи „Ветка Палестины“, которые по внезапному вдохновению у него исторглись в моей образной, при виде палестинских пальм, принесенных мною с Востока...» (А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, стр. 24). В брошюре «Описание предметов древности и святыни, собранных путешественниками по святым местам» (Киев, 1872) А. Н. Муравьев излагает иначе историю создания стихотворения, не связывая ее с событиями 1837 года.

В копии под заглавием было написано: «посвящается А. М-ву» (т. е. А. Муравьеву; это посвящение позже было зачеркнуто). А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях сообщает, что пальмовую ветку Муравьев затем подарил Лермонтову («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 747).

В литературе уже указывалось на сходство этого стихотворения с «Цветком» Пушкина и стихами 312–315 поэмы «Бахчисарайский фонтан» (Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 181–182).

Узник

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 39–41). Имеется черновой автограф карандашом без названия – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 62. Копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 1 об.

Впервые напечатано в «Одесском альманахе» на 1840 год (Одесса, 1839, стр. 567–568).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом. По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, это произведение было написано в феврале 1837 года, когда Лермонтов сидел под арестом за стихотворение «Смерть поэта». «Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажки и спички написал несколько пьес, а именно: „Когда волнуется желтеющая нива“, „Я, мать божия, ныне с молитвою“, „Кто б ни был ты, печальный мой сосед“, и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу“, прибавив к ней последнюю строфу: „Но окно тюрьмы высоко» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 740). После переработки от стихотворения 1832 года «Желание», которое легло в основу «Узника», неизменными остались только первые четыре стиха.

Отдельные части стихотворения в несколько измененном виде бытовали в народно-песенном обиходе еще в начале 20-х годов нашего века.

Сосед (Кто б ни был ты, печальный мой сосед...)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 163–164), где появилось впервые. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 4 об.

Автограф не известен.

Датируется февралем 1837 года на основе датировки в «Стихотворениях» 1840 года и воспоминаний А. П. Шан-Гирея (см. примечание к стихотворению «Узник»).

Когда волнуется желтеющая нива...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 161–162), где появилось впервые. Имеется автограф – ЛБ, М., 8490,1, находящийся на отдельном листе вместе со стихотворением «Ангел», и копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 3 об.

Датируется февралем 1837 года на основе датировки в «Стихотворениях» 1840 года и воспоминаний А. П. Шан-Гирея (см. примечание к стихотворению «Узник»).

Молитва (Я, мать божия, ныне с молитвою...)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 43–44). Беловой автограф под заглавием «Молитва странника» имеется в письме к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 года – ИРЛИ, оп. 1, № 34; существует черновой автограф под тем же заглавием – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 56, и копии ИРЛИ, оп. 1, № 47, л. 1 об. – 2, ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 4, рукой В. Соллогуба, обе тождественны с текстом.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1840, т. 11, № 7, отд. III, стр. 1).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом. По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, это произведение было написано в феврале 1837 года, когда Лермонтов сидел под арестом за стихи на смерть Пушкина («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 740). В копии В. Соллогуба датировано 1836 годом.

Сам Лермонтов писал М. А. Лопухиной: «Посылаю Вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах, оно мне довольно-таки нравится, именно потому, что я совсем его забыл».

Вероятнее всего, «Молитва» была написана перед отъездом на Кавказ, чем и объясняется название стихотворения в автографах («Молитва странника»). Высказывалось предположение, что стихотворение обращено к В. А. Лопухиной (Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 187, и Соч. малой серии Библиотеки поэта, т. 1, стр. 403); но это предположение нельзя считать окончательно доказанным.

Расстались мы, но твой портрет...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 165), где появилось впервые. Имеется черновой автограф – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 56.

Копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 5.

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом.

Является переработкой более раннего произведения – «Я не люблю тебя; страстей» (1831); от первоначальной редакции неизменными остались только последние два стиха.

Я не хочу, чтоб свет узнал...

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 64.

Впервые с неточностями опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 94–95), где некоторые стихи изъяты, очевидно, цензурой.

Датируется предположительно 1837 годом, так как на обороте писано стихотворение «Не смейся над моей пророческой тоскою».

Не смейся над моей пророческой тоскою...

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 64 об.

Впервые опубликовано, без последней строки, в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2, стр. 153). В стихе «С твоей груди на плаху перейдет» цензурой было исключено слово «плаха».

Датируется предположительно 1837 годом по содержанию: слова «удар судьбы», видимо, являются намеком на преследования со стороны правительства в связи с распространением стихов «Смерть поэта». Положение стихотворения в тетради поддерживает эту датировку. Некоторые стихи совпадают со стихотворением – «Когда твой друг с пророческой тоскою».

<Эпиграмма на Н. Кукольника>

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 56 об. Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1875, т. 14, № 9, стр. 59).

Датируется предположительно 1837 годом, так как на этом же листе написаны стихотворения «Молитва странника» и «Расстались мы», относящиеся к этому времени.

Н. В. Кукольник (1809–1868) – автор ряда псевдо-патриотических реакционных исторических драм. Его пьеса «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» была поставлена впервые на сцене Александрийского театра 14 января 1835 года, а 23 января – на сцене Большого театра. Драма не пользовалась успехом. В 1837 году, до отъезда Лермонтова на Кавказ, драма «Скопин-Шуйский» шла дважды – 20 января и 19 февраля.

<Эпиграммы на Ф. Булгарина, I–II> (Россию продает Фадей...)

Печатаются по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 10 (из бумаг Е. П. Ростопчиной) на одном листке с двумя следующими эпиграммами.

Впервые опубликованы в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 359). Датируются летом 1837 года, так как находятся на одном листке с эпиграммой «Се Маккавей», написанной в то же время. Эпиграммы направлены против Ф. В. Булгарина (1789–1859). Как раз к началу 1837 года вышли в свет под именем Булгарина три части книги «Россия в историческом, статистическом и литературном отношениях...» (в действительности автором книги был Н. А. Иванов). Книга не имела сбыта.

Первая строка имеет двойной смысл и содержит намек не только на книгу Булгарина, но и на антипатриотический характер его деятельности, и его измену во время войны 1812 года (Булгарин служил в армии Наполеона).

В некоторых стихах разоблачается связь Булгарина с III отделением.

Се Маккавей-водопийца...

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 10 (из бумаг Е. П. Ростопчиной). См. примечание к «Эпиграммам на Ф. Булгарина».

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 359).

Датируется летом 1837 года по содержанию (речь идет о Кавказских водах; см. следующую эпиграмму).

Адресат этой и следующей эпиграмм не установлен. Высказывалось предположение, что это мог быть либо А. Л. Элькан, третьестепенный литератор, агент III отделения, либо другой сотрудник этого отделения – Н. И. Тарасенко-Отрешков («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 366–367).

Остаться без носу – наш Маккавей боялся...

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 10 (из бумаг Е. П. Ростопчиной). См. примечание к «Эпиграммам на Ф. Булгарина».

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 359).

Датируется летом 1837 года (см. примечание к предыдущему стихотворению.).

<А. Петрову>

Печатается по «Русск. архиву» (1867, № 7, стлб. 1175).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано, с неверным чтением 1 и 2 стихов и под заглавием «Ребенку», в «Русск. архиве» (1864, № 10, стлб. 1088). В иной редакции было помещено в «Литературном сборнике» (Кострома, 1928, стр. 7).

Датируется 1837 годом на основании воспоминаний А. П. Петрова.

В «Русском архиве» 1864 года стихотворение сопровождалось следующим примечанием: «Продиктовано А. П. Петровым Г. П. Данилевскому в 1846 г. в Москве. — Семейство г. Петрова было коротко знакомо с Лермонтовым на Кавказе».

Печатаемая в 1867 году исправленная версия текста, А. П. Петров писал: «Случайно прочел я (в „Русском архиве“, 1864, изд. 2-е) четверостишие, которое покойный М. Ю. Лермонтов написал мне в альбом в 1837 году. Так как две первые строчки этого экспромта переданы Г. П. Данилевским не совсем точно, то я и полагаю не лишним сообщить небольшое стихотворение это в том виде, как оно было написано автором... Михаил Юрьевич был не только хорошим нашим знакомым, как говорит г. Данилевский, но и родственником: его родная бабка по матери (Елис. Алексеев. Арсеньева) и моя родная бабка по матери же (Екат. Алекс. Хастатова) были родные сестры. В 1837 году, во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича; ежедневно навещая в это время отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой» («Русск. архив», 1867, № 7, стлб. 1175).

В 1837 году А. П. Петрову было 12 лет. К его отцу, генералу П. И. Петрову, Лермонтов, судя по письмам поэта и к самому Петрову (от 1 февраля 1838 года) и к бабушке (от 18 июня 1837 года), относился с уважением и симпатией. В свою очередь и семейство Петровых, видимо, ценило и любило молодого поэта.

Спеша на север из далека...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 44.

Впервые опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 93–94) с ошибками и цензурными пропусками в некоторых стихах и под заглавием «Казбеку».

Датируется концом 1837 года, когда Лермонтов возвращался из ссылки в Петербург.

Послание

Впервые опубликовано в 1964 г. в книге И. Л. Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки» (с. 236). Печатается по автографу из альбома А. М. Верещагиной, хранящегося в Вартхаузене в архиве семьи фон Кениг (ФРГ).

Относится, так же как две другие записи Лермонтова в указанном альбоме — «стихотворение» (на ломаном русском языке) слуги Лопухиных Ахилла «На смерть Пушкина» и начало баллады «Югельский барон» — к 1837 г.; написано, по-видимому, в марте—апреле.

Адресовано Е. А. Сушковой. «Послание» — насмешливая реплика поэта на выписки Сушковой из св. Августина, сделанные в этом же альбоме на странице голубого цвета.

Стихотворения 1838 года

<К М. И. Цейдлеру>

Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной *сталью*
Мысли юноши полны.

<К портрету старого гусара>

Смотрите, как летит, отвагою пылая...
Порой обманчива бывает седина:
Так мхом покрытая бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина.

<К Н. И. Бухарову>

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов,
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья;
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя,
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

Кинжал

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, – то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Гляжу на будущность с боязнью...

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И как преступник перед казнью
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать – что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Слышу ли голос твой...

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

Как небеса твой взор блистает...

Как небеса твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй звучит и тает
Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;

И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет,
И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.

Она поет – и звуки тают...

Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,

Глядит – и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли – все ее движенья,
Иль молвит слово – все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

Дума

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью – презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты – его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,

Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

<А. Г. Хомутовой>

Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильнее.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.

И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить как тайной
Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Всё, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

Вид гор из степей Козлова

Пилигрим

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;

Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет всё небо озарил:
То не пожар ли Царяграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?

Мирза

Там был я, там, со дня создания,
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдаг был...

Пилигрим

А!..

Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал, —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком

На холодном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

—

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык, —
Нас тешат блески и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

Примечания к стихотворениям 1838 года

<К М. И. Цейдлеру> (Русский немец белокурый...)

Печатается по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 23), где было помещено под заглавием «М.И.Ц.».

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Атенее» (1858, т. 6, № 48, стр. 303).

В «Библиогр. записках» этот экспромт был напечатан по тетради стихотворений Лермонтова, «списанных с собственноручных бумаг поэта и сообщенных Львом Ивановичем Арнольди покойной графине Е. П. Ростопчиной» («Библиогр. записки», 1859, т. 2, № 1, стлб. 19–20).

Датируется 3 марта 1838 года на основании воспоминаний Цейдлера.

М. И. Цейдлер (1816–1892) – товарищ Лермонтова по Юнкерской школе, служил в лейб-гвардии Гродненском полку, куда по возвращении из ссылки на Кавказ был переведен Лермонтов. К моменту прибытия Лермонтова в полк (26 февраля 1838 года) Цейдлер уже был откомандирован на Кавказ, и 3 марта Лермонтов вместе с другими товарищами провожал его. В этот вечер и было написано данное стихотворение. Рассказывая об этом, Цейдлер добавляет: «Экспромт этот имел для меня и отчасти для наших товарищей особенное значение, заключаая в конце некоторую, понятную только нам игру слов» («Русск. вестник, 1888, № 9, стр. 126). Эта игра была основана на двойном значении слова „сталь“ – Цейдлер был влюблен в жену командира дивизиона, полковника Стааль фон Гольштейн – Софью Николаевну.

<К портрету старого гусара> (Смотрите, как летит, отвагою пылая...)

Печатается по «Отеч. запискам» (1843, т. 31, № 11, отд. I, стр. 193), где было опубликовано впервые. Имеется копия ИРЛИ (оп. 1, № 44, отдельный листок).

Копия находится под рисунком А. Долгорукого, изображающим Н. И. Бухарова верхом на коне. Датируется 1838 годом на основе пометы под текстом: «Рис. К<нязь> Долгорукий 2, 1838», сделанной, как и подпись «Лермонтов», рукой поэта.

Николай Иванович Бухаров (1799–1862) – полковник лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил вместе с Лермонтовым. По воспоминаниям кн. А. В. Мещерского, это был «настоящий тип старого гусара прежнего времени, так верно и неподражаемо описанного Денисом Давыдовым в его известном стихотворении... Вечно добродушный собутыльник, дорогой и добрейший товарищ, он был любим всеми офицерами полка» («Русск. архив», 1900, № 12, стр. 614).

Кн. Александр Николаевич Долгорукий (1819–1842) – товарищ Лермонтова по полку.

<К Н. И. Бухарову> (Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...)

Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 195, оп. 1, № 5083, л. 148 (отдельный листок).

В автографе помета неизвестной рукой: «Отдано в Молодик». На оборотной стороне листа рисунок пером, изображающий, видимо, Бухарова (военный курит трубку с длинным чубуком). Впервые опубликовано в украинском литературном сборнике «Молодик» на 1844 год (СПб., 1844, стр. 9), под заглавием «К Бухарову», с делением на строфы и с ошибкой в стихе 6.

Датируется 1838 годом по аналогии с предыдущим стихотворением.

Некоторые стихи почти буквально совпадают с отдельными стихами стихотворения «К портрету старого гусара».

Кинжал

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 16, № 6, отд. III, стр. 234), где появилось впервые.

Имеется черновой автограф – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 43 об. Копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 17. Стих «Как сталь твоя при трепетном огне» исправляется по автографу.

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с посвящением к «Казначейше», написанным, видимо, в начале этого года. Эта датировка подтверждается и содержанием стихотворения.

В копии первоначальное заглавие стихотворения «Подарок» зачеркнуто и заменено названием «Кинжал».

В литературе уже отмечалась общность темы и образов данного стихотворения с одноименным стихотворением Пушкина (Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 192–193).

Гляжу на будущность с боязнью...

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 43.

Впервые опубликовано с некоторыми искажениями в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 95).

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с посвящением к «Казначейше», написанным, видимо, в начале этого года.

Слышу ли голос твой...

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 46 об.

Впервые с опечатками опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 92) под заглавием «Неотделанное стихотворение».

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с записью: «Я в Тифлисе...», относящейся, очевидно, к 1838 году.

Как небеса твой взор блистает...

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 63.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 22–23).

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с черновыми набросками последних строф «Казначейши», написанными, вероятно, в начале этого года.

Она поет – в звуки тают...

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 43 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 23).

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с посвящением к «Казначейше», написанным, видимо, в начале этого года.

Стихи 5–8 являются переделкой стихов 9–12 стихотворения 1832 года «Она не гордой красотою».

Дума

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 45–48).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. I, № 2, отд. III, стр. 148–149).

Стихи 11–12, пропущенные по цензурным условиям и в «Стихотворениях» и в «Отеч. записках», воспроизводятся: стих 11 – по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 12, стлб. 373), стих 12 – по «Стихотворениям М. Ю. Лермонтова, не вошедшим в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 124).

В «Стихотворениях» 1840 года датируется 1838 годом.

Некоторые стихи восходят к стихам стихотворения 1832 года «Он был рожден для счастья, для надежд, отдельные стихи повторяют тему, а отчасти и образы некоторых стихов стихотворения 1829 года „Монолог“ („Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете“).

В этом стихотворении выражены раздумия Лермонтова о судьбе своего поколения, его мысли о положении лучших представителей современного общества в условиях николаевской реакции. Именно как выражение дум и настроений передовой молодежи 30-х годов это

стихотворение и было воспринято читателями. Белинский высоко оценил и художественные достоинства и идейное содержание «Думы». Наряду с «алмазною крепостию стиха, громовою силою бурного одушевления, исполинскою энергиею благородного негодования и глубокой грусти», великий критик отмечал, что в этом стихотворении люди «нового поколения» найдут разгадку «собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней...» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 39, 40).

<А. Г. Хомутовой> (Слепец, страданием вдохновенный...)

Печатается по украинскому литературному сборнику «Молодик» на 1844 год (СПб., 1844, стр. 10), где опубликовано (без заглавия) впервые. Автограф находится в Берлинской гос. библиотеке в портфелях Фарнгагена фон Энзе («Русск. старина», 1893, № 4, стр. 59) с пометой рукой П. А. Вяземского: «Lermontoff».

Под заглавием «А. Г. Хомутовой» было перепечатано в «Русск. архиве» (1867, № 7, стлб. 1051). Датируется предположительно 1838 годом.

Анна Григорьевна Хомутова (1784–1856) – двоюродная сестра поэта И. И. Козлова (1779–1840), любившая его. Расставшись после 1812 года, они встретились только в 1838 году, когда Козлов был уже тяжело болен и слеп. Эта встреча произвела на Козлова сильное впечатление, и он посвятил Хомутовой стихотворение «К другу весны моей после долгой, долгой разлуки». В 1838 году Лермонтов служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, которым командовал брат А. Г. Хомутовой – М. Г. Хомутов. По словам племянника Хомутовой, А. С. Хомутова, поэт «часто посещал командира полка. А. Г. Хомутова показала Лермонтову стихи Козлова, он попросил позволения взять их с собой и на другой день возвратил их со своими стихами на имя Хомутовой» («Русск. архив», 1886, № 2, стр. 198).

Вид гор из степей Козлова

Печатается по литературному сборнику «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2, стр. 153–154), где было опубликовано впервые. Строка «Вот свет все небо озарил» исправляется по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 21).

Автограф не известен.

Датируется первой половиной 1838 года на основании воспоминаний Л. И. Арнольди, который писал, что офицер Краснокутский сделал для Лермонтова подстрочный перевод стансов Мицкевича, и «Лермонтов тогда же облек их в стихотворную форму» («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 464). Это показание Арнольди поддерживается словами Ю. Ельца, что «Лермонтов написал „Стансы» Мицкевича, переведенные ему польским корнетом Краснокутским», жившим с ним на одной квартире (Ю. Елец. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. 1. 1890, стр. 206, 255). В Гродненском гусарском полку Лермонтов служил с 26 февраля по конец апреля 1838 года; в этот период и было написано данное произведение. Оно действительно является вольным переводом одноименного стихотворения Мицкевича из цикла «Крымских сонетов».

Козлов – старинное название Евпатории.

Поэт

Печатается по «Отеч. запискам» (1839, т. 2, № 3, отд. III, стр. 163–164), где появилось впервые. Имеется черновой автограф с карандашными поправками – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 61.

Датируется по содержанию 1838 годом. Кроме того, эта датировка подтверждается и тем, что цензурное разрешение на выпуск «Отеч. записок» было получено уже 1 февраля 1839 года.

«Ma cousine»

Впервые опубликовано в 1964 г. в книге И. Л. Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки» (с. 219).

Автограф – приписка поэта к письму Елизаветы Аркадьевны Верещагиной от 16–18 ноября ст. ст. 1838 г. из Петербурга в Штутгарт к дочери Александре Михайловне Верещагиной – «кузине» Лермонтова. Рядом с текстом Лермонтов изобразил фигурку коленопреклоненного человечка, умоляющего о прощении.

Стихотворения 1839 года

Ребенка милого рожденье...

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим.
Пуškai не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пуškai глядит он без упрёка
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пуškai не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

<А. А. Олениной>

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень.
И что сказать не знаю,
А мне кричат: «Plus vite!»⁷
Я счастья вам желаю
Et je vous félicite.⁸

7

8

Не верь себе

*Que nous font apr#232;s tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?*
A. Barbier.⁹

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья...
Оно – тяжелый бред души твоей больной,
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи:
– То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой,
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На чт#243; нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,

До преждевременных добравшийся морщин
Без преступления иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным...

Три пальмы

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,

И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —

И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Дары Терека

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косою.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косою размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

Памяти а. И. О<доевско>го

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнания
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мнения,
И думы, – всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит;
Куда они? зачем? откуда? – кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадёжной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда? Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вокруг твоей могилы неизвестной,
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

На буйном пиршестве задумчив он сидел...

На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел.

И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей
Его слова пророчески звучали.

<Э. К. Мусиной-Пушкиной>

Графиня Эмилия —
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

Примечания к стихотворениям 1839 года

Ребенка милого рожденье...

Печатается по Соч. изд. Академической библиотеки (т. 4, 1911, стр. 335), где письмо к А. А. Лопухину, в котором находится это стихотворение, воспроизводилось по автографу (из собрания барона Д. Г. Гинзбурга). В данное время местонахождение автографа не известно. Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. 1, стр. 342).

Датируется февралем 1839 года, так как написано по поводу рождения сына Александра у А. А. Лопухина, друга и родственника Лермонтова. Александр Лопухин родился 13 февраля 1839 года.

<А. А. Олениной> (Ах! Анна Алексевна...)

Печатается по копии — ГПБ, архив А. Н. Оленина, № 912. Имеется также копия в ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 2, л. 1.

Публикуется впервые.

Копия сделана рукой старшей сестры А. А. Олениной, Варвары, и имеет приписку: «Приветствие больного гусарского офицера и поэта г. Лермантова Анне Алексеевне Олениной в ее альбом 1839 года». В копии ЦГЛА эта приписка дополнена словами: «В день ее рождения».

Следовательно, стихотворение было написано Лермонтовым 11 августа (день рождения А. А. Олениной) 1839 года.

Анна Алексеевна Оленина (1808–1888) – дочь директора Публичной библиотеки и президента Академии Художеств А. Н. Оленина. В доме своего отца она встречалась с крупнейшими деятелями русской культуры первой половины XIX века. Поэты (Пушкин, Крылов, Гнедич, Козлов, Веневитинов и др.) посвящали ей свои стихотворения. В 1840 году А. А. Оленина вышла замуж за Ф. А. Андро де Ланжерона, полковника лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил Лермонтов.

Не верь себе...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 57–60).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 3, № 5, отд. III, стр. 277–278).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1839 годом.

Эпиграф взят из «Пролога» к «Ямбам» Огюста Барбье. Но Лермонтов изменил стих 1, поставив вместо «Que me font» – «Que nous font» («Какое мне дело» – «Какое нам дело». – *Франц.*)

Три пальмы

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 65–70).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 5, № 8, отд. III, стр. 168–170).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1839 годом, написано до 14 августа (цензурное разрешение на выпуск т. 5 «Отеч. записок»). Следовательно, стихотворение было написано в первой половине 1839 года.

Белинский с восторгом отзывался об этом стихотворении и писал, что «пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок – сливаются в этой пьесе поэзию с живописью» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 51).

Молитва (В минуту жизни трудную...)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 71–72).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 6, № 11, отд. III, стр. 272).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1839 годом.

А. О. Смирнова-Россет (Автобиография. «Мир», 1931, стр. 247) рассказывает, что эти стихи Лермонтов написал для М. А. Щербатовой.

Дары Терека

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 73–77).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 7, № 12, отд. III, стр. 1–3).

В «Стихотворениях» 1840 года датируется 1839 годом.

В этом стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с народными казачьими песнями о Тереке. Не придерживаясь строго какого-либо одного из фольклорных источников, Лермонтов сумел понять и передать в своем стихотворении дух и стиль песен и сказов гребенских казаков. Белинский писал, что в этом стихотворении Лермонтов «создал апотеоз Кавказа, дав ему индивидуальную личность, поэтически олицетворив Каспий и Терек» (Белинский, т. 13, 1948, стр. 50).

Памяти А. И. О<доевско>го

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 79–84). Имеется черновой автограф – ГИМ, ф. 445, № 227а, (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 54 и 55 об.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 7, № 12, отд. III, стр. 209–210) под тем же заглавием, как и в «Стихотворениях» 1840 года – «Памяти А. И. О—го».

Стих «И свет не пощадил – и бог не спас», в котором в печатном тексте, вероятно, под воздействием цензуры слово «бог» было заменено словом «рок», – исправляем по автографу. В «Стихотворениях» 1840 года датируется 1839 годом; написано было, видимо, осенью 1839 года, когда Лермонтов узнал о смерти Одоевского.

Поэт Александр Иванович Одоевский (1802–1839) принадлежал к Северному обществу декабристов. После восстания 14 декабря 1825 года был приговорен к 12 годам каторги. Вместе с другими декабристами отбывал заключение в Читинском остроге и на Петровском заводе, затем был сослан в Сибирь на поселение, а в 1837 году переведен в Нижегородский драгунский полк, стоявший на Кавказе. В этот же полк был сослан и Лермонтов после следствия по делу о стихах на смерть Пушкина. На Кавказе Лермонтов познакомился со многими сосланными туда декабристами, но особенно сблизился с Одоевским. В 1839 году, 15 августа, Одоевский умер. Некоторые стихи этого стихотворения совпадают со стихами стихотворения «Когда твой друг с пророческой тоскою» и стихами стихотворения 1832 года «Он был рожден для счастья, для надежд».

Строфы III и IV этого стихотворения в несколько отличной редакции вошли в поэму «Сашка».

На буйном пиршестве задумчив он сидел...

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 55.

Впервые опубликованы две первые строфы под заглавием «Отрывок» с опечаткой в стихе 2 в «Современнике» (1854, т. 43, № 1, отд. I, стр. 8). В 1857 году было напечатано с третьей строфой (зачеркнутой в автографе) под заглавием «Казот» тоже в «Современнике» (т. 65, № 10, отд. I, стр. 189).

Датируется 1839 годом, так как написано на одном листке со стихотворением «Э. К. Мусиной-Пушкиной» и окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го».

Ж. Казот (1719–1792) – французский писатель, монархист, казненный в 1792 году. В «Посмертных сочинениях» Лагарпа в 1806 г. был напечатан вымышленный рассказ последнего о том, что в начале 1788 года на банте Казот предсказал Французскую революцию и судьбу присутствовавших на вечере гостей. Этот рассказ и лег в основу данного стихотворения.

<Э. К. Мусиной-Пушкиной> (Графиня Эмилия...)

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 55.

Впервые опубликовано в «Русск. вестнике» (1860, т. 26, № 4, кн. 2, стр. 387).

Датируется 1839 годом по положению в тетради.

Стихотворение обращено к графине Эмили Карловне Мусиной-Пушкиной (урожденной Шернваль, 1810–1846). А. В. Мещерский писал, что «обе сестрицы Шернваль были замечательной красоты. Эмилия Карловна и Аврора Карловна, хотя и принадлежали к небогатому дворянскому семейству в Финляндии, но получили хорошее образование» («Русск. архив», 1900, № 12, стр. 609).

Стихотворения 1840 года

Как часто, пестрою толпою окружен...

1-е Января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник н#233;званную гостью,

О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

И скучно и грустно...

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят – все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка...

Посреди небесных тел...

Посреди небесных тел
Лик луны туманный:
Как он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной.

Каждую ночь она в лучах.
Путь проходит млечный:
Видно, там, на небесах,
Масленица вечно!

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;

Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

<М. А. Щербатовой>

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит,
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

Есть речи – значение...

Есть речи – значение
Темно иль ничтожно,

Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав его, я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Журналист, читатель и писатель

*Les poëtes ressemblent aux ours,
qui se nourrissent en suçant leur patte.
In dit.¹⁰*

(Комната писателя; опущенные шторы.
Он сидит в больших креслах перед камином.
Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину.
Журналист входит.)

Журналист

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато, какая благодать,

Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединеньи
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, чт'вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К N. N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Читатель

И я скажу – нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перчаток...
Читаешь – сотни опечаток!
Стихи – такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом – сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? перевод
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То верно над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?

А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положение!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И всё зачем? чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадетесь как-нибудь
Живое, свежее творенье!

Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Журналист

Всё это так, — да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко, без сознанья,
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,

И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно черных
И ложно радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать...
Скажите ж мне, о чем писать?

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

Воздушный корабль

(Из Зейдлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,

На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,

Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

Соседка

Не дожидаться мне видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высокó над землей!
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно

Да с двойною решоткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь – отворится клетка,
И как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Пленный рыцарь

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцырь железный.

В каменный панцырь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время – мой конь неизменный,
Шлема забрало – решотка бойницы,
Каменный панцырь – высокие стены,
Щит мой – чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой броней мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

<М. П. Соломирской>

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно-памятный привет.

Отчего

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезам и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

Благодарность

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Из Гёте

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Ребенку

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! – Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? – Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне. К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...

Но мне ты всё поверь. Когда в вечерний час
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменье креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, – скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? – звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его, – ребяческие дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!

А. О. Смирновой

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас – хочу сказать вам много,
При вас – я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? – речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

К портрету

Как мальчик кудрявый резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле – и радость и горе.

В глазах – как на небе светло,
В душе ее т#235;мно, как в море!

То истиной дышит в ней всё,
То всё в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

Тучи

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Валерик

Я к вам пишу случайно; право
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? – ничего!
Что помню вас? – но, боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить

Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых потому, что много,
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаяньи бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказание?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве,
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеса нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине

В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу – дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик – и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж сплела,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, выучить? – что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли – Дай огниво! —
Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке – два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет – где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. – Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,

Мы любовались на них,
Без кроважадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Раз – это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удалцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстился облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов <вы>носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо – там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но <в> этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...

Ура – и смолкло. – Вон кинжалы,
В приклады! – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
Спасите, братцы. – Тащат в горы.
Постойте – ранен генерал...
Не слышат... Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый
Им вслед смотрел <я> недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,

Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому название?
Он отвечал мне: *Валерик*,
А перевесь на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми.
– А сколько их дралось примерно
Сегодня? – Тысяч до семи.
– А много горцы потеряли?
– Как знать? – зачем вы не считали!
Да! будет, кто-то тут сказал,
Им в память этот день кровавый!
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

Завещание

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит!

Примечания к стихотворениям 1840 года

Как часто, пестрою толпою окружен...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 85–88).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 8, № 1, отд. III, стр. 140).

В обоих изданиях перед стихотворением стоит дата «1 января»; в «Стихотворениях» датировано 1840 годом.

Это стихотворение было написано в связи с новогодним балом-маскарадом в Дворянском собрании, на котором был и Лермонтов. И. С. Тургенев, также присутствовавший на этом балу, вспоминал, что «на бале Дворянского собрания ему (Лермонтову, – *Ред.*) не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки, одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

„Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских —
Давно бестрепетные руки...» и т. д.».

(И. С. Тургенев, Собр. соч., т. 10, 1949, стр. 248–249).

И скучно и грустно...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 109–110). Имеется черновой автограф – ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), л. 66.

Впервые напечатано в «Лит. газете» (1840, № 6, стлб. 133).

Датируется январем 1840 года, так как 20 января стихотворение уже появилось в «Лит. газете». В «Стихотворениях» отнесено к 1840 году.

Раскрывая общественный смысл этого стихотворения, Белинский писал: «„И скучно и грустно“ из всех пьес Лермонтова обратила на себя особенную неприязнь старого поколения. Станные люди! им все кажется, что поэзия должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тешить побрякушками, а не греметь правдою» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 45).

Посреди небесных тел...

Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), л. 66. Другой автограф (карандашный набросок, не законченный и зачеркнутый) – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 35 (архив П. А. Вяземского), л. 10.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1858, т. 1, № 20, стлб. 634–635).

Датировалось ранее без достаточных оснований 1833–1834 годами. Автограф стихотворения находится на том же листке, что «И скучно и грустно»; поэтому можно его отнести к 1840 г.

Казачья колыбельная песня

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 89–92).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 8, № 2, отд. III, стр. 245–246).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1840 годом.

По поводу этого стихотворения среди гребенских казаков существовала легенда, что Лермонтов после битвы при Валерике в станице Червленной услышал, как казачка пела над колыбелью ребенка, и под впечатлением ее песни написал свою (см.: Леонид Семенов. «Лермонтов и Толстой», 1914, стр. 119). Это опровергается тем, что стихотворение появилось в печати в феврале, а битва при Валерике была в июле.

Белинский высоко оценил «Казачью колыбельную песню» и писал о ней: «Ее идея – мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее: его мать – казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта. Это стихотворение есть художественная апофеоза матери» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 52). «Казачья колыбельная песня» прочно вошла в народный обиход.

<М. А. Щербатовой> (На светские цепи...)

Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 48. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10 об.

Впервые, с ошибкой во 2 стихе, опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 20, № 1, отд. I, стр. 126), где датировано 1840 годом.

В своих воспоминаниях А. П. Шан-Гирей писал: «Зимой 1839 г. Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса „На светские цепи“). Мне ни разу не случилось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 747–748). То же рассказывала Е. А. Сушкова М. И. Семевскому: «Прелестное стихотворение „На светские цепи“... написано княгине Марии Алексеевне Щербатовой, рожденной Штерич, красавице и весьма образованной женщине» («Записки» Сушковой, 1928).

Есть речи – значенье...

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 14, № 1, отд. III, стр. 2), где появилось впервые. Имеется совпадающий по тексту автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 20.

В 1846 году в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (кн. 2, стр. 168) была опубликована другая редакция стихотворения под заглавием «Волшебные звуки».

Датируется 1840 годом, так как цензурное разрешение на выпуск в свет тома 14 «Отеч. записок» было получено 1 января 1841 года.

И. И. Панаев рассказывает в своих воспоминаниях о том, как Лермонтов привез это стихотворение А. А. Краевскому (И. И. Панаев. Воспоминания. ГИХЛ, 1950, стр. 134–135).

Журналист, читатель и писатель

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 93–102). Имеется беловой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), лл. 11–12 об. и копия рукой В. А. Соллогуба – ИРЛИ, оп. 2, № 62.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1840, т. 9, № 4, отд. III, стр. 307–310). В тексте журнала допущена опечатка, перешедшая в «Стихотворения», в стихе 84: «светлое» вместо «свежее». Исправлено по автографу.

В автографе помета: «Печатать позволяется. С.-Петербург, 19 марта 1859 года. Цензор И. Гончаров».

Датируется 20 марта 1840 года, так как в копии рукой Соллогуба написано: «С.-Петербург. 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной гауптвахте». В «Стихотворениях» также датировано 1840 годом.

Эпиграф принадлежит, очевидно, самому Лермонтову.

Стихотворение было литературно-общественной декларацией Лермонтова, в нем выразилось отношение Лермонтова к журнальной полемике 1839–1840 годов и оценка им реакционной критики булгаринского толка. В образе «журналиста» Лермонтов, возможно, изобразил Н. А. Полевого, ставшего в это время на охранительные позиции («Лит. наследство», т. 43–44, 1941, стр. 761–762).

В. Г. Белинский дал восторженную оценку этому стихотворению: «Разговорный язык этой пьесы – верх совершенства; резкость суждений, тонкая и едкая насмешка, оригинальность и поразительная верность взглядов и замечаний – изумительны. Исповедь поэта, которою оканчивается пьеса, блесит слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородною» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 47).

Воздушный корабль

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 103–107).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 10, № 5, отд. III, стр. 1–3).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом. Но можно датировать более точно – мартом 1840 года, так как В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину от 15 марта 1840 года писал, что Лермонтов, которого он навел под арестом в ордонанс-гаузе, «читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает» (В. Г. Белинский, Письма, т. 2, СПб., 1914, стр. 93).

Сюжетная основа стихотворения восходит к балладе австрийского поэта-романтика Цейдлица – «Geisterschiff» («Корабль призраков»). Но Лермонтов далеко отошел от немецкого оригинала и не только изменил заглавие и порядок изложения, но и внес совершенно иной идейный смысл. В балладе Цейдлица его заинтересовал сюжет, позволявший ему воплотить свой оригинальный творческий замысел. Самая тема Наполеона давно привлекала внимание Лермонтова, см. стихотворения: 1829 года – «Наполеон», («Где бьет волна о брег высокой»), 1830 года – «Наполеон» («В неверный час») и «Эпитафия Наполеону»), 1831 года – «Св. Елена»).

Соседка

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 19.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 20, № 2, отд. I, стр. 127–128).

Датируется мартом – апрелем 1840 года, на основании воспоминаний А. П. Шан-Гирея, который указывал, что стихотворение было написано в ордонанс-гаузе, где Лермонтов сидел под арестом за дуэль с сыном французского посланника де Барантом.

Шан-Гирей писал, что «соседка» Лермонтова действительно существовала, но «была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 749).

П. А. Висковатов передает, что «Соллогуб видел даже изображение этой девушки, нарисованное Лермонтовым, с подписью „la jolie fille de sous-officier» («„хорошенькая дочь унтер-офицера“. – Франц.) (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 330).

Стихотворение проникло в тюремную и ссыльно-поселенческую среду, где бытовало в качестве песни.

Пленный рыцарь

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 17, № 8, отд. III, стр. 268), где появилось впервые.

Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 18.

Датируется предположительно апрелем 1840 года, когда Лермонтов сидел под арестом за дуэль с сыном французского посланника де Барантом.

<М. П. Соломирской> (Над бездной адскою блуждая...)

Печатается по «Отеч. запискам» (1842, т. 24, № 10, отд. I, стр. 320), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен. Имеется копия без разночтений – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 62 (принадлежала В. В. Стасову).

Датируется предположительно, по содержанию, весной 1840 года, когда Лермонтов сидел под арестом за дуэль с де Барантом.

Относится к Марье Петровне Соломирской (1811–1859), жене Владимира Дмитриевича Соломирского, брат которого в 1837 году командовал лейб-гвардии гусарским полком. В 1839–

1840 годах Лермонтов встречался с ней в свете. Сидя под арестом, он, очевидно, получил от Соломирской какую-то дружескую записку.

Отчего

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 115–116).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 10, № 6, отд. III, стр. 280).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом.

Предполагается, что стихотворение посвящено М. А. Щербатовой (см. Соч. изд. Academia, т. 2, стр. 218). О М. А. Щербатовой см. примечание к стихотворению «На светские цепи».

Благодарность

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 117–118). Имеется беловой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 13.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 10, № 6, отд. III, стр. 290).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом.

Из Гёте

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 119–120).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 11, № 7, отд. III, стр. 1).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом. По воспоминаниям А. Н. Струговщикова, стихотворение было написано в конце ноября 1840 года, когда автор воспоминаний встретил Лермонтова у В. А. Соллогуба: «На вопрос его <Лермонтова>: не перевел ли я „Молитву путника“ Гёте? я отвечал, что с первой половиной сладил, а во второй – недостает мне ее певучести и неуловимого ритма, „А я, напротив, мог только вторую половину перевести», сказал Лермонтов и тут же, по просьбе моей, набросал мне на клочке бумаги свои „Горные вершины» («Русск. старина», 1874, № 4, стр. 712). Однако Струговщиков несомненно ошибся: в ноябре 1840 года Лермонтов был уже на Кавказе.

Данное произведение является вольным переложением стихотворения Гёте «Über allen Gipfeln» («Wanderers Nachtlied», «Над всеми вершинами» – «Ночная песнь странника». – Нем.).

Ребенку

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 111–114). Имеется автограф на отдельном листке – ИРЛИ, оп. I, № 47.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 12, № 9, отд. III, стр. 1–2).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом. В автографе рукой В. А. Соллогуба поставлена дата: «1838 г.».

Адресат не установлен. Высказывалось предположение, что стихотворение относится к дочери В. А. Лопухиной – Бахметевой (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 291). Однако этому противоречит текст стихотворения, в котором речь идет о ребенке-мальчике («Ты на нее похож», «Ты повторял за ней»). Недостаточно обосновано и мнение, что стихотворение могло быть обращено «к сыну генерала Г. (т. е. Граббе. – Ред.), убитому в последнюю войну с турками» (Соч. под ред. Ефремова, т. 1, 1889, стр. 490).

А. О. Смирновой

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 180 (альбом А. О. Смирновой), л. 3 об. Имеется беловой автограф другой редакции стихотворения – ГИМ, ф. 445, № 105 (альбом М. П. Полуденского), л. 61. Неполная копия, сделанная рукой В. А. Соллогуба, — ИРЛИ, оп. 1, № 47 (повидимому – с чернового автографа).

В обоих автографах под текстом подпись: «М. Лермонтов».

Впервые в сокращении и с неточностями напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 12, № 10, отд. III, стр. 229). Стихотворение, очевидно, печаталось по альбому А. О. Смирновой, это подтверждается не только анализом текста, но и тем, что в этом же номере журнала на одной странице с стихотворением Лермонтова было помещено стихотворение Пушкина, печатавшееся несомненно по автографу в альбоме Смирновой (л. 1). Первые четыре стиха стихотворения Лермонтова не были напечатаны. Возможно, что эти стихи были исключены не самим Лермонтовым, а Смирновой. Имеющиеся же в печатном тексте изменения могли возникнуть в результате того, что Смирнова передала их по памяти.

Датируется 1840 годом по времени опубликования.

Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет (1809–1882) была в дружеских отношениях со многими русскими писателями: Пушкиным, Гоголем, Жуковским и др. Лермонтов познакомился со Смирновой в Петербурге зимой 1839–1840 года, бывал у нее и часто встречал ее в доме Карамзиных. В своей автобиографии А. О. Смирнова рассказывает о том, как было написано это стихотворение: «Софи Карамзина мне раз сказала, что Лермонтов был обижен тем, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся вверх, открыл альбом и написал эти стихи» (А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931, стр. 213).

К портрету

Печатается по тексту «Отеч. записок» (1840, т. 13, № 12, отд. III, стр. 290), где появилось впервые. Имеется беловой автограф – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 40; другой беловой автограф находился Берлинской Гос. библиотеке, в портфелях К. А. Фарнгагена фон Энзе, с пометой «Von Paulina Bülübin» («Русск. старина», 1893, № 4, стр. 59). Черновой автограф под заглавием «Портрет. Светская женщина» – ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), л. 66 об.

В беловом автографе ЦГЛА внизу две пометы: «Писано собственною рукою Лермонтова. К<нязь> В. Одоевский» и «Это портрет графини Воронцовой-Дашковой. К<нязь> Вяземский». Датируется 1840 годом по времени опубликования.

Обращено к графине Александре Кирилловне Воронцовой-Дашковой, урожденной Нарышкиной (1818–1856). Ее портрет был литографирован Греведоном в 1840 году в Париже. В. А. Соллогуб писал о ней в своих воспоминаниях: «Много случалось встречать мне на моем веку женщин гораздо более красивых, может быть, даже более умных, хотя графиня Воронцова-Дашкова отличалась необыкновенным остроумием, но никогда не встречал я ни одной из них такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живым ключом была в ней жизнь и оживляла, скрашивала всё ее окружающее» (В. А. Соллогуб. Воспоминания. «Academia», 1931, стр. 288).

Тучи

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 167–168), где появилось впервые. Имеется копия под заглавием «Тучки» – ЦГЛА, ф. 276, оп. I, № 71.

В «Стихотворениях» датировано: «Апрель 1840», т. е. временем, когда Лермонтов уезжал из Петербурга в ссылку на Кавказ.

П. А. Висковатов передает со слов В. А. Соллогуба об обстоятельствах написания стихотворения: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение: „Тучки небесные, вечные странники!.. „. Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...” (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 338).

Белинский писал об этом стихотворении, что оно «полно какого-то отрадного чувства выздоровления и надежды, и пленяет роскошью поэтических образов, каким-то избытком умиленного чувства» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 51).

Валерик

Печатается по черновому автографу – ЛБ, М., 8490, 3. Имеется копия – ЛБ, IV, 5, 7 (из архива Ю. Ф. Самарина).

Впервые опубликовано (не по данному автографу) с многочисленными опечатками и пропуском некоторых стихов в альманахе «Утренняя заря» на 1843 год (стр. 66–78).

В автографе стихотворение не имеет заглавия. Но в копии из архива Самарина (так же, как и в других имеющихся копиях) и в «Утренней заре» оно озаглавлено «Валерик». Список Ю. Ф. Самарина ближе к тексту «Утренней зари», чем к черновому автографу. Наличие в нем разночтений в некоторых стихах позволяет предполагать, что этот список был сделан с более поздней редакции (возможно, с той же, которая легла в основу текста «Утренней зари»).

Поэтому в настоящем издании сохраняется заглавие «Валерик».

В автографе помета рукой И. Е. Бецкого: «Лермонтова. Подарено мне Л. Арнольди, он же получил от Столыпина с Кавказа».

На копии сверху надпись карандашом, сделанная неизвестной рукой: «Подарено автором». В действительности Самарин получил это стихотворение от кн. И. Голицына, который привез рукопись с Кавказа (Соч. Ю. Ф. Самарина, т. 12, М., 1911, стр. 78).

Датируется летом 1840 года по содержанию; стихотворение было написано после боя 11 июля 1840 года при Валерике (Валерик – приток реки Сунжи, впадающей в Терек). Лермонтов, находясь в отряде генерала Галафеева, участвовал в этом сражении и писал о нем А. А. Лопухину 12 сентября 1840 года (см. настоящее издание). В «Журнале военных действий» (копия – ИРЛИ, оп. 3, № 32) в числе офицеров, отличившихся в сражении при Валерике и проявивших «необыкновенное рвение», назван и «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов» (лл. 54–55). За то, что Лермонтов, «несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы», он был представлен генералом Галафеевым к ордену Владимира 4-й степени с бантом. Корпусное начальство заменило Владимира 4-й степени на орден Станислава 3-й степени. Но даже и на эту награду «не последовало высочайшего соизволения».

Описание сражения в «Журнале военных действий» по сравнению со стихотворением «Валерик» показывает, как точно, вплоть до отдельных деталей, воспроизводил Лермонтов картину боя. В. Г. Белинский отмечал, что «Валерик» «одно из замечательнейших произведений покойного поэта; оно отличается этою стальною прозаичностью выражения, которая составляет отличительный характер поэзии Лермонтова, и которой причина заключалась в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство, в его отвращении прикрашивать их» (Белинский, т. 7, 1904, стр. 495).

Завещание (Наедине с тобою, брат...)

Печатается по «Отч. запискам» (1841, т. 14, № 2, отд. III, стр. 157), где появилось впервые.

Автограф не известен.

Датируется концом 1840 года; в это время Лермонтов участвовал в походах в Большую и Малую Чечню.

Стихотворения 1841 года

Оправдание

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей, —

И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролась любовь, —

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной,
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю – за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Эпиграмма

Под фирмой иностранной иноземец
Не утаил себя никак —
Бранится пошло: ясно немец,
Похвалит: видно, что поляк.

На севере диком стоит одиноко...

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одега как ризой она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Любовь мертвеца

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

*

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных,
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

*

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную
Как встарину.

*

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,
Твои слова текут пылая
По мне огнем.

*

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,
Ты мертвецу, святыней слова,
Обручена.
Увы, твой страх, твои моленья
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

Последнее новоселье

Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий
В изгнании мрачном и в цепях;
Меж тем, как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забыв, —
Негодованию и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:
Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что вера, слава, гений,
Всё, всё великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности – орудье палача,
И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча, —
Ты погибал... и он явился, с строгим взором,
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,
И ваша жизнь слилася в нем, —
И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирает
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас он одевал.
Один, – он был везде, холодный, неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях египетских, у стен покорной Вены,
В снегах пылающей Москвы.

А вы, что делали, скажите, в это время,
Когда в полях чужих он гордо погибал?
Вы потрясали власть избранную как бремя,
Точили в темноте кинжал!
Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили,
И, как рабы, вы предали его!
Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец он снял и бросил сам,
И вам оставил он в залог родного сына —
Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,

И на чужой скале, за синими морями,
Забывший, он угас один —
Один, замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской,
И, как простой солдат, в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой...

*

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жатвы семя,
Зароем мы в спасенных им стенах!»
И возвратился он на родину; безумно,
Как прежде, вокруг него теснятся и бегут
И в пышный гроб, среди столицы шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя, топчет их с самодовольным смехом
Толпа, дрожавшая пред *ним*.

*

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет — спокойствия и сна!
И если дух вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах его лежит,
Какое в нем негодование
При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
Как он великий, океан!

Из-под таинственной холодной полумаски...

Из-под таинственной холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки,
И улыбались лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою:
И с той поры бесплотное виденье

Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

В альбом автору «Курдюковой»

На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я óт слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею, —
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de-Курдюков.

<А. А. Углицкой>

Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,
За мой армейский чин
Всё, что je vous écris;

Меж тем, же ву засюр,
Ich wünsche счастья вам,
Surtout beaucoup d'amour,
Quand vous serez *Мадам*. 11

<Из альбома С. Н. Карамзиной>

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,

И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С<мирновой> штучку, фарсу Саши
И Ишки М<ятлева> стихи...

Графине Ростопчиной

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! – от цели благородной
Оторван бурею страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный,
И ласки вечные свои.

Договор

Пускай толпа клеймит презрением
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубеждением
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в весельи шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить:
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.

Прощай, немытая Россия...

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.¹²

Утес

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Спор

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою¹³
Был великий спор.
«Берегись! – сказал Казбеку
Седовласый Шат, —
Покорился человеку
Ты не даром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и злато,
Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
– Не боюсь я Востока! —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склоняясь в дыму кальяна

На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот – у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет! не дряхлому Востоку
Покорить меня! —

«Не хвались еще заране! —
Молвил старый Шат, —
Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Веют белые султаны
Как степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой,

Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны как поток,
Страшно-медленны как тучи,
Прямо на восток.

И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку¹⁴ нá брови надвинул —
И навек затих.

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня – но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

L'attente

Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement...
Eh non! – trompeuse espérance —
C'est un vieux saule qui balance
Son tronc desséché; et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute:
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé; de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe païsée
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait; l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.¹⁵

Лилейной рукой поправляя...

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет как дева младая
Капгар, молодой туксус.
.....

На бурке под тенью чинары...

1

На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И руки скрестивши татары
Стояли молча пред ним.

2

И, брови нахмутив густые,
Лениво молвил Ага:
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!

3

.....

Они любили друг друга так долго и нежно...

*Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt' es dem andern gestehn.*
Heine.¹⁶

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но как враги избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

Тамара

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евреин.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Свиданье

1

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущельи мгла и дым.
Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старою
На сумрачной горе
Под свежею чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные
Как сторожи стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрую длинною
Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
Над синею *Курой* ,
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.
Недаром он красуется
Перед твоим окном,
И твой отец любитесь
Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колыхнется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится...
А! это ты, злодей!

Листок

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: я бедный листочек дубовый;
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных.

На что мне тебя? отвечает молодая чинара,
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море.

Выхожу один я на дорогу...

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

Морская царевна

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царвною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелкóвой узды.

Вышла молодая потом голова;
В косу вплелась морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее как жемчуг дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»

За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что же вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

Пророк

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Нет, не тебя так пылко я люблю...

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Примечания к стихотворениям 1841 года

Оправдание

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 15, № 3, отд. III, стр. 44), где появилось впервые. Автограф не известен.

Датируется началом 1841 года по времени появления в печати.

Это стихотворение является переработкой двух юношеских стихотворений: «Романса к И...» («Когда я унесу в чужбину», 1831) и «Когда одни воспоминанья», включенного в трагедию «Странный человек», 1831. Первая строфа второго из этих стихотворений повторена в «Оправдании» почти без изменений (только в одном стихе слова «О днях безумства и страстей» заменены словами: «О заблуждениях страстей»). Остальные строфы (2–5) стихотворения написаны заново.

Родина

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 15, № 4, отд. III, стр. 283), где появилось впервые под заглавием «Родина». Автограф под названием «Отчизна» – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 14. В одном стихе печатаем по автографу «ночующий», так как в журнальном тексте опечатка («кочующий»).

Датируется началом 1841 года по времени появления в печати.

В. Г. Белинский 13 марта 1841 года писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его Родина – то, аллах керим, – что за вещь – пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских» (В. Г. Белинский. Письма, т. 2. СПб., 1914, стр. 227).

Н. А. Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) отмечал, что «Лермонтов... обладал, конечно, громадным талантом и, умеючи рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение „Родина“, в котором он... понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно» (Добролюбов, т. 1, 1934, стр. 238).

Эпиграмма (Под фирмой иностранной иноземец...)

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861, т. 3, № 18, стлб. 556), где была опубликована впервые с примечанием П. А. Ефремова внизу страницы: «На О. И. Сенковского». Автограф не известен.

Датируется началом 1841 года в связи с тем, что обращена к О. И. Сенковскому, редактору и издателю «Библ. для чтения», рецензия которого на сборник стихотворений Лермонтова относится к концу предшествующего года. Сенковский в своих рецензиях часто допускал неприкрытую брань по адресу писателей (например Гоголя). В связи с выходом в свет «Героя нашего времени» Сенковский поместил в своем журнале рецензию, которая носила двусмысленный характер («Библ. для чтения», 1840, т. 39, ч. 2, № 4, отд. VI, стр. 17). Позже

Сенковский напечатал восторженный, но отличающийся весьма развязным тоном отзыв о сборнике стихотворений Лермонтова 1840 года (там же, 1840, т. 43, ч. 1, № 11, отд. VI, стр. 1—11). О. И. Сенковский, поляк по национальности, печатал свои статьи под псевдонимом «Барон Брамбеус» (см.: Н. Мордовченко. В. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., 1950, стр. 110—112, 125).

На севере диком стоит одиноко...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 25, которая является второй редакцией стихотворения. (Копия расположена на обороте листка, на котором находится авторизованная копия стихотворения «Любовь мертвеца»). Другая копия той же второй редакции — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10. Черновой подготовительный текст второй редакции (чернилами, отчасти поверх карандаша) — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 3. Под текстом слева — карандашный рисунок, изображающий сосну на вершине и в отдалении пальму на скале; справа — два мужских профиля.

Существует также первая редакция стихотворения. Это беловой автограф — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 15 об. Он расположен на небольшом листке, вклеенном в альбом, и предварительно написан начерно. Перед беловым автографом эпиграф — цитата из стихотворения Гейне. Другой беловой автограф той же первой редакции — ИРЛИ, оп. 1, № 50 (альбом З. И. Юсуповой-Шове), л. 16, с пометой, сделанной неизвестной рукой: «Писано в Санкт-Петербурге, перед отъездом на Кавказ, в 1841 году, М. Ю. Лермонтовым» (таким образом, вторая редакция стихотворения была создана вскоре после первой). Это также листок, наклеенный в альбом. Текст совпадает с текстом белового автографа ГПБ; впервые был опубликован в «Ниве», 1888, № 46, стр. 1161. Работая над первой редакцией стихотворения, Лермонтов, повидимому, начал с перевода строфы 2 (черновик ГПБ, № 11, л. 3; на этом же листке, сверху и снизу, — позднейшая работа по переделке во вторую редакцию); затем перевел строфу 1 и к черновому тексту перевода приписал окончательный текст уже сделанного перевода строфы 2, внося в него некоторые изменения (черновик ГПБ, № 11, л. 15 об.). После этого он переписал весь текст набело на том же листе 15 об.

Вероятно, позднее на л. 3 альбома ГПБ, где был написан черновик строфы 2, на свободных местах (сверху и снизу) Лермонтов набросал первоначальный текст второй редакции. Впервые во второй редакции опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 20, № 1, отд. I, стр. 124) под заглавием «Сосна» и с датой «1840».

Датируется весной 1841 года по нахождению чернового автографа в альбоме Лермонтова (ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11). Об этом же свидетельствует П. П. Вяземский («Русск. архив», 1887, т. 3, № 9, стр. 141—142).

Стихотворение Лермонтова представляет собой вольный перевод 33-го стихотворения цикла «*Lyrisches Intermezzo*» («Лирическое интермеццо». — Нем.) из «*Buch der Lieder*» («Книга песен». — Нем.) Г. Гейне, причем первая редакция ближе к оригиналу, нежели вторая.

Любовь мертвеца

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 25. Это отдельный листок, на обороте которого находится копия стихотворения «На севере диком». Черновой автограф (карандаш, обведенный чернилами чужой рукой) — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 2—2 об.

Впервые опубликовано в альманахе «Утренняя заря» на 1842 год (СПб., 1842, стр. 44—46) с цензурным пропуском и заменой многоточием двух стихов.

Датируется весной 1841 года по нахождению чернового автографа в альбоме Лермонтова (ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11) перед стихотворением «Последнее новоселье» и предисловием ко второму изданию «Героя нашего времени», написанными весной 1841 года.

Последнее новоселье

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 16, № 5, отд. III, стр. 1–2), где появилось впервые. Черновой автограф – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), лл. 9 об. – 11. Беловой автограф (с отличиями от печатного текста) – ИРЛИ, оп. 1, № 38 (из альбома А. Д. Боратынской, рожд. Абамелек). Подпись: «М. Лермонтов». Авторизованная копия (также не совсем совпадающая с текстом «Отеч. записок») – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), лл. 15–16.

Датируется весной 1841 года по времени появления в печати.

Написано по поводу перенесения праха Наполеона I с острова св. Елены в Париж 15 декабря 1840 года.

В отдельных стихах речь идет об единственном сыне Наполеона I и Марии-Луизы, герцоге Рейхштадтском (1811–1832), который после крушения империи и восстановления монархии Бурбонов был увезен в Австрию.

Из-под таинственной, холодной полумаски...

Печатается по «Отеч. запискам» (1843, т. 28, № 5, отд. I, стр. 80), где опубликовано впервые. Автограф не известен.

Датируется 1841 годом предположительно; в сборник стихотворений 1840 года это стихотворение не вошло и, повидимому, написано после выхода сборника в свет.

В альбом автору «Курдюковой»

Печатается по «Отеч. запискам» (1842, т. 24, № 9, отд. I, стр. 174), где было опубликовано впервые. Автограф – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 45 с заглавием «И. П. Мятлеву».

«Автор Курдюковой» – Иван Петрович Мятлев (1796–1844). Его нашумевшее произведение «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'этранже» написано в стиле так называемой макаронической поэзии, основанной на смешении различных языков (в «Сенсациях...» смесь слов из русского и французского языков).

Стихотворение Лермонтова датируется 1841 годом – временем выхода в свет книги Мятлева.

<А. А. Углицкой> (Ma chère Alexandrine...)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 42 (из альбома А. А. Альбрехт, урожд. Углицкой). Автограф карандашом на отдельном листке, который был ранее вклеен в альбом. Подпись: «Лермонтов». Справа внизу – рисунок, изображающий фигуру женщины.

Впервые опубликовано в альманахе «Радуга» (Пб., 1922, стр. 111).

Датируется февралем или мартом 1841 года, написано во время последнего приезда Лермонтова в Петербург.

В стихотворении речь идет о предстоящей (в апреле 1841 года) свадьбе Александры Александровны Углицкой (1822–1862), дочери двоюродной сестры матери поэта. Лермонтов упоминает про свой «армейский чин»: он был переведен из лейб-гвардии гусарского полка в армейский (Тенгинский пехотный полк) в апреле 1840 года и до февраля 1841 года находился на Кавказе.

Стихотворение написано в манере стихов И. П. Мятлева (см. примечание к предыдущему стихотворению).

<Из альбома С. Н. Карамзиной>

Печатается по фотоснимку с автографа, хранящемуся в ИРЛИ, оп. 1, № 48.

Автограф, принадлежавший Е. П. Клейнмихель (урожденной Мещерской), утрачен.

Впервые опубликовано: без последней строфы – в сборнике «Русская беседа» (т. 2, 1841, стр. 93), полностью – в «Русск. библиофиле» (1916, № 6, октябрь, стр. 70) с приложением факсимиле автографа.

Датируется предположительно началом 1841 года.

Софья Николаевна Карамзина (1802–1865) – дочь писателя и историка Н. М. Карамзина, умная, образованная женщина, с которой Лермонтов был особенно дружен в последние годы своей жизни. О салоне Карамзиных см.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 143–144; А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. М., 1928, стр. 70–71.

Стихотворение вызвало восторженный отзыв Белинского: «Какая простота и глубокость!

Оборот мысли, фразы – всё пушкинское» (Белинский, т. 7, 1904, стр. 69).

Смирнова Александра Осиповна – см. примечание к стихотворению «А. О. Смирновой»

Саша – Александр Николаевич Карамзин (1815–1888), поэт, брат С. Н. Карамзиной.

Ишка Мятлев – поэт Иван Петрович Мятлев, см. примечание к стихотворению «В альбом автору „Курдюковой“».

Графине Ростопчиной

Печатается по сборнику «Русская беседа» (т. 2, СПб., 1841, стр. 94), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Датируется концом апреля 1841 года на основании следующих данных. Перед отъездом на Кавказ Лермонтов подарил Е. П. Ростопчиной альбом. В примечании к стихотворению «Пустой альбом» Е. П. Ростопчина пишет: «Этот альбом был мне подарен М. Ю. Лермонтовым, перед отъездом его на Кавказ, в мае (в апреле. – Ред.) 1841 года, стало быть, незадолго перед его смертью. В нем написал он свое стихотворение ко мне: „Я знаю, под одной звездой мы были с вами рождены“» (Стихотворения графини Ростопчиной, т. 2, изд. 2-е, СПб., 1857, стр. 85).

Впоследствии Н. Г. Чернышевский подчеркивал, что имя Ростопчиной «будет увековечено этим прекрасным стихотворением» (Чернышевский, т. 3, 1947, стр. 466).

Договор

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 21.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 21, № 3, отд. I, стр. 1–2).

Является переработкой юношеского стихотворения «Прелестнице» (1832). Первые три строфы мало отличаются от прежнего текста, две последние написаны вновь.

Датируется предположительно 1841 годом.

В письме к В. П. Боткину от 17 марта 1842 г. Белинский писал: «„Договор“ – чудо, как хорошо, и ты прав, говоря, что это глубочайшее стихотворение, до понимания которого не всякий дойдет...» (В. Г. Белинский, Письма, т. 2, 1914, стр. 284).

Прощай, немытая Россия...

Печатается по публикации «Русск. архива» (1890, кн. 3, № 11, стр. 375), представляющей наиболее вероятную редакцию. Текст сопровождается примечанием: «Записано со слов поэта современником». Имеется копия ИРЛИ (оп. 2, № 52 в письме П. И. Бартенева П. А. Ефремову от 9 марта 1873 г.), текст которой приведен в подстрочном примечании. Посылая стихотворение Ефремову, Бартенев писал: «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника». Однако

сообщение это нельзя считать достоверным, поскольку стихотворение опубликовано тем же Бартевым в «Русск. архиве» в иной редакции (см. текст).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано с цензурными искажениями в «Русск. старине» (1887, № 12, стр. 738–739).

Датируется предположительно концом апреля 1841 года, когда Лермонтов находился в Петербурге и вновь, в 48 часов, был выслан на Кавказ.

В стихотворении с наибольшей политической остротой выразилось отношение Лермонтова к самодержавно-полицейскому режиму николаевской России.

Утес

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 8. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 24 об. – 25 (1 об. – 2 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 331).

Датируется апрелем 1841 года, по положению чернового текста в записной книжке.

Белинский в статье «Русская литература в 1843 году» говорил, что стихотворения Лермонтова «„Утес“, „Дубовый листок оторвался от ветки родимой“, „Морская царевна“, „Тамара“ и „Выхожу один я на дорогу“ принадлежат к лучшим созданиям Лермонтова» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 411). В статье 1844 года «Стихотворения М. Лермонтова» он писал: «„Сон“, „Тамара“, „Утес“, „Выхожу один я на дорогу“, „Морская царевна“, „Из-под таинственной, холодной полумаски“, „Дубовый листок оторвался от ветки родимой“, „Нет, не тебя так пылко я люблю“, „Не плачь, не плачь, мое дитя“, „Пророк“, „Свидание“, – одиннадцать пьес, все высокого, хотя и не равного достоинства, потому что „Тамара“, „Выхожу один я на дорогу“ и „Пророк“, даже и между сочинениями Лермонтова, принадлежат к блестящим исключениям» (т. 9, 1910, стр. 42).

Спор

Печатается по беловому автографу – ЛБ (из архива Ю. Ф. Самарина) Имеются также черновой (карандашом) и белой с поправками (чернилами) автографы – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 2 об. – 5 и 6–7.

Впервые напечатано в «Москвитянине» (1841, ч. 3, № 6, стр. 291–294). Подпись: «М. Лермонтов».

Стихотворение написано в Москве, в апреле 1841 года (см. письмо Ю. Ф. Самарина к И. С. Гагарину от 3 августа 1841 года и запись его же в дневнике 1841 года – Соч. Самарина, т. 12, М., 1911, стр. 55–57). В автографе ЛБ – помета (карандашом) Ю. Ф. Самарина:

«Писан рукою Лермонтова и подарен мне». 15 июня 1841 года Самарин, отправляя подаренную ему рукопись М. П. Погодину, писал: «Посылаю вам приношение Лермонтова в ваш журнал. Он просит напечатать его просто, без всяких примечаний от издателя, с подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за вас, и за всех читателей „Москвитянина“» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6. СПб., 1892, стр. 236).

Стихотворение «Спор», изображающее вступление на Кавказ русской армии под начальством А. П. Ермолова («генерал седой»), является выражением зрелости общественно-исторических взглядов Лермонтова. Сочувствуя народам Кавказа, живо интересуясь их культурой и бытом, поэт в то же время убежден в том, что присоединение Кавказа к России и приобщение его к экономической и культурной жизни ее исторически неизбежны и прогрессивны.

Сон (В полдневный жар в долине Дагестана...)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 7 об. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 21–22 (4 об. – 5 об. с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 183).

Датируется маем—началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Стихотворение, возможно, навеяно песней терских казаков:

...Ох, не отстать-то тоске-кручинушке
От сердечушка моего.
Как сегодняшнюю темную ноченьку
Мне мало спалось, —
Мне мало спалось, на белой заре
Много во сне виделось.
Во сне виделось: ох, будто б я, удал добрый молодец,
Убитый на дикóй степе лежу...
Ретивое мое сердечушко простреленое...

(«Терский сборник», приложение к «Терскому календарю на 1891 год», вып. 1, Владикавказ, 1890, отд. II, стр. 133–139).

Белинский о стихотворении «Сон» – см. примечания к стихотворениям «Утес» и «Нет, не тебя так пылко я люблю».

L'Attente

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 37 (по тексту стихотворения в письме Лермонтова к С. Н. Карамзиной). По данному автографу опубликовано в «Лит. наследстве», т. 19–21, 1935, стр. 514. Имеется также черновой (карандашом, без заглавия) автограф этого стихотворения – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 16 (л. 10 об. с другого ее конца).

Впервые опубликовано (по черновому автографу) в «Русск. старине» (1887, т. 54, № 5, стр. 406; т. 56, № 12, стр. 735–736).

Письмо Лермонтова к С. Н. Карамзиной из Ставрополя датировано 10 мая 1841 года, что позволяет и содержащееся в нем данное стихотворение приурочить к этому времени.

На основании публикации П. П. Вяземского («Русск. архив», 1887, т. 3, № 9, стр. 129–142) считалось посвященным французенке-поэтессе Адели Оммер де Гелль и датировалось 28 октября 1840 года. Мистификация П. П. Вяземского, оперировавшего подложными письмами Оммер де Гелль, была разоблачена советскими литературоведами (см. «Лит. наследство», 45–46, 1948, стр. 761–766).

Лилейной рукой поправляя...

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (карандашный набросок в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 23 (3 об. с другого ее конца).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. 1, стр. 201).

Датируется маем—началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Является началом стихотворения.

Капгар – от турецкого «капкара», черный.

Туксус (туксюз), по-татарски – безбородый.

На бурке под тенью чинары...

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (карандашный набросок в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 22 об. (л. 4 с другого ее конца).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. I, стр. 200–201).

Датируется маем—началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Является началом стихотворения.

Они любили друг друга так долго и нежно...

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 7 об.—8. Два черновых автографа, чернилами и карандашом, – там же, л. 8 и лл. 19 об. – 20 (лл. 6 об. – 7 с другого конца книжки). Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 317).

Датируется маем—началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Является вольным переводом стихотворения Гейне «Sie liebten sich beide», 1823 (из «Buch der Lieder» – «Книги песен». – *Нем.*), начало которого приведено Лермонтовым в качестве эпиграфа. Концовка стихотворения изменена Лермонтовым: у Лермонтова – «Взяла их смерть... и всё объяснилось на небе», у Гейне – влюбленные и по смерти не узнают о своей земной любви.

Белинский в статье «Русская литература в 1843 году», ошибочно отнеся стихотворение «Они любили друг друга» к группе произведений, которые «принадлежат к самой ранней эпохе поэтической деятельности Лермонтова», говорил, что все они «замечательны не столько в эстетическом, сколько в психологическом отношении, как факты духовной личности поэта. В эстетическом отношении, эти пьесы поражают то энергическим стихом, то могучим чувствованием, то яркою мыслию; но в целом они довольно слабы и отзываются юношескою незрелостию» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 410–411).

Тамара

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 8 об.—9. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 19 об. – 20 об. (лл. 6–7 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 229–230).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

В основу стихотворения положена народная грузинская легенда о царице Дарье, которая жила в старинной башне на Тереке, заманивала к себе на ночь путников, под утро убивала их и выбрасывала трупы в Терек. Имени царицы Дарьи нет в грузинской истории. Это имя возникло, вероятно, от названия Дарьяльского ущелья, где находился легендарный замок, или от сближения с именем и обликом царицы Дареджан, жившей в XVII веке. Лермонтов слышал такой вариант легенды, в котором имя Дареджан было заменено именем популярной в Грузии царицы Тамары, воспетой в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Белинский о стихотворении «Тамара» – см. примечания к стихотворениям «Утес» и «Нет, не тебя так пылко я люблю».

Свиданье

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 9 об. – 10 об. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 16 об. – 18 (лл. 8 об. – 10 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. I, стр. 198–200).

Датируется маем—началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Свиданье» – см. примечание к стихотворению «Утес».

Листок

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 10 об. – 11. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 18 об. – 19 (лл. 7 об. – 8 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 193).

Датируется маем—началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Листок» – см. примечание к стихотворению «Утес».

Выхожу один я на дорогу...

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка Лермонтова, подаренная ему В. Ф. Одоевским), лл. 11 об. – 12.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 332).

Датируется маем—началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Выхожу один я на дорогу» – см. примечания к стихотворениям «Утес» и «Нет, не тебя так пылко я люблю».

Морская царевна

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 12–13.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 28, № 5, отд. I, стр. 1–2).

Датируется маем—началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Морская царевна» – см. примечание к стихотворению «Утес».

Пророк

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 13 об. – 14. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 23 об. – 24 (лл. 2 об. – 3 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. I стр. 197).

Датируется маем—началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Лермонтовский «Пророк» является своеобразным продолжением стихотворения Пушкина под тем же заглавием. Если Пушкин ставит вопрос об огромном общественном значении поэта и поэзии, то Лермонтов говорит уже о печальной судьбе поэта-гражданина, осмелившегося выступить с критикой общественных порядков.

Белинский писал: «...стихотворение „Пророк“ принадлежит к лучшим созданиям Лермонтова и есть последнее (по времени) его произведение. Какая глубина мысли, какая страшная энергия выражения! Таких стихов долго, долго не дожидаться России!..» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 430). См. также примечание к стихотворению «Утес».

Нет, не тебя так пылко я люблю...

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 11 об. Черновой автограф – здесь же, л. 15 об. (л. 11 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 194).

Датируется летом 1841 года, когда Лермонтов встречался с Е. Быховец.

По мнению П. А. Висковатова, обращено к Софье Михайловне Соллогуб (урожденной Вьельгорской, 1820–1878), жене писателя В. А. Соллогуба (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891,

стр. 326–327). Однако в последнее время высказано более убедительное предположение, что стихотворение это относится к Екатерине Быховец, дальней родственнице Лермонтова, с которой поэт встречался в Пятигорске летом 1841 года (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 492).

«Подруга юных лет» – очевидно, В. А. Бахметева (урожд. Лопухина). В своем письме от 5 августа 1841 года Е. Быховец рассказывала о Лермонтове: «Он был страстно влюблен в В. А. Бахметьеву; она ему была кузина; я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был» («Русск. старина», 1892, № 3, стр. 767). Белинский в статье 1843 года «Библиографические и журнальные известия» писал, что «восемь новооткрытых стихотворений его <Лермонтова> принадлежат к замечательнейшим его произведениям, особенно: „Сон“, „Тамара“, „Нет, не тебя так пылко я люблю“ и „Выхожу один я на дорогу»» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 201). В статье же „Русская литература в 1843 году“, отнеся стихотворения „Нет, не тебя так пылко я люблю“ и „Сон“ к группе пьес, которые „равно интересные как в эстетическом, так и в психологическом отношении“, отметил, что они „принадлежат, без всякого сомнения, к эпохе полного развития могучего таланта незабвенного поэта“ (там же, стр. 411). См. также примечание к стихотворению „Утес“.

Стихотворения разных лет

Крест на скале

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.

И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.

О если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия
И с бурею братом назвался бы я!

Черные очи

Много звезд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.

Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

К * (Когда твой друг с пророческой тоскою...)**

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; — но меж людей
Он не годился; и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;

И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!

Гость

(Быль)

(Посвящается...)

Кларису юноша любил,
Давно тому назад.
Он сердце девы получил:
А сердце — лучший клад.
Уж громкий колокол гудёт,
И в церкви поп с венцами ждет.

И вдруг раздался крик войны,
Подъяты знамена:
Спешат отчества сыны —
И ноги в стремяна!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девой молодой.

«Клянись, что вечно, — молвил он, —
Мне не изменишь ты! —
Пускай холодной смерти сон,
О, дева красоты,
Нас осеняет под землей,
Коль не венцы любви святой!»

Клариса клятву говорит,
Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой —
С тобою в храм и в гроб с тобой!»

— Итак, прости! жалею меня:
Печален мой удел! —
Калмар садится на коня,
И вихрем полетел...
Дни мчатся... снег в полях лежит...
Всё дева плачет да грустит...

Вот и весна явилась вновь,
И в солнце прежний жар.
Проходит женская любовь,
Забыт, забыт Калмар!
И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.

С невестой под руку жених
Пирует за столом,
Гостей обходит и родных
Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит;
Лишь молча гость один сидит.

На нем шелом избит в боях,
Под хладной сталью лик,
И плащ изорван на плечах,
И ржавый меч велик.
Сидит он прям и недвижим,
И речь начать боятся с ним...

«Что гость любезный наш не пьет, —

Клариса вдруг к нему, —
И что он нить не перервет
Молчанью своему?
Кто он? откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»

Не стон, не вздох он испустил —
Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! — открыл пришлец
Лицо свое: то был мертвец.

Трепещут все, спасенья нет,
Жених забыл свой меч.
«Ты помнишь ли, — сказал скелет, —
Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!

Калмар твой пал на битве — там,
В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
Я верен был тебе!..»
Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.

В том доме каждый круглый год
Две тени, говорят,
(Когда меж звезд луна бредет,
И все живые спят)
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..

Non, si j'en crois mon espérance...

Non, si j'en crois mon espérance
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir.
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrai.¹⁷

<Н. Н. Арсеньеву>

Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блещут;
Вино поддельное, кокетка,
Для головы и сердца – яд!

Опять, народные витии...

1

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России
Опять шумя восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

2

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря;
Вам солнца божьего не видно

За солнцем русского царя.

3

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

<4>

Безумцы мелкие, вы правы,
Мы чужды ложного стыда!
.....

<5>

Но честь России невредима.
И вам смеясь внимает свет...
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.

Когда надежде недоступный...

Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,

Пороки юности преступной
Я мнил страданием искупить;
Когда бывшее ежечасно
Очам являлось моим
И всё, что свято и прекрасно,
Отозвалось мне чужим;
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь?» он вещал;
«Ты жить устал? — но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв;
Будь как другие хладнокровен,
Будь как другие терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй».

Ах! ныне я не тот совсем...

Ах! ныне я не тот совсем,
Меня друзья бы не узнали,
И на челе тогда моем
Власы седые не блитали.
Я был еще совсем не стар;
А иссушил мне сердце жар
Страстей, явились морщины
И ненавистные седины,
Но и теперь преклонных лет
Я презираю тяготенье.
Я знал еще души волненье —
Любви минувшей грозный след.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полночной грезы
Мне кажется: идет она
Между каштанов и черешен...
Катится по небу луна...
Как я доволен и утешен!
Я вижу кудри... взор живой
Горячей влагою оделся...
Как жемчуг перси белизной.
Так живо образ дорогой
В уме моем напечатлелся!

Стан невысокий помню я
И азиатские движенья,
Уста пурпурные ея,
Стыда румянец и смятенье...
Но полно! полно! я любил,
Я чувств своих не изменил!..
.....

Любовь, сокрывшись в сердце диком,
В одних лишь крайностях горит
И вечно (тщетно рок свирепый
Восстал) меня не охладит,
И тень минувшего бежит
Поныне всюду за Мазепой...
.....

Он был в краю святом...

Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шелом
Исекли сарацины.

Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.

Неверных он громил
Обеими руками —
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.

Встречаясь с ним подчас,
Смущались красотки;
Он п.... их не раз,
Перебирая четки.

Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит — детей содом,
Жена его брюхата.

Пришибло старика...

Никто моим словам не внимлет... Я один...

Никто моим словам не внимлет... я один.
День гаснет... красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной. – Я полон весь мечтами,
О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

Мое грядущее в тумане...

Мое грядущее в тумане
Было<e> полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?

К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу
Ты будешь славен меж людей!..

И я словам его поверил,
И полный волею страстей
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Тогда для поприща готовый
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

Это случилось в последние годы могучего Рима...

Это случилось в последние годы могучего Рима,
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно:
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа
Церкви христовой юные вновь зеленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ревущим, скрывался в то время
Праведный старец, в посте и молитве свой век доживая;
Бог его в людях своей благодатью прославил.
Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему старуха простого
Звания, – с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен,
Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете
Девственной жизни умершую... – «Вот уж два дня и две ночи,—
Так она говорила, – мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе холодном,
Золото сыплем жрецам их и плачем, – но всё бесполезно!
Если бы знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира! Как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее, молодели; и юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над головой осторожно, тропинкой
К Тибру спускалась она за водою... иль в пляске,
Перед домашним порогом, подруг побеждала искусством,
Звонким, ребяческим смехом родительский слух утешая...
Только в последнее время приметно она изменилась;
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой;
Из дому стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила... При свете
Поздней лампы я видела раз, как она, на коленях,
Тихо, усердно и долго молилась, – кому? – неизвестно!..
Созвали мы стариков и родных для совета; решили...»
.....

<I> Тебе, Кавказ, суровый царь земли

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере – в стране тебе чужой
Я сердцем твой – всегда и всюду твой.

Еще ребенком, робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,

Как головы поклонников аллы.
Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был – товарищ их воздушный.

С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел.
Он пролил в грудь мою забвенье бед,
И дружно я на дружный зов ответил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Всё о тебе мечтаю и пою.

<II> Тебе, Кавказ, суровый царь земли

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, грозный, вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пестун, юных сил
Хранитель верный – <и мечтою
Я страстно обнимал тебя порою.>

И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбились облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих видений,
Зубчатую тянулись полосой,
Таинственной, синей одна другой,
Всё горы, чуть приметные для глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.

Не плачь, не плачь, мое дитя...

Не плачь, не плачь, мое дитя,

Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрей огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!

Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, —
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил —
Но слез твоих он не оценит!

Quand je te vois sourire...

Quand je te vois sourire,
Mon coeur s'aplanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon coeur me dit!

Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends baigner
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!..¹⁸

Примечания к стихотворениям разных лет

Крест на скале

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь 2, В. Х. Хохрякова), л. 6.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 57–58).

Дата не установлена. Возможно, стихотворение относится к 1830 г., когда Лермонтов познакомился с семейством Сушковых.

В копии под стихотворением надписано: M-Ile Souchkoff; на полях помета Висковатова о том, что стихотворение адресовано m-Ile Сушковой, по его предположениям Е. П. Сушковой, впоследствии гр. Ростопчиной.

Черны очи

Печатается по автографу – ЛБ, М., 8228, 45, л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки, т. 1, 1910, стр. 188.

Дата не установлена. Возможно, стихотворение относится к 1830 году. Обращено, вероятно, к Е. А. Сушковой.

К * (Когда твой друг с пророческой тоскою...)**

Печатается по автографу – ЛБ, М., 8228, 45, л. 2 об.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки, т. 1, 1910, стр. 188–189.

Дата стихотворения не установлена.

Вариант первой строфы имеется в стихотворении «Не смейся над моей пророческой тоскою» (1837), некоторые стихи введены были в стихотворение «Он был рожден для счастья, для надежд» (1832).

Гость (Кларису юноша любил...)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 64.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1882, № 8, стр. 389–390), лл. 2–4.

Дата не установлена.

Non, si j'en crois mon espérance...

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 64, л. 1. Копия сделана по бумагам А. М. Верещагиной.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1882, т. 35, № 8, стр. 391).

Дата не установлена.

П. А. Висковатов, публикуя это стихотворение в «Русской старине», во вступительной заметке указывал, что оно относится к 1830–1832 годам, и намекал, что оно обращено к В. А.

Лопухиной. Однако в 1 томе «Сочинений» Лермонтова под редакцией того же Висковатова (М., 1889, стр. 235–236) это стихотворение отнесено к 1832 году и напечатано с посвящением А. М. Верещагиной.

<Н. Н. Арсеньеву>

Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 276, оп. 2, № 3 (альбом Н. Н. Арсеньева). В автографе подпись: «М. Лермантов».

Имеется фотокопия – ИРЛИ, оп. 2, № 119.

Стихотворение опубликовано впервые в «Русск. архиве» (1871, № 7/8, стлб. 1271–1272).

Дата не установлена.

Николай Николаевич Арсеньев (род. в 1809 году) – родственник поэта по матери, М. М. Лермонтовой. Учился в кадетском корпусе, потом служил в кавалергардах.

Опять, народные витии...

Печатается по черновому автографу, состоящему из пяти строф, – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 59–60.

Впервые опубликован отрывок стихотворения в «Современнике» (1854, т. 45, № 5, отд. I, стр. 5), без нумерации строф. Полностью стихотворение помещено, как состоящее из шести строф, в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 21–22) с нумерацией строф, при этом по поводу строфы, помеченной цифрой 5 и замененной двумя строками точек, было сделано внизу примечание: «Этой строфы недостает в доставленном нам списке».

В 1863 году С. С. Дудышкин напечатал это стихотворение (с некоторыми разночтениями) в томе 1 «Сочинений Лермонтова», датировав его 1830–1831 годами (стр. 155–157).

В своем показании от 21 февраля 1837 года по поводу стихотворения «Смерть поэта» С. А. Раевский упоминал и о стихотворении «Опять, народные витии», подчеркивая, что здесь «Лермонтов...обнаружил русское негодование против французской безнравственности их палат и т. п.», и далее приводил с двумя разночтениями некоторые стихи, указав, что всё стихотворение написано, «кажется, в 1835 году» («Вестник Европы», 1887, № 1, стр. 339–340).

П. А. Висковатов в томе I «Сочинений Лермонтова» (1889, стр. 245–246), поместив стихотворение «Опять, народные витии» под датой 1835 года на основании показаний С. А. Раевского, воспроизвел текст, напечатанный в Соч. под. ред. С. С. Дудышкина (т. 1, стр. 155–157).

В воспоминаниях А. П. Шан-Гирея, говорится: «Незадолго до смерти Пушкина, по случаю политической тревоги на Западе, Лермонтов написал пьесу в роде известной „Клеветникам России“, но... никогда не хотел впоследствии напечатать ее» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, август, стр. 743). Далее Шан-Гирей приводил (с несколькими разночтениями) текст стихотворения «Опять, народные витии». В виду неопределенности показания С. А. Раевского, стихотворение печатается в разделе разных годов.

Не имея достаточных оснований предполагать, что стихотворение «Опять, народные витии» состоит из шести строф (т. е., что одна строфа до сих пор не известна), мы, производя нумерацию строф, обозначаем две последние строфы, как 4 и 5. Кроме того, стихи, зачеркнутые в автографе, переносим в раздел «Варианты».

Когда надежде недоступный...

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 34 (тетрадь «Лекции из географии»), лл. 58 об. – 59. Автограф карандашом. Два слова в одном стихе («былое ежечасно») обведены чернилами.

Впервые было опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 287–288).

Дата окончания не установлена. Возможно, что написано одновременно с поэмой «Сашка», черновые наброски которой находятся в той же тетради.

Ах! ныне я не тот совсем...

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861, т. 3, № 16, стлб. 496–497), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Дата написания не установлена.

Вольный перевод пятой песни из поэмы Байрона «Мазепа».

Он был в краю святом...

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861, т. 3, № 1, стлб. 19), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Дата написания не установлена.

Пародия на стихотворение В. А. Жуковского «Старый рыцарь» (1832).

Никто моим словам не внимлет... я один...

Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 53.

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (1935, т. 19–21, стр. 505).

Дата точно не установлена. Можно предполагать, что стихотворение написано не позднее 1837 года, когда Лермонтов часто встречался с С. А. Раевским, у которого и сохранилась рукопись произведения.

Листок с автографом находился в архиве Е. А. Карлгоф-Драшусовой, хозяйки литературного салона в Петербурге. После смерти Лермонтова С. А. Раевский послал ей этот листок со следующей запиской: «Соображения Лермонтова сменялись с необычайною быстротою, и как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко – и я бывал свидетелем, как во время размышления противника его в шахматной игре Лермонтов писал драматические отрывки, замещая краткие отдыхи своего поэтического пера быстрыми очерками любимых его предметов: лошадей, резких физиономий и т. п. Для сохранения воспоминания об этой отличительной черте Раевский с отличным почтением посылает ее превосходительству Елизавете Алексеевне собственноручный листок Лермонтова, согласно желанию ее. – 10 июня 1844. С. Раевка» (ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 155).

Мое грядущее в тумане...

Печатается по автографу ЦГЛА из архива Е. А. Карлгоф-Драшусовой (ф. 276, оп. 1, № 53, отдельный листок).

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (1935, т. 19–21, стр. 505–506).

Дата точно не установлена. Стихотворение может быть написано не позднее 1837 г., так как автограф находится на одном листке со стихами «Никто моим словам не внимлет...» (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Стихотворение не завершено.

Это случилось в последние годы могучего Рима...

Печатается по копии – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 67 (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 5–6.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано (без последнего стиха) в сборнике «Вчера и сегодня» (кн. 1, СПб., 1845, стр. 92–93), а последний стих – в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 20).

Дата не установлена.

Стихотворение не закончено.

Это единственный в поэзии Лермонтова опыт гекзаметра.

В стихотворении допущен анахронизм: действие происходит во времена императора Тиберия (14–37 годы I века нашей эры). Гонения на христиан в Риме тогда еще не было.

<I> Тебе, Кавказ, суровый царь земли...

Печатается по факсимиле (с автографа без заглавия из частного собрания в Париже) – «Лит. наследство» (т. 43–44, М., 1941, стр. 17). В автографе – помета неизвестной рукой: «Отдано в „Молодик“». Копия под заглавием „К Кавказу“ – ИРЛИ, оп. 2, № 32 (тетрадь В. Шульца), лл. 24 об. – 25.

Впервые опубликовано с неточностями по автографу (см. выше) в «Молодике» на 1844 год (СПб., 1844, стр. 8) под заглавием «К Кавказу». Напечатано вторично, уже как посвящение к поэме «Демон», в «Современнике» (1855, т. 50, № 4, отд. I, стр. 435–436) по копии с тетради, доставленной в редакцию неким Ч* (вероятно, Б. Н. Чичериным). С тех пор перепечатывалось в изданиях сочинений Лермонтова как посвящение к «Демону».

В настоящем издании печатается как самостоятельное стихотворение, так как ни автограф, ни копия В. Шульца не дают никаких оснований считать его посвящением к «Демону». Оно отсутствует во всех автографах и авторитетных списках поэмы «Демон».

Дата написания не установлена. Судя по почерку и содержанию, относится к последним годам жизни Лермонтова (1838–1841).

Написано октавами (так же, как и близкое к нему по форме и содержанию посвящение к поэме «Аул Бастунджи»).

<II> Тебе, Кавказ, суровый царь земли...

Печатается по факсимиле (с автографа без заглавия из частного собрания, Москва) – «Лит. наследство» (т. 43–44, М., 1941, стр. 24). Копия, принадлежавшая А. А. Краевскому, тоже без заглавия – ИРЛИ, оп. 2, № 49.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, СПб., 1880, стр. 554) как посвящение к поэме «Демон» и перепечатывалось под тем же названием в последующих изданиях сочинений Лермонтова.

В настоящем издании печатается как самостоятельное стихотворение, так как ни автограф, ни копия Краевского не дают никаких оснований считать его посвящением к «Демону». Оно отсутствует во всех автографах и авторитетных списках поэмы «Демон».

Дата написания не установлена. Судя по почерку и содержанию, относится к последним годам жизни Лермонтова (1838–1841).

По строфической своей форме аналогично «Сказке для детей».

Не плачь, не плачь, мое дитя...

Печатается по «Отеч. запискам» (1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 195), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Дата не установлена.

Отдельные стихи частично совпадают с первым монологом Демона из поэмы под тем же названием (ср. «Не плачь, дитя, не плачь напрасно»; «Не оценит тоски твоей», см. настоящее издание).

Quand je te vois sourire...

Печатается по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 23), где было опубликовано впервые со ссылкой на тетрадь копий Л. И. Арнольди.

Автограф не известен.

Дата написания не установлена.